

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

A 139  
36

ЖУРНАЛЬ

802-11  
214

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ЕВГЕНЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

---

ЧАСТЬ СТО ОДИННАДЦАТАЯ

21-9

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № I.

## I.

### ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

#### КАРТИНЫ.

(Повѣсть, соч. Лудвига Тика) (\*).

„Войдите пока сюда, въ карпинную галерею“ — сказалъ слуга, впуская молодого Эдуарда: „Баринъ сей часъ къ вамъ выйдетъ.“

Съ грустною душою вошелъ молодой человекъ въ дверь: „Не таковы были мои чувства,“ думалъ онъ про себя: „когда я ходилъ по этимъ комнатамъ съ почтеннымъ моимъ родителемъ. Въ первый разъ я сдѣлся на такое дѣло, но это будетъ и послѣдній разъ. Да, должно быть послѣднимъ! Пора уже мнѣ иначе думать о свѣтѣ и о себѣ самомъ.“

(\*) Пропуски были необходимы въ-сей повѣсти, и если не совсѣмъ они сглажены — вполю шову журнальная шорпливость. *Перев.*

#### ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктшербургъ, Декабря 15 дня 1826 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ  
Константинъ Сербиновичъ.*

Приславивъ къ стѣнѣ обернутую холстомъ картину, пошелъ онъ далѣе по залѣ. „Не понимаю, какъ могутъ люди дорожить этими бездушными изображениями, до того, что единственно для нихъ и въ нихъ полько существуютъ!“ Таково было продолженіе безмолвныхъ его разсужденій. „Эти энтузіасты, право, какъ будто закапываются въ какой нибудь заколдованный край! Для нихъ Искусство есть окно, черезъ которое смотрять они на природу и свѣтъ, и полько шо знакомо имъ въ послѣднихъ, чему есть подражанія. И башюшка мой провель въ подобныхъ же мечтахъ вѣкъ свой; что не касалось собранія картинъ его, шо было для него ни чуть не важнѣе какого нибудь происшествія подъ полюсомъ. Чудно, какъ всякій энтузіазмъ ведетъ насъ къ ограниченію нашего бытія и чувствъ нашихъ.“

Между тѣмъ поднялъ онъ глаза, и былъ ослѣпленъ или испуганъ картиною, копорая у пошолка высокой залы висѣла безъ рамы и украшеній. Голова блѣдурой дѣвушки, въ перепутанныхъ красивыхъ кудряхъ, съ насмѣшливой улыбкой, смотрѣла внизъ; легонькое плашеце оспавляло одно плечо не совсемъ прикрываемъ и выказывало всю полношу его, близину и свѣжеснъ; въ длинныхъ красивыхъ пальчикахъ держала дѣвушка

едва распустившуюся розу, поднося ее къ своимъ ярко-ошвѣненнымъ уснамъ. „Ай да Рубенсъ!“ вскричалъ Эдуардъ: „Должна быть его картина, и если шочно его, шо нѣтъ мастера, подобнаго ему въ такихъ предметахъ! Тушь все живо, все дышитъ! Эша роза споритъ о свѣжеснѣ съ уснами! Краска обоихъ сливается въ одно, и за всемъ тѣмъ шакъ вѣрно ошдѣлена! Эти полныя плечи — какой блескъ! Эти набросанныя въ беспорядкѣ кудри — какъ милы! Чудакъ спарикъ Вальшеръ, правъ, что лучшую свою картину повѣсилъ шакъ высоко и безъ рамы, когда весь эшотъ прочій сбродъ шакъ у него разукрашенъ.“

Онъ поднялъ опять глаза, и шуть уже спалъ постигаешь, какое сильное впечатлѣніе дѣлаешь Искусство Живописи; картина казалась ему часъ ошъ часу живѣе. „Нѣтъ, эти глаза!“ говорилъ онъ, смотря и забываясь въ смотрѣніи: „Неужли эшо дѣло кисти и красокъ? Не дышитъ ли грудь эша? не движущая ли круглая рука и хорошенькіе пальчики?“

Такъ шочно и было, потому что въ эшо мгновение, прелестная картина поднялась и съ выраженіемъ плушовашой насмѣшливости, бросила розу — въ лице молодого

му человеку. Тутъ не спало картины, а маленькое окно со скрипомъ зашворилось.

Эдуардъ — испуганный и приспущенный — подиалъ въ безмолвіи розу. Тутъ вспомнилъ онъ шолько объ узенькомъ коридорѣ, кошорый, сзади спѣны, у пополка эшой залы, вель въ верхній комнаты дома; прочія маленькія окна были завѣшены картинами — шолько одно оставлено для свѣту, и часшо самъ хозяинъ хаживалъ смонрѣшь изъ него на приходящихъ въ его галлерю. „Возможно ли“ — думалъ Эдуардъ, сообразивъ все эшо: „чшобы крошкая Софія въ чешыре года успѣла шакъ выросши и похорощѣшь?“ — Въ спрранной разсѣянности, безъ мыслей, прижалъ онъ розу къ ушамъ своимъ, прислонился къ спѣнѣ и стоялъ съ усшреленными въ полъ, неподвижными взорами, совсѣмъ не примѣчая, чшо между шѣмъ спарый Вальшеръ вошелъ и уже нѣсколько секундъ смонрѣлъ на него. Наконецъ послѣдній дружески хлопнулъ его по плечу и пробудилъ изъ мечшашельности. „Гдѣ были вы, молодой человекъ?“ спросилъ Вальшеръ, смѣючись: „вы смонше, какъ будшо поражены какимъ видѣніемъ.“

— „Оно шакъ и ешь,“ сказала Эдуардъ: „извинише, чшо я обременяю васъ своимъ носѣщеніемъ.“

„Къ чему шакъ чуждашься, мой милый? возразилъ спарикъ искренно: „вѣдь ужъ болѣ чешырехъ лѣтъ, какъ вы не заглядывали въ домъ мой. Развѣ хорошо забывашъ шакъ друга вашего опца, бывшаго нѣкогда вашимъ опекуномъ и всегда васъ любившаго, не смонря на маленькія размоавки?“

Эдуардъ покрасивъ и не вдругъ нашелься, чшбъ ему опвѣчать. „Я никакъ не полагаъ,“ сказалъ онъ наконецъ, запинаясь: „чшобы вы желали меня видѣшь. Конечно многое, все было бы иначе, но заблужденія юности —“

— „Оставимъ эшо!“ вскричалъ спарикъ съ веселымъ видомъ: „чшбъ мѣшасъ намъ возобновить прежнее знакомство и дружескія опношенія наши? Желаю знашь, чшбъ привело васъ ко мнѣ?“

Эдуардъ пошупилъ глаза, пошомъ бросилъ на спараго друга бѣглый, робкій взглядъ, помѣшкалъ еще, и наконецъ пошелъ медлишельнымъ шагомъ къ сполбу, гдѣ стояла картина. „Посмонрише,“ сказалъ онъ, развершывая холстъ: „вошь чшо я нашель, совсѣмъ неожиданно, въ одномъ спаромъ книжномъ шкапу, оставшемся мнѣ послѣ покойнаго бапюшки. Знашоки увѣряюшь меня, чшо эшо превосходнѣйшій Сальвашоръ Роза.“

„Точно такъ!“ вскричалъ старый Вальперъ, и глаза его засверкали воспоргомъ.  
„Да, это славная находка! Счастье, что такая прекрасная вещь не заперлась! О, у моего покойнаго друга были сокровища въ домъ, и онъ самъ не зналъ всего, что имѣлъ.“

Онъ поставилъ картину въ настоящій свѣтъ, разсматривалъ ее блистающими глазами, подходилъ и отходилъ, вникалъ, какъ знатокъ, въ соразмѣрность линий, потомъ сказалъ: „не успушите ли вы мнѣ этой картины? Назначьте цѣну, и если не слишкомъ дорога, то я беру ее.“

Между тѣмъ приблизился шумъ незнакомеца, кошорый сидѣлъ прежде въ другомъ отдѣленіи галереи и срисовывалъ картину Юлія Романо. „Сальвадоръ?“ спросилъ онъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ: „и вы увѣраете, что нашли его заброшеннымъ въ шаромъ шкапу?“

— „Точно такъ!“ сказалъ Эдуардъ, посмотрѣвъ гордо на незнакомеца, кошораго, судя по сюрпуку, довольно поношенному, и по простой наружности, надобно было принять за какого нибудь спрансивующаго архиста.

„Такъ вы сами обманули?“ — отвѣчалъ незнакомець гордымъ, суровымъ тономъ, —

„если не было вашего намѣренія обманывать другихъ; явно, что эта картина не древняя, можешь быть даже вовсе новая; по крайней мѣрѣ ей не болѣе десяти лѣтъ; подражаніе знаменитому мастеру довольно хорошее для перваго взгляда, такъ, что можешь ввести на минушу въ заблужденіе, но знатоку спобитъ всмотрѣться, чтобы судить, какъ далека она отъ настоящаго Сальвадора!“

— „Вотъ что называется судить рѣшиительно!“ вскричалъ Эдуардъ совершенно въ себя. „У отца моего были все отличныя картины и все оригинальныя; онъ и г. Вальперъ всегда считались лучшими знатоками въ городѣ. Да чего? загляните въ лавку перваго здѣсь продавца картинъ, нашего Эриха: у него найдете вы панданъ къ этому Сальвадору, за кошорый на сихъ дняхъ какой-то путешественникъ давалъ ему превеликую сумму денегъ. Спойте взявъ обѣ и сравните: пошчасъ увидишь, что онъ одного мастера и принадлежатъ одна къ другой.“

„Право?“ сказалъ незнакомець пропьяно: „такъ вы знаете и того Сальвадора? Точно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что и пошъ руки одного съ этимъ мастеромъ. Здѣсь въ городѣ оригиналы Сальвадора очень рѣдъ-

ки, и ни у Эриха, ни у г-на Вальшера ильши ни одного; но мнѣ очень знакома кисть этого великаго Художника, и увѣрю васъ моимъ словомъ, что онъ не дошрогивался пальцемъ до обѣихъ каршинъ, а что это произведеніе какого нибудь нашего современника, вздумавшаго обманывать несвѣдущихъ любителей.“

— „Вашимъ словомъ?“ вскричала Эдуардъ съ пылающимъ лицомъ: „вашимъ словомъ! Я думала бы, что мое цѣнишься здѣсь столько же, если не больше!“

„Вѣрно ильши,“ сказалъ незнакомецъ: „а приномъ я сожалею, что самая ваша горячность измѣняетъ вамъ. Такъ вы, спало быши, знаете о поддѣлкѣ этой каршины, и знаете не совсѣмъ неискуснаго подражателя?“

— „Ильши!“ вскричала Эдуардъ еще съ большимъ жаромъ: „вы должны мнѣ доказать это поруганіе, государь мой! Такія дерзости, такія несправедливости и такой грубый тонъ выказываютъ характеръ вашу съ самой дурной стороны.“

Тайный Совѣтникъ Вальшеръ былъ между нѣмъ приведенъ въ большое замѣшательство такою ссорою, случившеюся въ его домѣ. Онъ все смотрѣлъ на каршину, и убѣдился уже, что это иовѣйшее, но пре-

восходное подражаніе знаменитому мастеру, въ которомъ и опытный глазъ могъ ошибиться. Его чрезвычайно огорчало, что Эдуардъ впушался въ такое непріятное дѣло; но входилъ въ посредничество было уже поздно, потому что обѣ стороны слишкомъ разгорячились.

„Сказанное вами, государь мой“ вскричала незнакомецъ, поже возвысь голосъ: — „какъ и вы сами — недостоинны моего гнѣва; радуюсь только тому, что случай завелъ меня въ эту галерею, и что я могъ предосперечь почтеннаго человека отъ обмана.“

Въ Эдуардъ кипѣло бѣшенство. „Ну, обманываешь ильши вѣрно не думали!“ — сказала старикъ Вальшеръ, съ желаніемъ прекратить ссору.

„Навѣрное думали“ — продолжалъ незнакомецъ. „Это старинная уловка, при которой не пошрудились даже выдумать хоть что нибудь новое. Я видѣлъ въ лавкѣ и того мнимаго Сальвадора Розу; продавецъ считалъ его насмоящимъ, и еще болѣе въ шомъ утвердился, когда одинъ пушешеспивенникъ, которій, по плашью, казался человекомъ знающимъ, спалъ предлагашъ за каршину большую цѣну; онъ обѣцалъ захватить на обратномъ пути, и условился съ

продавцемъ, чпобъ эшошь, по крайней мѣрѣ съ мѣсяць, не выпускалъ каршины изъ рукъ своихъ. — Спрашивается, кто жъ былъ эшошь знашный баринъ? прогнанный камердинеръ Графа Альшена, живущаго въ Вѣнѣ. Не явно ли, чшо эшой уловкой разспавляли съши вамъ, г. Вальшеръ, и вашему другу Эриху?“

Эдуардъ завернулъ уже каршину, дрожащими руками, оляшь въ холещъ; онъ скрежесалъ зубами — шопалъ ногой, кричалъ: „самъ чоршъ понесъ меня!“ и въ изснупленіи бросился въ дверь, не примѣчая, чшо дѣвушка оляшь смошрѣла изъ окна, къ кошорому привлекъ ее шумъ, происходившій въ залѣ.

„Вы немножко погорячились, почпенный мой госшь!“ сказала Вальшеръ незнакомцу: „эшошь молодой человекъ, съ кошорымъ обошлись вы шакъ опромешчиво — онъ легкомыслень, даже распушенъ, однако шакихъ дурныхъ дѣлъ за нимъ не водилось — ко крайней мѣрѣ я ни объ одномъ не слышала.“

— „Не водилось прежде, шакъ завелось шеперь“ — ошвѣчалъ незнакомецъ съ холодной колкостію: „пушъ же на эшошь разъ будешь ему наука: или возвращишся онъ вспяшь, или понаучишся запѣвать умъ

нѣ подобныя дѣла, и ни въ какомъ случаѣ не шеряшь присущствія духа.“

„Вѣрно его самого обманули,“ сказала старикъ: „а можешь бышь и дѣйшвишельно нашель онъ каршину, какъ сказываешь; ошець его былъ большой знамокъ; вѣроашно пошому и опложилъ онъ ее въ шпорону, чшо она не настоящая.“

— „Вамъ хочеться все перевершывашъ къ лучшему, добрый мой хозяинъ, но въ шакомъ случаѣ къ чему бы молодому человеку шакъ нексшани горячиться? Скажише, кто онъ шакое?“

„Ошець его,“ началъ рассказывашъ Вальшеръ: „былъ человекъ богатый и съ шакоемъ спрасшью къ Искусшвамъ, къ какой способности конечно очень немногіе. Большую часть доходовъ своихъ обращалъ онъ на пріобрѣшеніе каршинъ, и его галлерей была дѣйшвишельно безподобна. Но заботясь о шомъ, онъ слишкомъ небрегъ воспитаніемъ единшвеннаго сына; а пошому-шо, какъ скоро умеръ старикъ, молодой человекъ пушлся въ мышарешво; завель у себя сполы, банкешы, экипажи; спалъ водишься съ разными безпущниками, объѣдалами, прелешницами. Когда сдѣлался онъ совершеннолѣшнимъ, надобно было плашшь несмѣшными сумми долговъ росповщикамъ; но ужъ

онъ пустился и споялъ на шомъ, чшобъ промышаришь все до конца. Въ каршинахъ не знаешь онъ вовсе шолку, почему и не задумался пустишь ихъ въ продажу: являлъ у него многое за сходную цѣву. Теперь, изъ оставшагося послѣ опща огромнаго имѣнія, нѣшь у него ничего, кромѣ прекраснаго дома, кошорый, думаю, шакже поидеть, за долги, съ молошка. Хорошихъ свѣдѣній не могъ онъ приобрѣшь ни въ чемъ; занятіе для него несшерпимо; и шакъ, нельзя не пожалѣшь, какими скорыми шагами ведеть онъ себя къ погибелш.“

— „Эшо исторія многихъ людей,“ замѣнили незнакомецъ: „и обыкновенный пушь жалкой суешности, кошорая, изъ вихря забавъ, бросаешъ челошѣка въ объашія презришельности.“

„Но какъ вы приобрѣли шакой вѣрный глазъ?“ спросилъ Совѣшникъ: „меня и шо удивляешъ, чшо вы шакъ хорошо копируете Юлія, не бывъ аршишомъ, какъ говорите сами.“

„Я давно уже занимаюсь Искусствами, опшвѣчалъ незнакомецъ; видѣлъ все важнѣшійя галлерей въ Европѣ, и не безъ пользы; глазъ мой опшрѣ и вѣрень онъ природы; упражненіе образовало и укрьпило его еще болѣе, шакъ чшо — могу похвасташься —

не легко меня обманушь, по крайней мѣрѣ въ любимцахъ моихъ.“

Тушь незнакомецъ раскланялся, давъ обѣщаніе хозяину прійши завтра къ нему обѣдашь; въ умѣ спарика Вальшера приобрьлъ онъ уже большое къ себѣ уваженіе своими познаніями.

Въ величайшей досадѣ пошелъ Эдуардъ домой. Какъ бѣшеный, вбѣжалъ онъ въ домъ свой, съ шумомъ и громомъ бросаъ за собою двери, и пройдя все большія комнашы, явился наконецъ въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ ждалъ его, за спаканомъ крѣпкаго вина, спарикъ Эйленбекъ. „Вошь шебѣ“ закричалъ Эдуардъ: — „вошь шебѣ, спарый, кривоносый, ньяный мошенникъ! возьми назадъ свое пачканье! продай — авось пригодится кому нибудь на вывѣску!“

— „На вывѣску жалъ шакой хорошей каршинки“ — сказала спарый Живописецъ, съ величайшимъ хладнокровіемъ наливая снова спаканъ свой. „Чшо, дружище, видно погорячился? Чшо жѣ, Вальшеръ не хочешъ кушишь?“

„Бездѣльникъ!“ закричалъ Эдуардъ, опбрасывая съ сердцемъ каршину: „и для шебѣ сдѣлася я самъ бездѣльникомъ! Разогор-

чень, поругань! Ах, и какъ горько при-  
спыженъ въ собшвенныхъ глазахъ, за то,  
что, изъ любви къ шебъ, рѣшился на ша-  
кую низкую ложь.“

„Ни мало не ложь, мой милый!“ ска-  
зала Живописецъ, развертывая каршину;  
это наспоющій Сальвашоръ Роза; въ пер-  
вый разъ удалось мнѣ написать шакого.  
Вѣдь ты не видалъ меня за работою, съд-  
швенно и знаешь не можешь, чья она соб-  
швенно. Нытъ, мой любезный, ты неудач-  
ливъ; напрасно я ввѣрилъ шебъ это дѣло.“

„Хочу бытъ честнымъ“ — закричала  
Эдуардъ и шпрснулъ кулакомъ по столу:  
„хочу съдѣлаться порядочнымъ челошвомъ,  
чтобъ оная имѣли ко мнѣ уваженіе — и  
другіе и самъ я. Буду совсѣмъ не шомъ,  
начну другой образъ жизни.“

— „Къ чему жъ шущъ бѣсншься?“ ска-  
зала шарикъ, прихлебывая изъ шакана:  
„Я шебъ не помѣшаю; еще порадоюсь ошъ  
души, когда это сбудется. Не я ли всегда  
шебя уговаривалъ? Не я ли шарался при-  
учить шебя къ заняшямъ — готшвилъ  
лакъ, шерешъ краски? Ну, право, я шебъ  
много добраго совѣшовалъ.“

„Ахъ ты разбѣсншя!“ закричалъ Эдуардъ:  
чтобъ я съдѣлался швоимъ мальчишкой, шво-  
имъ прислужникомъ! — Однако, правда,

сегодня униженъ я еще больше, пошому что  
дался на мошенническое дѣло въ услугу мо-  
шеннику.“

— „Какія все шѣжныя выраженія у  
эшого молодца!“ сказала Живописецъ, уш-  
кнувши въ шаканъ свое ослабленное лице:  
„Если бѣ мнѣ вздумалось принять къ серд-  
цу, шакъ у насъ вышла бы или драка, или  
злѣйшая вражда. Но его ли доброй душъ  
имѣешь злыя мысли? Въ немъ ешть что-то  
благородное, и, правду сказашь, бытъ шор-  
гашемъ каршину ему совсѣмъ не годншся.“

Эдуардъ прилегъ на споль головою, и  
Живописецъ шоропавно шерь лужу прола-  
шаго вина, чтобъ шомъ не попалъ въ нее  
рукавомъ. „Да, да!“ сказалъ пошомъ Эйлен-  
бекъ въ раздумъ: „вѣдь и добрый, любез-  
ный Сальвашоръ велъ не самую похвальную  
жизнь; онъ, какъ говорашь, былъ банди-  
шомъ. Не совсѣмъ-то праведенъ былъ и  
Рембрандшъ: при жизни, выдалъ себя за  
умершаго, чтобъ шолько возвышшть цѣну  
своей работы — хошь, правда, черезъ нѣ-  
сколько лѣтъ онъ шочно умеръ; съдѣшвенно  
но разница въ шомъ, что обчелся не много  
въ годахъ. Посуди же шеперь, если я рисую  
шакую каршину съ полнымъ радушіемъ и  
шмиреніемъ, если я вкрадчиво и глубоко  
вшѣваюсь въ древшяго мастера и во всѣ его

милая особенность, шакъ, что наконецъ мнѣ самому кажется, будто рукой моею и киснею водишь душа покойника; и шунь, когда картинка гошова, и улыбаеши мнѣ радосшно за мастерство древняго искусника, кошорый не все могъ срабошашъ и не вѣчно могъ жишъ — и когда я пошомъ, пролушннвъ спаканчикъ винца, смошрю, взглядываюсь и вполнѣ увѣрюсь, что шочно не моя работа, а шого ошжившаго вѣкъ свой старичка; и когда передаю ее другому шакому же любншелю покойнаго, прося очень умѣреннаго воздаянн за то, что далъ водишь своею рукою, и что скрываь шоржештво собшвеннаго своего генн — посудн, мой любезный, неужели эшо въ самомъ дѣлѣ шакой, къ небу вопнющнй грѣхъ, когда я самъ собою жершвую споль невнннмъ, ребяческнмъ образомъ? “

Онъ приподннлъ голову лежащаго, и вдругъ изъ расширеннаго усмѣшкой лица его сдѣлалось длинное и пошное, когда онъ увидѣлъ, что щеки юноши омочены слезами, шпремащнмнся горячнмъ, непрерывнмъ шшочннкнмъ изъ глазъ его. „О, моя пошешная юность!“ воскнкнулъ Эдуардъ, рыдая: „о вы, злашые дни, недѣли и годы! какъ безушно распочалнсь вы — въ полномъ забвенн шого, что въ вашнхъ лешу-

чнхъ часахъ кроешся зародншь добродѣтели, чешн и счасшя; что разъ ускользнувшн, не прндетъ драгоцѣннѣшее время жнзнн! Мою жнзнь, бальзамъ сердца моего, выплеснулъ я, какъ спаканъ зашповавшей воды. Ахъ! какая заря счасшя для меня заннмалась, — счасшя мнѣ и другимъ, если бы шолько злой духъ не ослѣплнлъ меня. Благословенння деревья росли и бросалн лннь надо мною и вокругъ меня; подъ ннми другъ, супруга, угнешенные нашлн бы прнюшь, пособне, опраду и покой; и я, безумный, въ сдѣломъ высокомернн, я наложнлъ шопоръ на эту рошу, и прннужденъ шеперь переносншь спужу, знн и бурю!“

Эйленбекъ не зналъ, какъ устрошншь лице свое; не зналъ и подавно, что шунь говорншь: въ шакомъ располженнн духа, съ шакнми чувштвами, шкогда не выдалъ онъ своего молодаго друга; но порадовался и успокоился, видя, что шощь совѣсь его не замѣчаешъ, и что ему, прншапвшнсь, можно преспокншно кончншь не совѣсь еще опороженную бушылку.

„Такъ ты хочешъ сдѣлашься добродѣшельнмъ, сынъ мой?“ сказаль онъ наконецъ: „И шо не дурно. Правду говорн, немноге люди шакъ склонны къ добродѣтели, какъ я самъ; изволншь видѣшь, пужна боль-

шая прозорливость и на то, чпобъ только знашь, чпо такое добродьшель. Скрятничашь, щечншься на счешь людей, лгашь передь собою и передь Господомъ Богомъ — это конечно не шьмъ пахнешь. Но кто имьенъ истинный шаланшь, шощь найдешся и въ этомъ. Если я чловьку благоразумному подспорю хорошенькаго Сальвадора или Юлія Романо своей фабрики, и онъ шому порадуешся, все еще я сдѣлаю лучше, нежели какому нибудь болвану продамъ нашющаго Рафаэля, — пошому чшо глупецъ не сумьенъ цѣнншь, и вьрно въ глубншь души больше бы обрадовался какому нибудь шакже наначканному фанъ-дерь-Верфту. Вижу, чшо моего большаго Юлія Романо прійдется мнѣ продать самому — въ тебѣ для подобныхъ вещей нѣтъ ни удалснва, ни удачи.“

— „Эши жалкіе софизмы уже не могушь на меня дѣйствовать,“ сказала Эдуардъ: „прошло время, и — берегись, чпобъ и тебѣ не поймали: просняковъ ты еще можешь проводить, но не шакнхъ знашюковъ, каковъ старый Вальшеръ.“

„Не говори, пожалуйста, миленькій,“ сказала Живописецъ: „знашюковъ-шо и обманывашь, а съ неопытными не хочу я и связывашься. Твой Вальшеръ! старый прозорли-

вый Вальшеръ! Не видалъ ли ты прекраснаго Гелленбрейгеля (\*), кошорый висншь у прешьяго сполба, между абрисомъ Рубенса и поршрешомъ фанъ-Дейка? Эшо мой. Прихожу я къ добряку съ каршиной: не хопнше ли сдѣлашь славною покупочку? — Чшо! закричалъ онъ: эшонъ вздоръ, глупосни? Нѣтъ, мнѣ ихъ не надобно! Покажише однако. Ну, я никогда не беру къ себѣ подобныхъ нелѣпосней, но какъ въ этомъ рисункѣ все шакн, мнѣ кажешся, поболѣ шолку и прнпнносни, шо я на сей разъ сдѣлаю исключеніе. Словомъ, онъ удержалъ каршину за собою, и показываешъ ее теперь добрымъ людямъ, на хвасовсншо своего многообразнаго вкуса.“

Тутъ сказала Эдуардъ: „но не вздумашь ли и ты наконецъ сдѣлашься порядочнымъ чловькомъ? Можешь бышь, еще пора не прошла.“

— „Э, э! молодой увѣщатель!“ вскричалъ спарикъ: „я ужь давно шаковъ. Ты, брашь, не разумьешъ этого дѣла; прншомъ

---

(\*) Собственно Адскій Брейгелъ. Такое прозвище дано было пошому, чшо сей Живописецъ любилъ рисовашь мрачные предметы; шакже для ошлчія отъ отца и брата, кошорые равнымъ образомъ были Живописцѣ. *Прим. Перев.*

же шь еще шенерь съ-горяча. Дойди-ка до цѣли, и когда счастливо минуешь все скалы, мели и маяки — тогда помани меня хорошенько: авось и я поплыву вслѣдъ за тобою. Пока же, оставь меня въ покоѣ.“

„И шакъ“ — сказала Эдуардъ, смотря на него опять дружески: — „мы пойдѣмъ уже разными пушями; я многого лишился, но еще не всего; у меня осмашеся часшь имѣнія — эшошь домъ. Здѣсь успроюся и по-просшу; понышаюся выпросишь у Принца, кошорый чрезъ нѣсколько дней долженъ сюда прѣѣхать, мѣсто Секренаря или Библиошекаря; можешъ бышь, ошправлюся пушешествовань съ нимъ; можешъ бышь, гдѣ нибудь, въ другомъ мѣсшѣ мнѣ посчастливишся — если жь не шо, оштанусь и здѣсь, ограничу себя, сыщу себя работу и заняше на своей родинѣ.“

— „Когда жь пушшишься шь на эшо добродѣтельное жинье?“ спросилъ шшарикъ со злобною усмѣшкою.

„Все равно“ — отвѣчала юноша: — „завтра, сегодня, въ эшу минушу.“

— „Глуноспи!“ сказала шшарикъ, покачивая сѣдою своею головою: „ко всему доброму надобно собраться съ духомъ, съ временемъ, приготошвишься, взяшь направленіе; шшарый періодъ кончишь шорже-

швенно, и шочно шакже начашь новый. Прекрасный былъ шощъ обычай, когда, въ нѣкошорыхъ краяхъ, предки наши, провожая карнаваль, веселилисъ въ волю, шакъ, чшо наконецъ едва не надрывалисъ ошь разныхъ пошѣхъ и удовольствиѣй; а все, чшобы послаъ безъ помѣхи и безъ всякаго зашрвнѣя совѣспи начашь смиренничашь. Эшому почтенному обычаю, право, надобно слѣдовать; и вошь, мой миленькій, кшшани — я шебя шакъ любилъ — дай намъ и себѣ еще разъ молодецкую попойку, шакую, знаешъ, самую ошличную, чшобы намъ, особенно мнѣ, было чѣмъ шебя вспошнишь; дай намъ, за самымъ лучшимъ виномъ, пображничанъ у шебя до глубокой ночи; а шамъ спунай себѣ вправо къ добродѣтели и умѣренности, а мы побредѣмъ влѣво, своимъ проложеннымъ пушемъ.“

„Ты настоящій бражникъ!“ сказала Эдуардъ, улыбаяся: „шолько бь нашелся предлогъ нахлюшпанься, а шо шебѣ все ладно. Вирочѣмъ, шакъ и бышь, я угощу васъ наканунѣ Крещенья.“

— „Жданъ чешыре дня!“ пробормотала шшарикъ со вздохомъ, — дошинулъ послѣднѣя капли изъ спакана, и пошощъ удалился, молча.

„У насъ будешь сегодня объдашь небольшое общество,“ сказала Совѣшникъ Вальперъ своей дочери.“

— „Право? и Эдуардъ шо же будешь?“ спросила Софія.

„Нѣтъ,“ отвѣчалъ отецъ. „Что онъ пришелъ шебъ въ голову?“

— „Я думала, не захопили вы, можете быть, приглашеніемъ его скольконибудь вознаградишь за шу непріятную встрѣчу, какую имѣлъ онъ въ вашемъ домѣ безъ вашей воли.“

„Сегодня было бы это вовсе некстати, потому что объдаешь у насъ именно пошть человекъ, который оскорбилъ Эдуарда.“

— „Право? пошть?“ сказала просяжно Софія.

„Мнѣ кажется, онъ шебъ не по праву.“

— „И очень, потому что во-первыхъ: я не люблю никого, о комъ нельзя узнать, кто онъ таковъ; всякій хочешь принимашъ на себя это инкогнито, чтобы въ чужомъ краю прославить Бога знаешь за какое диво, тогда какъ ни за нимъ, ни передъ нимъ ничего нѣтъ; шочнехотько шакъ и съ эниемъ незнакомцемъ: посмотришь на него, шакъ вѣрно сочтешь не больше, какъ ошшавнымъ учишемъ или секретаремъ, а шуда же важничаешь, и вчера у васъ въ галлерей

шакъ вышпуналь, какъ будто главный Директоръ всѣхъ миссіонершвъ.“

„Ты сказала: во-первыхъ!“ спросилъ отецъ съ улыбкою: „ну же, во-вторыхъ?“

— „Во-вторыхъ, онъ неуклюжъ;“ сказала дочь, смѣючись: — „въ-третьихъ, онъ несносенъ, и въ-четвертыхъ, я ненавижу его онъ всего сердца.“

„Это у васъ всегда первое и послѣднее,“ сказала старикъ. „Еще ждуть къ себѣ друга своего Эриха и молодого Живописца Диприха, а шакже и чудака Эйленбека.“

— „Вонъ и всѣ возрашны вмѣшъ,“ вскричала Софія: „всѣ роды вкусовъ и нравиль! Не прійдетъ ли еще молодчикъ фонъ-Эйзеншлицхъ, чтобы ужъ вполне оправить мнѣ нынѣшній день.“

Отецъ спалъ грозить пальцемъ, но это ни мало не смушило бойкой дѣвушки; скоро и съ досадою продолжала она: „звѣдъ право нѣчьмъ порадовашся мнѣ въ шакомъ обществѣ: шарашуть глаза и болшають, хотяшь любезничаешь и лгушь, и шакъ во всемъ нестерпимы, что вмѣшю эшихъ объдовъ, лучше бы я при дня проголодала. Эшошь влюбленный народъ шакъ мнѣ противенъ, какъ несълая смородина! Ошъ каждаго слова ихъ опзывается мнѣ еще съ недѣлю горечью, и поршишь, какъ онъ ос-

коминны, вкусъ для всего хорошаго. Еще по мнѣ кривоносый, бронзовый грѣшникъ лучшенѣйшій изъ всѣхъ, пошому что, по крайней мѣрѣ, у него нѣтъ на умѣ приобщить меня къ домашней своей мебели.“

— „Эпо-шо мнѣ въ тебѣ и не нравиться“ — сказала опець: — „даже спрахъ, какъ меня огорчаешь; все еще не вижу, когда ты покинешь глупое свое упрямство. Ты вѣдь знаешь мысли мои на счетъ супружества и такъ называемой любви; знаешь, что сдѣлала бы меня счастливымъ, если бы переломила себя.“ —

— „Извините, мнѣ надобно въ кухню,“ прервала вдругъ Софія: „вѣдь придется же вамъ угощать; не забудьте дать приказъ о хорошихъ винахъ, чтобы красный Эйленбекъ не расхулилъ вашего погреба.“ Тушь убѣжала она, не дожидаясь отвѣта.

Спарикъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а дочь между тѣмъ хозяйничала. Она съ умысломъ прервала разговоръ, предугадывая, къ чему поведетъ онь: опець, котораго она очень хорошо знала, зашѣвалъ женишь на ней друга своего Эриха, еще не такъ опившаго въкъ свой, чтобы подобныя зашѣи могли показаться слишкомъ смѣшными. Эрихъ нажилъ себя, торгомъ своимъ, порядочное имѣніе; въ это время скопилось

у него много прекраснѣйшихъ картинъ Италіанской школы, и мысли Вальшера были такъ важны, что если удастся ему уговорить дочь къ этой свадьбѣ, его будущій зянь долженъ прекратитъ торгъ: тогда собраніе картинъ Эриха присовокупилось бы къ его галлерей, и составила бы одна, очень значительная, кошора, которая сохранилась бы и по смерти его. Спарикъ ужасался при одной мысли о томъ, что его собраніе со временемъ разсѣется, будетъ продано за безценокъ, попадетъ, можетъ быть, въ руки людей несвѣдущихъ, у которыхъ пропадутъ за ничто всѣ картины. Спросилъ его къ Живописи была такъ сильна, что вѣрно купилъ бы онь, во что бы ни шло, картины своего друга, если бы не издержался передъ тѣмъ на покупку значительнаго имѣнія и сада, которые захотѣлось ему оставить въ наследство дочери. Вернулся на умъ его и молодой Живописецъ Динрихъ, красивый, блондинъ юноша; и хотя не по немъ была манера его упражняться въ искусствѣ, не по немъ и манера одѣваться, но все могъ онь быть увѣренъ, что молодой человекъ свято сохранитъ его завѣщаніе о картинахъ. Старый Живописецъ Эйленбекъ не могъ прийти ему въ голову для его плановъ; но за то со вчерашняго дня смотрѣлъ

онъ самыми опеческими глазами на прѣзжаго знапока въ Искусствахъ, и шѣмъ чувствительнѣ былъ для него презрительный опзывъ дочери. Хотя онъ и не признавался въ самомъ себѣ, но смотря въ будущее, почно заботился болѣе о благѣ своей коллекціи, нежели о счастіи своего дѣшнща. Даже молодой фонъ-Эйзеншлихтъ, сынъ ропшовщика, былъ бы не противень ему къ выбору въ зяпья, пошому что довольно понаперся около образованныхъ людей въ путешествіяхъ, и при качествѣхъ опща своего, подавалъ надежду, что не выпуститъ изъ рукъ шакого драгоценнаго собранія картинъ.

Наступало время обѣда, и госши, одинъ по одному, собирались. Прежде всѣхъ явился ювѣйшій, Диприхъ, въ шакъ называемомъ древне-Германскомъ нарядѣ, съ распущенными по плечамъ волосами и съ русою бородкою, кошорая не поршила его было - румянаго личика. Онъ не пропустилъ случая освѣдомиться о дочкѣ; пришла и она, въ зеленой шелковой одеждѣ, кошорая опмѣнно возвышала блескъ лица и плечъ ея. Юноша, полу-смущенный, полу-опважный, завелъ пошчасъ разговоръ съ Софіей, и старался какъ можно расположашъ его, но шѣмъ еще замѣшнѣ спгановцансь въ

немъ сухосшь и принужденіе. Прерваны и упшшены были оба появленіемъ спараго Эйленбека, кошораго пунцовое лице преспранно выглядывало изъ - за свѣшпозеленаго камзола и сѣраго фрака: наравнѣ сомногими, самыми опврашительными людьми, любилъ и онъ наряжашься въ яркіе цвѣта. Молодые люди едва могли удерживашься опъ смѣха, смотря, какъ онъ неловко вошелъ, съ какими ужимками и кривляньемъ спалъ раскланывашься, и въ какихъ чудныхъ положеніяхъ предспавлялсь припомъ его свернутое на спорону лице, его искривленный носъ и маленькіе бѣглые глаза. Незнакомецъ заспавилъ себя пождашь, и уже Софія начала опяшъ посмѣивашься падъ шакимъ важничаньемъ, какъ наконецъ онъ явился, довольно въ скудномъ нарядѣ, и пушъ все общеспво опсправилось въ споловую, гдѣ Эрихъ уже поспавилъ въ надлежащемъ свѣшъ одну картину, о кошорой хопшлось ему слышаншъ сужденіе незнакомца и другихъ Живописцевъ.

Какъ ни старался Диприхъ попасшь за споломъ въ сосѣди Софіи, но ему не удалось: она сѣла между Эрихомъ и знакомцемъ. Эйленбекъ, на все замѣчательный и большой охотникъ язвншь изъ-подшншка, прикрывалсь личиною добродушія, пожалъ

руку молодого человека и, какъ бы съ сердечнымъ умилениемъ, благодарилъ его, что онъ такъ долго кружилъ около стола, чинишь съешь подлѣ старичка, который хоня любишь Искусство и занимаешься имъ, но при ослабвующихъ силахъ, уже конечно не можешь гнаться за полетомъ новѣйшей школы, а только энтузиазмомъ ея возигаешь въ себя пошухающія искры и согреваешь свою хладбующую жизнечность. Диприхъ, который, по молодости, принялъ все это за чистыя деньги, спадъ рассыпался въ благодарности, и не зналъ, какъ найши въ себя довольно смущенія въ замѣнъ такой униженности. Старый плутъ, радуясь удачѣ своего приговореннаго, не пересказывалъ развѣживашъ добродушнаго юношу — и до того вскружилъ ему голову, что пошъ, мечтая уже бышь учинелемъ просеньяго старичка, расчищывалъ только въ умѣ своемъ, какъ упошребилъ къ высокимъ своимъ цѣлямъ его практическія свѣдѣнія, и не дашь замѣнилъ ему, что новый учинель естъ вмѣстѣ его ученикъ.

Между шѣмъ, какъ они спарались провесни другъ друга, у незнакомца и хозяина завязался, опчасни случайно, опчасни же по смѣшливому расчешу послѣдняго, разговоръ о супружескѣ: этошь предметъ все-

гда вершѣлся на умѣ старика Вальпера, и онъ не пропускалъ случая подкапашъ о немъ. „Не могу никакъ согласиться, сказаль онъ, съ шѣмъ повѣрьемъ, которое уже льшь съ пятидесяти обращило во всеобщую моду. Называю его модою, пошому чинишь и самъ былъ молодъ, не могъ я никогда убѣдиться, чинишь шому было какое либушь основаніе въ природѣ. Можно ли опшвергать, что лѣкшорые люди, время опшвремени, бывають подвергаемы спраснямъ и заблужденіямъ? Очень часто видимъ дурныя послѣдствія гнѣва, пьянства, ревности или ненависти. Точно также нельзя опшвергать, что множество бѣдъ и спранныхъ случаевъ родилась опш шѣхъ взволнованныхъ чувствъ, которые называють любовью. Но дѣло въ томъ, что люди, спараясь избѣгашъ всѣхъ прочихъ заблуждений и опучашъ себя опш внезапнаго напора спрасней, по какой-то спранный превращенности, вдругъ вздумали, съ нѣкшораго времени, хвасташъся, что они испытали въ свой вѣкъ любовь со всѣми ея нешпосствами — вздумали даже считашъ ее необходимою принадлежншю жизни.“

Незнакомецъ приспально спомрѣлъ на хозяина, и на слова его киваль одобрилель-

но, почему старикъ, возвысивъ голосъ, продолжалъ :

„Будемъ судить еще безприспращивея — положимъ, что все эти восторги такъ называемыхъ влюбленныхъ, въ кошорыхъ, какъ они увѣряють, весь міръ кажется имъ въ прелестнѣйшемъ видѣ, все душевныя силы ихъ напрягаются, дѣлаются возвышенныя (хотя въ этихъ грѣзахъ они всегда точно, какъ сонныя и неспособны ни къ какой работѣ) — положимъ, что все это естественно: спрашиваю шеперь, нужно ли оно, хотя бы взяло и самый счастливыи оборотъ, нужно ли къ тому, чтобы всунулись въ благоразумное супружество? Нѣтъ, если бы мнѣ послалъ Богъ несчастье, замѣтивъ подобныя сумасбродства въ моей дочери, никогда не далъ бы я своего согласія.“

Софія улыбулась; Диприхъ, смотря на нее, покраснѣлъ, а Эйленбекъ, въ раздоль, попягивалъ изъ спакана. Хозяинъ же, увѣренный въ своемъ дѣлѣ и видя, что незнакомецъ внимательно его слушаетъ, шѣмъ съ большимъ усердіемъ и жаромъ продолжалъ: „Нѣтъ! хвала мужчине, кошорый, совсѣмъ не зная этой превращной спраши, предпринимаешь благоразумную рѣшимость всунулись въ супружеское званіе! хвала дѣвицѣ, кошорая благоправно списки-

ваете себя супруга, не разыгравъ напередъ нѣсколькихъ сценъ подобнаго безумства и безстыдства! Тогда-то исполняется имъ довольство, спокойствіе и благодать, какими съ избыткомъ надѣлены были предки наши и кошорыми гнушается нынѣшній свѣтъ. Въ сихъ-то бракахъ, заключенныхъ по зрѣломъ размышленіи, въ чистотѣ и смиреніи сердца, находили тогда люди, безпрерывно возрастающе доврчивостью, усугубленіемъ нѣжности и взаимною снисходительностью, то счастье, кошорое нынѣшнему горделивому поколѣнію кажется незначительнымъ. Пошому-то садъ жизни его и устья перніями, каковы нужда и бѣдность, досада и несогласіе, раздоръ и ненависть. Рано пріучась къ упоенію спраши, ищущъ того же и въ бракѣ, и гнушалась необходимостями вседневной жизни, возобновляющъ справа и слѣва, въ разнообразныхъ и все въ болѣе и болѣе ничтожныхъ измѣненіяхъ, зашѣи своего любовнаго ремесла, и такимъ образомъ погибаетъ въ свѣтахъ собшвеннаго обольщенія.“

— „Жестко, но справедливо!“ — сказалъ незнакомецъ съ видомъ размышленія.

„Такъ и вы согласны со мною,“ подхватила старый Вальшеръ: „что счастливымъ быть можешь только бракъ по разсудку?“

Я самъ никакъ не затруднюсь отдать единственную и не бѣдную дочь свою, за чело-вѣка — изъ какого бы званія ни былъ — лишь бы характеромъ основательнаго, съ швердыми познаніями, особенно въ Искусствахъ; тогда могъ бы я надѣяться, что и внуки мои пожнутъ плоды моего прудолубія, а не развѣють по вѣтру и не пущаятъ по рукамъ невѣждъ того, что собрано долговременными пожертвованіями и несчастливыми прудами въ этомъ жилищѣ.“

Онъ посмотрѣлъ на гостя самымъ привѣтливымъ взглядомъ; но незнакомецъ, до тѣхъ поръ ласково съ нимъ разсуждавшій, вдругъ принялъ на себя почти угрюмый видъ, и помолчавъ немного, сказалъ: „собираемые частными людьми коллекціи никакъ не могутъ существовать долго; кто любитъ Искусство, долженъ усунуть собранія сокровища за сходную цѣну владѣтельнымъ особамъ, или оставяя ихъ въ насажденство какимъ нибудь большимъ галлереемъ. По этому не могу я одобритъ и намѣреній вашихъ въ разсужденіи вашей дочери, хотя впрочемъ съ понятіями вашими о супружествѣ я совершенно согласенъ. Вообще каждое супружество не безъ оглядокъ. Если бъ я не былъ помолвленъ и пылкая разныкъ причинъ не принуждала меня сдер-

жать слово, то гораздо охотнѣе остался бы на цѣлый вѣкъ неженатымъ.“

Спаркъ покраснѣлъ и пощупилъ глаза въ шарелку; попомъ, не безъ смущенія, завелъ онъ съ сосѣдомъ своимъ другой разговоръ. „Последній аукціонъ эшамповъ былъ совсемъ не такъ удаченъ,“ сказала картинный продавецъ: „какъ ожидали хозяева.“ — „Это часно случается съ аукціонами,“ замѣнила, съ лукавымъ видомъ, Софія: „худо дѣлають, что и пускаются на удачу, кому нѣтъ крайности.“

Диприхъ, не понимая насмѣшливой связи разговора, со свойственнымъ молодости добродушіемъ и пылкостью, пустился въ пространныя разсужденія о варварскомъ обычаѣ, продавая изящныя произведенія съ молотка, говоря, что при томъ и повреждающія они хватаемъ изъ рукъ въ руки, и оскорбляется какъ слава отличныхъ мастеровъ, такъ и чувство истинныхъ цѣнителей. Такими рѣчами пріобрѣлъ онъ хорошее о себѣ мнѣніе хозяина, котораго сумрачное лице вдругъ оскланилось и обратилось къ нему съ миною одобренія. Софія, боясь, чтобы не началось опять новое сватовство, столь же сокровенными путями, какъ и прежде, вдругъ спросила молодого Живописца: которъ изъ рисунковъ своихъ

кончить онъ прежде, Машеръ Божію, или Снятіе со креста?

Тутъ незнакомецъ вступилъ съ Диприхомъ въ разговоръ, а потомъ и въ споръ о преимуществвахъ старой и новой школы. Юный Живописецъ, подстрекаемый важничаньемъ противника, занесся далеко въ похвалахъ собратамъ своимъ и въ униженіи шариковъ, ихъ учителей.

„Молодой человекъ!“ сказалъ наконецъ незнакомецъ съ извѣтельнымъ хладнокровіемъ: „надобно бытъ или мнѣ помоложе годами десятию, или вамъ нѣсколько постарше, чѣмъ я пустился съ вами въ споръ о такомъ важномъ предметѣ. Нельзя отвергать, что какой-то фаншаснической сонъ господствуетъ въ Искусствахъ нашего вѣка; если нѣ, кошорые заслужили столько отъ васъ хулы, слишкомъ сухи, то вышшіе, хваленые, находящія въ какомъ-то болѣзненномъ упоеніи, точно будно несовсѣмъ крѣпкій напшонокъ бросился имъ въ голову.“

— „Вы не хотите спорить,“ закричалъ молодой Живописецъ: „а пускаетесь дальше, станувшесь обидчивы. Я знаю по крайней мѣрѣ то, что въ спрасни нельзя бытъ способнымъ къ здравому сужденію.“

Софія, въ ободреніе юности, смотрѣла на него плушовавшимъ, зрорадоснымъ взо-

ромъ; ошець ея уже шрусилъ; но Эрихъ, къ счастью, вступилъ въ разговоръ съ благо-разумною рѣчью. „Когда возраждающія сильныя прошиворчія,“ сказалъ онъ: — „это знакъ, что есть въ средѣхъ нѣчто существенное, заслуживающее, чѣмъ о немъ спорить, и чѣмъ всякій доискивался его, не желая бытъ приспраснымъ. Давно уже Искусство вышло за предѣлы масной жизни и сдѣлалось только предметомъ роскоши; потому-то и забыли, что оно имѣло тѣсную связь съ дѣлами Церкви и свѣта, съ благочестіемъ и вдохновеніемъ; потому-то и родилось хладнокровное умничанье знашковыхъ, приспрасніе къ мелочному, пустое исканіе ещенственности, а также и напшанный энтузіазмъ. Еще я помню время, когда въ галлерейхъ прекраснѣйшія произведенія какого нибудь Леонардо показывались, какъ достопримѣчательные и спранные аншики, даже Рафаэлю удивлялись не безъ пошлой криники, а смотря на древнѣйшихъ масперовъ, пожимали плечами; на Живопись же прежнихъ Нѣмцевъ и Нидерландцевъ не могли взглянуть безъ смѣху. Это варварство теперь уже миновалось.“

— „Хорошо было бы, если бъ за то не родилось новое и худшее!“ вскричалъ Эйденбекъ, пылая багрецомъ отъ напшковыхъ,

и бросая взоры горячаго участія къ незнакомцу. „Мнѣ всегда больно, что въ наше время, рѣчь истиннаго знашюка не бываешь выслушана; энциузіазмъ заглушаешь разсудительность, а право, ничюго не можешь бышь шакъ поучительно для Художника, какъ разговоръ съ настоящимъ любилелемъ Искусствъ: имъ возвышается душа, и на цѣлые годы осмѣаешь воспоминаніе живѣйшаго наслажденія, шѣмъ болѣе, что шакихъ любилелей рѣдко встрѣчаешь.“

Незнакомецъ, кошорый казался уже разспроеннымъ и раздраженнымъ, вдругъ, послѣ сихъ словъ, сдѣлаася весель и привѣшанъ. „Художникамъ и любилелямъ Искусствъ,“ ошвѣчалъ онъ: „наддежало бы искашь другъ друга, и беспрешанно заимшвовашься свѣдѣніями. Такъ было въ прежнее время, и эшо принадлежишь шакже къ числу причинъ, по кошорымъ процвѣшала Живопись. Воображеніе каждаго шворящаго бываешь пришуплено и упомнено, если ничѣмъ не освѣжаешь и не обогащаешь оно извнѣ, а эшо можно сдѣлашь толькю благородною, дружескою совѣщательностью; не говоря уже о шомъ, какъ много выигрывающъ чрезъ шо правильность, пріашиость рисуика и выборъ предметшвъ.“

— „Вы избрали себя любимцемъ,“ сказала старый Живописецъ: „шакюго масте-ра, кошораго и я, нѣкошорымъ образомъ, предпочишаю всемъ.“

„Признаюсь,“ ошвѣчалъ незнакомецъ: „что я какъ-шо особенно къ нему примѣнился. Еще въ раннихъ лѣшяхъ удалось мнѣ познакомишься съ опличивѣйшими произведеніями Юлія Романо, и шакъ, что я спашь понимаешь ихъ; во время пупешествій своихъ, въ Маншу, нашель я случай изучаешь его, и съ шѣхъ поръ могу дашь опченъ въ причинахъ своего къ нему прিশрасшія.“

— „Ваше пребываніе шамъ,“ продолжалъ старикъ: „навѣрное причислеше вы къ лучшимъ эпохамъ своей жизни. Съ какою внутреннею досадою принужденъ я бываешь слушаешь, въ новѣйшее время, разныя хулы и эшому великому генію — особливо въ шомъ отношеніи, что онъ не съ наддежающею легкостію обрабашываешь предметы духовные. Не каждому даешя все. Но за шо ему предшсшавлено было выраженіе свѣжей чувственной жизни, предешшь рѣзвой веселости, игра живѣйшей фантазіи. И если кто либо изъ юныхъ поклонниковъ не совсемъ еще проникнушь лучезарностью сего блистательнаго генія, пушь иденъ въ Маншу — шамъ раскрошся предъ нимъ бо-

гашства избрѣшательности и шворчества, которыми долженъ онъ ослѣпиться.“

Дитрихъ давно уже шарачилъ глаза на своего ошпаваго почишателя; онъ совсѣмъ не могъ постигнуть, съ чего послѣдовало ошпаденіе, и вознамѣрился, въ минулу искренности, поговорить о томъ со старичкомъ: пускай бы еще расшочалъ онъ неумѣренныя похвалы свои Юлію Романо, шолько зачѣмъ же первую половиною своей рѣчи проповѣдывашъ именно прошивное тому, что самъ говорилъ за полчаса времени? Но Эйленбекъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на подобныя мелочи; онъ, за одно съ прѣзжимъ любилелемъ Искусствъ, пускался часъ ошъ часу въ сильнѣйшіе восторги, шакъ, что долгое время они никого не слушали и никому не давали говорить.

Эрихъ поймалъ какъ-то свободную минулу и замѣнилъ въ незнакомцѣ сходство съ однимъ изъ родшвенниковъ Вальпера. Тутъ завелся разговоръ о подобіяхъ, и о томъ, какъ шпранно, что въ семейшвахъ, часто до ошдаленнѣйшихъ поколѣній, нѣкоторыя формы повшоряются весьма явшвенно. „И шо удивительно,“ сказала хозяйня: „что Природа послунаешъ часно, какъ Искусство. Если бѣ Нидерландецъ и Ишпанецъ прѣжняго времени шшали рисо-

вать одинъ и шомъ же поршпрешъ, шо сходство поймали бы оба, но каждый придалъ бы свою особенность и подобіе совсѣмъ не шакое, какъ у другаго. Такъ шочно въ юности моей зналъ я одно семейштво, сосшольшшее изъ множества дѣшей, кошорыя всѣ имѣли физіономію родштелей и одну главную форму, но съ различными ошпѣнками, шполь явшвенными, какъ будто бы изображали они поршпрешы одного и шого же лица, рисованные разными великими Живописцами. Старшая дочь, какъ будто была изображение кисти Корреджіо, съ его колоритомъ и нѣжностію формъ; у шпорой — шо же лице, но болѣе, полнѣе, какъ бы изъ Флореншинской школы; шпрешя имѣла видъ, какъ будто Рубенсъ рисовалъ шомъ же поршпрешъ въ своемъ родѣ; шенверная — какъ бы картина Альбрехта Дюрера; слѣдующая какъ бы изъ Французской школы — блишшательна, полна, но безъ швердаго очерка; а младшая — какъ бы набросанный бѣгло рисунокъ Леонарда.“

— „Помните ли вы шомъ удивительный поршпрешъ,“ спросилъ Эрихъ: „кошорый находился въ коллекціи вашего стараго друга, и шакъ чудно прѣпалъ вмѣстѣ съ другими прекраснѣйшими картинами?“

„Да!“ вскричал Вальшеръ: „если это не было произведеніе Рафаэля, какъ нѣкошорые увѣрили, то навѣрное какого нибудь ошличившаго мастера, который по образцу шого, счастливо изучалъ Искусство. Нѣкошорые изъ новѣйшихъ говорили о поршрешномъ Искусствѣ, какъ о дѣлѣ мелочномъ или унижающемъ Живописца, но чшобъ ихъ присшдышишь, я подвелъ бы ихъ шолько къ эшой удивительной картинѣ.“

— „Какъ?“ сказала незнакомецъ съ живосшію старому Совѣшнику: „вы говорите, чшо, кромѣ эшой превосходной вещи, много другихъ картинъ пошеряно? Какимъ же образомъ?“

„Пошеряно ли, шого еще нельзя сказать утвердительно,“ ошвѣчалъ Вальшеръ: „но вдругъ исчезли онѣ — можешь быть, проданы куда нибудь далеко за границу. Мой другъ, г. фонъ-Эссенъ, отецъ шого молодого человека, кошорого недавно встрѣшили вы въ моей залѣ, сдѣлался на старыхъ лѣшпахъ своихъ спраненъ и причудливъ. Любовь къ Искусству произвела дружескую связь нашу, и я могу сказать, чшо пользовался совершенною его довѣренностью. Мы ушшались своими галереями, но его была шогда гораздо превосходнѣе моей, кошорую послѣ уже, небреженіемъ сына его, сдѣлалъ

я шоль значительною. Когда намъ вздумалось, бывало, хорошенко себя угоспшишь, мы заседаемъ въ его кабинетѣ, въ кошоромъ собралъ онъ ошличившее изъ всего, чшо имѣлъ. Эши избранныя картины были украшены превосходными рамами, и усшавлены съ большимъ искусствомъ, шакъ, чшо каждой данъ былъ надлежащій свѣшгъ. Кромѣ шого поршреша, была шущъ превосходнѣшій ландшафтъ Николая Пуссеня, кошорому подобнаго никогда не случалось мнѣ видѣшь. При крошккомъ блескѣ луны, вхалъ водою Спасштелъ съ учениками Своими. Предешъ опраженія въ водѣ домовъ и деревъ, ясность воздуха, прозрачность водъ, благородный видъ Спасштеля и чудесное спокойствіе, кошорое распространилось въ дѣломъ и возбуждало въ насъ какое-шо уныніе, какое-шо сладостное самозабвеніе — все въ эшой картинѣ было несравненно. Подлѣ, висѣло изображеніе Христа въ перновомъ вѣицѣ, работы Гвидо Рени, шоль ошличной, по выразишельности, чшо я шже не видалъ никогда ей подобной. Старый, своенравный пріштель мой не шакъ-шо впрочемъ жаловалъ Гвидо, но эша картина всегда приводила его въ восхищеніе, и дѣйствителью, какъ ни часто, бывало, видишь ее, все кажешся, будшо въ первый разъ, съ

шою только разницею, что близкое съ нею знакомство возвышало наслаждение и побуждало къ открытію новыхъ, еще тончайшихъ красокъ. Тутъ не было той напряженной спррастности (*gesteigerte Leidenschaftlichkeit*), какую замѣчаютъ въ другихъ подобныхъ рисункахъ Гвидо, и которая, при оптической опрабожкѣ самаго предмета, скорѣе насъ опшалкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ; но все въ этой картинѣ возбуждало восторгъ и умиленіе. Изъ каждой части лица сквозило спраданіе, съ такою выразительностью, какой ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Насупротивъ поставлена была Лукреція того же мастера: крѣпкою, полною рукою ударила она книжаломъ въ грудь свою. Въ этой картинѣ выраженіе было чрезвычайно сильно, а краски несравненны. Еще одна, для которой никакое описаніе также не можетъ быть доспашочно: Мать снимаетъ плашокъ съ голаго шѣла спящаго Дитяти, а Іосифъ и Іоаннъ смотрятъ на соннаго; фигуры во весь ростъ, и удивительно, какъ прелестны; это какого-то древняго Римскаго мастера. Но вонъ ужъ напрасно спалъ бы я спрашивать слова, если бы захотѣлъ дать хоть самое слабое понятіе объ единственномъ Ванъ-Эйкѣ: его Благовѣщеніе было, какъ мнѣ кажется, вѣн-

дцемъ всей галлерей. Если краска была когда либо величаема послѣдницею небесъ, если душа игрою свѣта и тѣни могла быть когда либо приводима въ благороднѣйшее умиленіе, если прелестъ, вдохновеніе, поэзія, истина и благородство, облеченныя въ фигуры и колоритъ, могли быть когда либо положены на холстъ, то все это осуществлялось этою картиною, которая была что-то больше, нежели живопись — больше, нежели волшебство. Перестану говорить, чтобъ самому не забытья. Эти картины были опличившія; но спомню бы еще упомянуть объ одномъ Гемлингѣ, одномъ превосходномъ Аннибалѣ Карраччи, объ одной Венерѣ, вѣроятно Тиціановой; впрочемъ не было картины во всемъ кабинетѣ, которая бы не опсчастливила любителя. И подумайте, предспавъше себѣ спррастность этого спарика: незадолго до его смерти, всѣ эти сокровища пропали, пропали безъ малѣйшаго спада. Продалъ ли онъ ихъ? Никогда не опвѣчалъ онъ на этошъ вопросъ, и въ книгахъ его, послѣ смерти, ничего о томъ не найдено. Подарилъ ли? но кому?... Я боюсь — одна мысль о томъ раздраетъ мое сердце — не впалъ ли онъ передъ смертію въ родъ болѣзненнаго унынія или помѣшательства, жалдья, можетъ быть, опдашь

свои драгоценности въ чьи бы по ни было руки, и не испребилъ ли онъ ихъ. Испребилъ? Боже мой! если мое подозрвнїе основательно, предсавъше себѣ, постижима ли уму чловѣка такая необьясная потеря!"

( *Продолженіе впрѣдъ.* )

## II.

### ИСТОРИЯ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Отрывки изъ записокъ Гр. Сегюра, бывшаго Посланикомъ при Дворѣ Императрицы Екатерины II.

Ничего любопытнаго не случилось со мной до самой Риги, города крѣпкаго, многолюднаго, торговаго и проходящаго болѣе на городъ Нѣмецкій или Шведскій, нежели на Русскій; я остановился тамъ на нѣскольکو часовъ, и весьма скоро проѣхалъ двѣспидльѣ, ошдѣляющихъ Ригу отъ Пешербурга.

Прекрасная дорога пролегала чрезъ небольшіе красивые города и многочисленныя деревни; вездѣ были хорошо усроенныя спанціи и покойныя гостиницы. Подъ небомъ суровымъ, не смотря на спужу, проспиравшуюся до двадцати пяти градусовъ,

вездѣ видны были знаки силы, могущества, и слѣды гения Петра Великаго. Счастливая его предпрїимчивость, преобразовавъ сіи холодныя спраны въ богатныя провинціи и воспоржешивовавъ надъ природою, разлила на сіи вѣчныя льды благошворную теплоту просвѣщенія.

Наконецъ я съ большимъ удовольствїемъ, и съ неменьшимъ удивленїемъ увидѣлъ въ мѣстахъ, гдѣ прежде проспирались обширныя, бесплодныя и зловонныя болома, благородныя зданія города, основаннаго Петромъ I, и сдѣлавшагося, менѣе нежели въ сподльш, одною изъ богатѣйшихъ и блистательнѣйшихъ сподлицъ Европы.

10 Марта 1785 года прїѣхалъ я въ домъ, наняшій для меня Г. де ла-Колиньеромъ, и немедленно, вмѣстѣ съ нимъ, началъ спарашься о приближеніи минушы, когда увижу шу необыкновенную жену, шу славную Екатерину, кошорую Принцъ де-Линшакъ оспроумно и оригинально называлъ: *Екатерина Великій* (Catherine le Grand).

(Здѣсь Сочинишель говоритъ о препяшствїяхъ, ошдалявшихъ желанную минушу аудїенци; о причинахъ недоброжелательсшва Русскаго Двора къ Французскому; пошомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на Исторію Русскихъ Государей отъ Іоанна IV до Екате-

рины II, говорить о восшествіи на престолъ сей Императрицы, и продолжаетъ слѣдующимъ образомъ (\*).

Новая Императрица скоро доказала подданнымъ своимъ, что Она была выше боязни — вѣрное средство избѣжать опасности. Правленіе Ея было крошечко и тихо, какъ бы рожденная на Россійскомъ шпротъ, Она спокойно наследовала корону.

Одно только возмущеніе нарушило на малое время внутреннее спокойствіе Россіи: Пугачевъ, Донскій Казакъ, дерзкій разбойникъ, назався Пешромъ III, взялся за оружіе, обольстивъ слѣбую толпу крестьянъ, повѣсивъ множество помѣщиковъ, былъ ашпакованъ, разбитъ, преслѣдованъ и выданъ собственными его сообщниками Генераламъ Екатерины. Съ трудомъ убѣдили Императрицу осудить его на смерть, ибо смертная казнь была въ Россіи уничтожена.

Она не была ни слаба, ни недověрчива; въ Ея царствованіе, всякій спокойно сохранялъ свою должность и званіе, и потому

(\*) Вообще мы долгомъ почитаемъ предувѣдомить читателей, что снхъ сія переведена со многими пропусками, неизбежными въ снхъ журнальной. *Прим. Перев.*

происки не имѣли при Дворѣ Ея ни цѣли, ни дѣятельности. Посему Она спокойно могла заниматься высшею Полишкою и исполненіемъ обширныхъ намѣреній Ея генія, спррашнаго къ славы.

Скоро ошнала Она у Саксонцевъ (Польскаго Двора) право избирать Курляндскаго Герцога. Владѣя искусствомъ связывать чешолобие другихъ Государей съ Ея собственнымъ, Императрица, даровавъ Польшѣ Короля, и видя, что онъ не имѣетъ довольно силы, чтобы защищаться, какъ должно Монарху, и не довольно покоренъ, чтобы безпрекословно повиноваться Ея волѣ, раздѣлила сіе Государство со Своими союзниками, и распространила такимъ образомъ Свои владѣнія. Съ другой стороны, идя со славою по пути, указанному Петромъ Великимъ, Она побѣдила Опшомановъ, народъ варварскій, бывший прежде спрахомъ Европы, и коего неизбежное паденіе ошечотивалось тогда только плачевнымъ соперничествомъ Европейскихъ Государей. Пяшьсошь тысячъ Турокъ напали на Россійскія области: Екатерина испребила половину ихъ кровопролитными побѣдами, въ которыхъ прославился знаменитый Румянцовъ.

Въ глазахъ изумленнаго свѣта, Русскіе флоты разпуснили паруса свои на Оксань,

явились въ Средиземномъ морѣ, воспламенили пепель Спаршы, возвѣспили Грекамъ о наскупающемъ пробужденіи древней ихъ независимости, и сожгли морскую силу Турокъ въ заливъ Чесменскомъ; наконецъ Румянцовъ окружилъ Великаго Визиря въ Шумла, и пѣнь Петра Великаго была опмщена.

Побѣжденный Султанъ, принужденный заключить миръ послѣдній, уступилъ Русскимъ Новую Сербію, Азовъ, Таганрогъ, согласился на свободное плаваніе по Черному морю, и призналъ независимость Крыма. Въ послѣдствіи, Екатерина пріобрѣла сей полуостровъ ошъ Хана Сагимъ-Гирей, и завоевала всю Кубань и оспровъ Тамань.

Спрямясь къ сѣмъ завоеваніямъ, Русскія войска проникли въ землю Запорожцевъ, народа, обитавшаго по оспровамъ и берегамъ Борисѣна; сія республика Казаковъ промышляла грабительствомъ и кормилась добычами, опняшими, шо у Турокъ, шо у Поляковъ, или Ташаръ. Казаки сѣи грабили иногда и Русскихъ, хоши паружно признавали власнѣ Царскую, и со времени возшанія Мазены, пагубнаго союзника Карла XII, принуждены были повиновашься Гешману, избираемому Русскими Государями.

Въ сей необыкновенной и воинственнѣй республикѣ не было женщины; чуждыя не-

вольницы, захваченныя въ набѣгахъ и хранимыя въ лагеряхъ за границами, не смѣли перейти за черту и вснупишь въ землю Запорожскую. Когда несчастныя сѣи жершвы раждали дѣшей, мальчики переселялись на оспрова съ опцами, дѣвочки съ машерями были презрительно изгоняемы. Легче было уничтожить, нежели покорить такую республику. Русскіе испребили часнѣ сѣихъ дикихъ воиновъ, увели шестидесять тысячъ и размѣшили по берегамъ Чернаго моря. Ихъ записали въ машросы и послали на эскадры, созданныя Екатериною въ Поинѣ Эвксинскомъ.

Таковы были счастливыя войны и возраспающія побѣды Императрицы, когда я прібыль ко Двору Ея. Въ послѣдніе годы Своего царшвованія, сражаясь снова съ Турками, Она сожгла флотъ ихъ въ ушь Борисѣна, опняла у нихъ Очаковъ, завоевала Грузію, овладѣла Хошиномъ, покорила Молдавію, взяла Бендеры, Измаиль, и одержала многія побѣды, въ кошорыхъ погибло болѣе сорока тысячъ Турокъ.

Миръ, заключенный въ 1791 году въ Яссахъ, положилъ днѣспрѣдѣломъ Россіи, и доставилъ ей спокойное обладаніе Кавказомъ. Владѣя Грузією, Екатерина

распространила владѣнія свои до границъ Персїи.

Польша, вѣдѣнно раздѣленная, лишилась имени и независимости. Курляндія сдѣлалась провинціею Россїи.

Между тѣмъ, какъ Военачальники Екатерины распространяли Ея славу и предѣлы Имперїи, Она сама дѣлательно занималась исполненіемъ плановъ, составленныхъ Ею для преобразованія внутренняго управленія и для ускоренія въ Россїи успѣховъ просвѣщенія, сколько шо могли позволить нравы и обычаи ея народовъ.

Законы въ Россїи составляли исплинный хаосъ; каждый Государь издавалъ новые, не уничтожая прежнихъ; всѣ один другимъ противорѣчили; Судьи, не находя себя въ руководствѣ и въ опорѣ ни правилъ, ни постановленій, должны были произносить приговоры произвольные. Екатерина, стараясь разобрать сей хаосъ, установила правильные Суды и ввела вездѣ одинаковое судопроизводство.

По великодушному побужденію благородной души, Императрица повелѣла собраться въ Москвѣ Депутатамъ всѣхъ народовъ обширной Ея Имперїи, чтообы разсмотрѣть вмѣстѣ съ ними законы, кошыры Она хотѣла дать имъ.

Передъ симъ собраніемъ прочтешъ былъ Наказъ, для сочиненія предполагаемаго Уложенія, писанный самою Государынею. Знаменитое швореніе сіе было переведено на Русскій языкъ; но оригиналь начертанъ на Французскомъ рукою Екатерины: я видѣлъ его въ Пешербургской Библиотекѣ (\*).

Сіе столь новое и столь неожиданное собраніе Государственныхъ Чиновъ не исполнило того, чего оныъ него ожидали: рѣчь, въ кошорой объявлено было намѣреніе Императрицы, приняли съ единодушными восклицаніями, но послѣдовавшіе шруды Депутатовъ не сошлѣшшествовали началу.

Вскорѣ увидѣли невозможность соспавити съими способами новое Уложеніе. Собраніе было распушено, и Государыня приуждена была одна составлять законы.

Она издала многіе законы касательно судопроизводства и внутренняго управленія; но не могла совершить тѣхъ великихъ преобразованій, для успѣха коихъ нужны благопрїятная почва, нравы, сошлѣшшествоующіе видамъ законодателя и рѣдкое спеченіе счастливыхъ обстоятельствъ.

---

(\*). Нынѣ хранится оныъ въ Императорской Академіи Наукъ.

Императрица воздвигла на одной из Пешербургских площадей, монументъ Петра Великому: педесать сего изваянія, сдланнаго Фальконешомъ, естъ огромная гранишная скала.

Государыня сія, Которой дьяшельность была безпрельдна, создала въ Пешербургъ Академію Россійскаго языка, и учредила Банки, не только въ столицъ, но и въ Сибири. Россія обязана Ей спальными фабриками, кожевеными и липейными заводами, множешвомъ мануфактуръ и разведеніемъ въ Украйну шелковыхъ червей.

Подавая народамъ Своимъ примѣръ мужештва и благоразумія, Она заспавила принятиемъ прививаніе оспы, и первая оному подверглась.

По Ея повелѣнію, заключены шорговые договоры со всеми Европейскими Государствами. Въ Ея царешвованіе, на краю Сибири, городъ Кяхина сдлался рынкомъ, на кошоромъ собиравлсь Русскіе и Кишайцы.

Военные и морской Кадешскіе корпуса, заведенные въ Пешербургъ, образовали въ Военныхъ Наукахъ благородное юношештво. Корпусъ, основанный для Грековъ, показывалъ довольно ясно намѣренія и надежды Императрицы.

Она дала убжище въ Россіи Іезуишамъ, кошорые тогда были изгнаны изъ всего Хриштіанскаго міра. Государыня надьялась, посредешвомъ ихъ, скорѣе распроспранитъ просвѣщеніе въ Бѣлоруссіи; ордець сей не могъ бытъ шамъ опасенъ, пошому, что Она въ шо же время установила величайшую шерпимосшь всѣхъ исповѣданій.

Берега Сьвернаго и Тихаго морей въ Азіи и Америкъ были осмошрѣны и описаны Ея мореплавателами.

Желая пріобрѣшенія всѣхъ родовъ славы, она хошѣла сорвать пальму и на Парнассѣ, и во время Своихъ досуговъ написала нѣсколько Комедій и другихъ мелкихъ сочиненій.

Аббашъ Шапъ, въ своемъ *Путешествіи въ Сибирь*, жешпоко злословилъ нравы Русскаго народа и Правленіе Екатерины. Она написала возраженіе, кошорое назвала *Антидошомъ* (пропшвуядіемъ).

Кшо не чиналъ съ удовольешвіемъ оспроумныхъ писемъ Ея къ Принцу де Линь и Вольшеру?

Современники съ сугубымъ удивленіемъ видѣли, что Императрица, уважая Философію, вызывала д'Аламберша въ Россію, и что Философъ не воспользовался симъ случаемъ.

Дидеро, напрошивъ, съ гордостію прѣвхаль ко Двору Екатерины: Она удивлялась уму его, но ошвергла его ученіе, которое въ теоріи казалось превосходнымъ, но въ практикѣ было невозможно.

Императрица, надзирая Сама за воспитаніемъ Внуковъ Своихъ, Александра и Константина, сочинила для нихъ *Правдоучительныя сказки и Сокращеніе Исторіи первыхъ временъ Россіи*. Последнее твореніе скоро будетъ извѣстно во Франціи: сынъ мой, Генераль Филиппъ де Сегюръ, перевелъ оное и помѣстивъ въ сочиненіи, которое скоро издася оны, и въ кошоромъ изобразить сіи ошдаленныя эпохи Русскихъ бышописаній.

Екатерина, предъ концемъ Своего царствованія, преобразовала въ города болѣе прехъ сошь селеній, и довершила правительственнае и судебнае образованіе сорока провинцій.

До Нея, Пешербургъ, въ своемъ льдяномъ горизонтѣ, былъ совсѣмъ почти непримѣнень и, казалось, болѣе принадлежалъ къ Азій; въ Ея царствованіе Россія сдѣлалась Государствомъ Европейскимъ: Пешербургъ возблисталъ между столицами образованнаго міра, и прониъ Царей сшаль въ первомъ ряду

проговѣ самыхъ могущесшвенныхъ и наиболѣе уважаемыхъ въ мірѣ.

Такова была знаменшная Моноархія, къ Двору Коей я былъ посланъ: по сему крашкому изображенію легко вообразить, съ какимъ волненіемъ ошдалъ я дня, когда буду предшавленъ Государынь споль необыкновенной, и Женѣ споль знаменшшой.

(За симъ слѣдуютъ подробности незамашельныя для нашихъ чинашелей: переходимъ къ описанію первой аудіенціи.)

(Продолженіе впрѣдѣ.)

---

### III.

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

### П И С Ъ М А Н А К А В К А З Ъ О Л И Т Е Р А Т У Р Ъ, Н А У К А Х Ъ И И С К У С Т В А Х Ъ.

#### П и с ь м о п е р в о е.

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ, не пошому, чшобъ я успрашилса господъ Московскихъ Кришниковъ, Сашириковъ и Эниграммашиковъ, возшавшихъ пого-

ловнымъ ополченіемъ на Кавказскія пцсыма, но пошому, что обспояшельства опвлели меня опъ заняшій Липерашурую. Да и ошомъ ли было думать? — Правда, никакія обспояшельства не могли опвлечъ Московскаго Телеграфа опъ продолженія войны съ Съверною Пчелою, Сыномъ Опечесва и Съвернымъ Архивомъ, и, какъ въ концъ 1825, пакъ равно и въ началъ 1826 года, раздавались въ Москвѣ выспрѣлы холосшми липерашурными зарядами. Чесъ и слава нашойчивости! а Издатели Пешербургскихъ Журналовъ не могутъ эшимъ похвалиться: они замолчали для наблюденія приличій и въ угожденіе публикѣ, кошорая была занята важными событіями, а между тѣмъ ихъ все пощипывали въ продолженіе почти полшора года. Не знаю, очнулись ли Пешербургскіе Журналы, и спанушъ ли опровергашъ нападенія (\*). Но мивъ дѣла нѣшъ до Гг. Журналистовъ и до ихъ черильной войны. Я обьщася бесѣдовать съ шобою о Словесности, Наукахъ, Художествахъ, и спану продолжашъ мою переписку, не взирая на противность мнѣній нѣкопорыхъ привилегированныхъ Словесниковъ.

(\*) Очнулся! *Изд.*

Словесность въ народѣ еспъ по же, что даръ слова въ человекѣ. По рѣчамъ мы опличаемъ образованнаго человекѣ опъ невѣжды; по Словесности опредѣляемъ спенень просвѣщенія народа. Но въ обоихъ случаяхъ легко можно ошибашься. Иногда самый умный человекѣ молчитъ нексшаши; иногда, увлекаясь обспояшельствами, разспройствомъ нравственной и физической своей природы или спраспями, говоритъ не шю, что бы говоритъ надлежало. То же самое случается и съ цѣлыми народами. У насъ, напимѣрь, безъ сомнѣнія, еспъ весьма много умныхъ, образованныхъ и даже ученыхъ людей. И при эшомъ весьма мало сочиненій, достойныхъ вниманія — въ сравненіи съ числомъ людей просвѣщенныхъ. Опъ чего эшо происходитъ? Опъ шого именно, что мы по бдльшей части образуемъ по иноспраннымъ книгамъ. Для насъ пишущъ Англичае, Французы, Нѣмцы, а мы сами полагаемъ, что намъ пишашъ не для кого, пошому, что просвѣщенные люди въ нашемъ опечесствѣ читающъ на иноспранныхъ языкахъ, а иноспранцы не спанушъ понимашъ насъ по-Русски. — Мнѣніе ложное и вредное для успховъ народнаго просвѣщенія. Спанемъ пишашъ дѣльно по-Русски, и иноспранцы будутъ учиться нашему языку. Уже и

теперь познаніе Русскаго языка въ Германіи, Франціи и Англіи цѣнился весьма высоко и дославляешь господамъ переводчикамъ литературную славу и большіе доходы. Публика иносѣрная съ жадностію читаешь все переведенное съ Русскаго, все, гдѣ только говорился о Россіи. Гг. Геро и Шопень, жившіе въ Россіи, и научившіеся по-Русски, сдѣлались необходимыми людьми для Издашелей Французскихъ Журналовъ, сообщая свѣдѣнія о Россійской Словесности, преимущественно въ *Revue Encyclopédique* и въ *Bulletin Universel*, издаваемомъ г. Ферюссаккомъ. Г. Клапрошь, переводя старья, забытыя у насъ свѣдѣнія географическія и историческія, возбуждаешь вниманіе и любопытство всего образованнаго міра. Прекращеніе *С. Петербургскаго Журнала*, издававшася на Нѣмецкомъ языкѣ почтеннымъ и шрудолюбивымъ Г. Ольдекопомъ, ревнишелемъ Русской славы, лишило Нѣмецкіе Журналы обильной жашвы. Свѣдѣнія, которья у насъ едва обращали на себя вниманіе читашелей, были перепечашываемы по нѣскольку разъ, и, по сознанію самихъ Гг. Издашелей, сдужили украшеніемъ ихъ Журналамъ. *Русская Антологія*, изданная на Англійскомъ языкѣ Г. Боуригомъ, принята была съ восторгомъ. И пакъ, если

вниманіе просвѣщенной Европы обращено на ходъ нашей образованности и Словесности, намъ должно спарашься войти въ рядъ народовъ, гордящихся своею Словесностію, должно спарашься писать по-Руски. Если намъ невозможно сравняшься съ другими *числомъ* выходящихъ у насъ сочиненій, спарашемся сравнишься *качествомъ*, и между шѣмъ, какъ другіе народы, особенно Французы, сворачивають съ истиннаго пути Словесности и блуждають по проселочнымъ спезямъ полишики, имѣющей только мѣсную и временную занимательность, мы должны воспользовашься этимъ промежуткомъ времени, эшимъ опшупаніемъ другихъ народовъ ошъ настоящаго литературнаго поприща, и догнашь ихъ въ ошшошеніи къ Исторіи, Свѣдѣншикамъ и Литерашурѣ.

Величайшее преняшество къ шому нахожу я въ двухъ обшояшельствахъ. *Первое*, что у насъ нѣтъ особеннаго сословія Литерашоровъ. Все пишущъ у насъ *на десугъ*, какъ будто ошъ *бездѣлья*, ошъ шого по большей частши и выходяшь одиъ только *бездѣлки*. Если бѣ покойный Исторіографъ нашъ, Н. М. Карамзинъ, не посвящилъ цѣлой жизни и всего своего времени ученію и шрудамъ литературнымъ, шо не сосма-

вилъ бы шворенія, перваго въ Россіи, въ лишературномъ отношеніи. Карамзинъ первый подалъ у насъ примѣръ геройскаго самоопроверженія въ пользу и во славу опечесненной Словесности. Вперивъ умъ свой въ изученіе языка и событій Россіи, возвысаясь душею въ горніе предѣлы народной славы, онъ не думалъ о мелкихъ расчешахъ земнаго честолюбія; онъ шрудился, и Слава съ почешьями сама пришла къ нему, подобно Форшунѣ, въ Сказкѣ И. И. Дмишріева, въ кошорой онъ говоритъ о Философѣ:

Онъ спитъ — а у него Форшуна въ головахъ.

Напротивъ того, ббольшая часть нашихъ Словесниковъ смонришь на Липерашуру, не какъ на *цль*, но какъ на *средства* къ достиженію цли, вовсе чуждой славы народной и пользы общей. Блеснувъ въ Журналъ спашейкою (передланною и исправленною въ словахъ и выраженіяхъ шервильнымъ Журналистомъ), молодой человекъ уже приобрънаешъ *въ своемъ кругу* славу Липерашора и даже *ученго*, и спарается уиошребишь это наименованіе для выгоды по службѣ. Начальникъ, судя по *печатному* и не вида *черновой работы* господина Липерашора, даешъ ему мѣсто, и послѣ удивляется, что канцеллярская работа не ошвѣчаетъ журнальной по чештотѣ

опдѣлки, по знанію языка и красотѣ слога; удивляешся и молчишь — *faute de mieux!*

Другіе пишутъ по спраспи — не къ Липерашурѣ, но по спраспи *писать* и *печатать*. Но какъ они пишутъ урывками, между спомъ и казеннымъ дѣломъ, пишутъ, не имья времени чипанъ и учишься — то ихъ сочиненія опшываются незрѣлостью и посянъ на себѣ оппечашокъ поспѣшности и несвязности идей.

Сей недоспашокъ Писашелей, и невозможность имѣнъ *особое сословіе* Липерашоровъ, увеличивается еще болѣе онъ шого, что у насъ весьма немногіе получили классическое воспитаніе, и что въ частныхъ заведеніяхъ для воспитанія юношества, нѣтъ однообразной мшоды. У насъ молодые люди шакъ рано выходятъ въ свѣтъ, шакъ рано бросаются въ омушь свѣшской, разсынной жизни, что имъ нѣкогда не шолько усовершишься въ Наукахъ и Словесности, но даже припоминашь шю, чему учились въ дѣтствѣ. Чештотіе, спрасшь приличная шолько возраспу возмужалости, раждаешся у насъ въ сердцахъ, въ самой нѣжной юности. Начипаюшся расчешы, какъ, гдѣ и во сколько времени можно дослушиться, или лучше сказашъ, дождашся до

пѣвѣспныхъ степеней — и тогда прощай  
ученіе, слава, Словесность!

Слѣдствіе неминуемое всего сказаннаго  
вкратцѣ (что можно распространить въ  
нѣсколькихъ томахъ) есть: незнаніе отече-  
ственнаго языка. Никѣ въ цѣлой Европѣ  
не выходилъ въ свѣтъ ни одной книги съ  
грамматическими ошибками; не только  
Писатели совершенно выучиваются своему  
языку въ первоначальныхъ школахъ, но  
даже корректоры типографій и наборщики.  
Тамъ въ кришикахъ спорили только о слогахъ  
или о шрудносныхъ языка, а у насъ надобно  
еще спорить о Грамматикѣ, и въ рецензіяхъ  
ссылались на правила склоненій и спряженій!  
Весьма часто случается, что самыя рецен-  
зій бывають въ размовкѣ съ Грамматикою;  
скажу болѣе: мнѣ случилось читать разу-  
сжденіе о Грамматикѣ, наполненное грамма-  
тическими ошибками! Нерѣдко случается  
слышать собственное признаніе людей,  
впрочемъ весьма умныхъ и образованныхъ,  
что они не знаютъ Русскаго языка! Ино-  
спранцамъ это кажется страннымъ и не-  
понятнымъ, но если мы возьмемъ въ разу-  
сжденіе недоспашокъ хорошихъ учебныхъ  
книгъ по части языкознанія, недоспашокъ  
учителей Русскаго языка, и привычку по-  
вѣрять домашнее воспитаніе иностранцамъ,

то это не будетъ удивительно. Если бѣ  
публика заглянула, пакъ сказать, въ ма-  
штерскую Журналовъ, гдѣ исправляются  
чужія списанья, то пожалѣла бы о бѣдныхъ  
Журналистахъ, прищупляющихъ зрѣніе и  
исправивающихъ время надъ неблагодарною  
работою, поправкою и выгладкою чужихъ  
шрудовъ, подъ копорыми выставлено бу-  
детъ чужое имя. Однажды лукавый соблаз-  
нилъ меня издавать Журналъ, вселивъ мысль,  
что это весьма легко, и что только  
спойти *собрать* чужія сочиненія и пере-  
воды; но присмотрѣвшись къ журнальной  
работѣ, я опресея оиъ этого предпріянія.  
На вопросъ мой, что шрудите всего найши  
на литературномъ поприщѣ, измученный  
Журналистъ, проширая усталые глаза, ош-  
вѣчалъ: „Человѣка, копорый бы, при по-  
„знаніи иностранныхъ языковъ, умѣлъ чи-  
„сто, правильно, грамматически излагать  
„свои или чужія мысли — по-Русски!“ Это,  
по несчастію, совершенная правда.

*Второе* препятствіе успѣху нашей  
Словесности есть то, что человекъ, напе-  
чатавъ нѣсколько списашекъ въ Журналахъ,  
и получивъ въ награду благодареніе оиъ  
Журналиста въ вѣжливыхъ выраженіяхъ и  
воспорженныхъ похвалы въ кругу друзей,  
вмѣсто того, чтобы послѣ этого при-

няться за какойнибудь важный труд для упрочения своей доброй славы, потчась подвизываешь Икаровы крылья и спремись в храм Музъ, чтобы возсѣсть на судейскомъ стулѣ. Всякій хочешь судить — и ошь этого выходишь, что судей болѣе, нежели подсудимыхъ. Говоришь, что у насъ ничего не читають, кромѣ Журналовъ и Альманаховъ. Правда, но ошь чего это? Ошь того, что публика получаешь весьма мало, или почти вовсе не получаешь ошдѣльныхъ, цѣльныхъ сочиненій Литераторовъ, снискавшихъ себя извѣстность. Она по неволѣ должна довольствоваться ошрывками или малыми спашейками. Пускай появляясь у насъ ошличные національные Романы, Поэмы, Трагедіи, Комедіи, собранія Повѣстей и ш. п., равныя достоинствами помѣщаемымъ въ Журналахъ Повѣстямъ и ошрывкамъ, тогда публика пріучится покупать и читать Русскія книги. И шакъ, для уничтоженія сего препяшствія, непременно должно, чтобы люди, одаренные способностями, принялись за сочиненія полныя, на кошорыхъ зиждется основаніе Словесности. Пускай они даряють Журналы и Альманахи ошрывками и спишками въ альбомы — это дѣло поспороннее; шолько, чтобы эти ошрывки и спишки не соспа-

вляли ихъ главнаго занятія и единственнаго права на званіе Литераторовъ.

Не знаю, угадаешь ты или не угадаешь причину моего введенія. Какъ бы шо ни было, но я долженъ извѣстить тебя, что я изложилъ вкратцѣ препяшствія, замедляющія ходъ нашей Словесности, для того шолько, чтобы не ошвратишь тебя ошь оной, когда ты увидишь малое число сочиненій, достойныхъ вниманія, и напрошивъ возбудишь пламенное усердіе въ Литераторахъ (кошорымъ удалось прочесть сіе письмо) къ обогащенію нашихъ умственныхъ сокровищъ. Надобно общими силами спараться очищать сіе благородное поприще ошь плевель лѣни, мелкихъ расчешовъ и самолюбія. Я почелъ бы себя счастливымъ, если бь мнѣ удалось возбудишь хошя въ одномъ молодомъ человекѣ желаніе къ основательному изученію ошечественнаго языка, и хошя одного Литератора пріохотишь къ какомунибудь труду на пользу и славу ошечественной Словесности. Между тѣмъ обратимся къ дѣлу, и посмошримъ, что мы произвели ошличнаго въ обласши ума и познаній въ печеніе прошлаго 1826 года. Предвѣдомляю тебя однако жь, что я вовсе не намѣренъ наполнять мое письмо номенкла-

турною *есвхъ* книгъ; предославляю это Библиографіи.

У насъ большая часть лишературнаго ума и ошроумія испаряется въ Альманахахъ и Журналахъ. Поэты и Прозаики полагають, что подаривъ Альманахъ или Журналъ піекою или спашейкою, они уже заплашили годовую подашь за право пользоваться въ продолженіе года лишературною славою, и ошдыхають на ложъ лъни, успланномъ лавровыми и миршовыми листочками. Пущь было бы шакъ съ Сочинителями хорошихъ піесъ; я и самъ предпочитаю иногда чешырещишіе длинной Поэмъ. Но наши Журналисты и Издашели Альманаховъ весьма сговорчивы и снисходительны. Первые думаютъ болѣе объ испещреніи обершки, называя множесиво всякаго вздору *разнообразіемъ*; Издашели Альманаховъ болѣе хлопчуть объ именахъ Сочинителей піесъ, нежели о достоинствѣ оныхъ, или спарають выпечашають свои собшвенныя сочиненія во всю длину и ширину Альманаховъ, не помыслиа о бѣдныхъ читашеляхъ. За шо Альманаховъ нынѣ множесиво, а читашь право нѣчего. Если бѣ можно было изъ всѣхъ ихъ выбрать лучшія піесы, шо конечно вышла бы прелесшная и оплчшная книжка. Въ добрый часъ будъ сказано: у

нашь много охощниковъ перепечашивають чужое; авось воспользуюсь этою мыслію и издадушъ *Альманахъ Альманаховъ*.

На моемъ письменномъ сполікѣ лежатъ шеперь: 1) *Сѣверные цвѣты*, 2) *Драматическій Альбомъ для любителей Театра*, 3) *Невскій Альманахъ*, 4) *Календарь Музъ*, 5) *Урашия*. Всѣ эти Альманахи (кромѣ Невскаго) расхвалены Журналами до *пес plus ultra*. Конечно всѣ они имѣють свое достоиншво, но я предпочитаю всѣмъ *Сѣверные цвѣты*, которые по истинѣ душисны и блисшашельны. Въ продолженіе года, я нѣсколько разъ читашь прекрасную спашью: *Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ*, не сполько для шого, чтошбъ поучишь изъ спашиспическихъ и эшнографическихъ, весьма любопытныхъ подробностей, сколько для шого, чтошбъ насладишь чисткою, благородною прозою и правильнымъ Русскимъ языкомъ. Рѣшишельно скажу, что по смерши Н. М. Карамзина, никто не пишеть шакъ хорошо по Русски, какъ Авторъ сей спашьи, и онъ, по скромности своей, скрыль свое имя, шогда какъ наши Словесники часшо выписываютъ имя и прозвание со всѣми шипулами, подъ шакими піесами — что Боже упаси! Но при этомъ я снова долженъ возврашиться къ моему

предложенію, и погрузишь, что отличные паланты не занимающія Словесностью. Спашья о состояніи Художествъ въ Россіи занимательна болѣе исчисленіемъ именъ отличнѣйшихъ Художниковъ и эпохами вѣдворенія у насъ Искусствъ, нежели кришикою отличныхъ произведеній и характерисшикою дарованій. Да не прогнѣвается Г. Издашель Сѣверной Пчелы, копорый сказаль, что Авпоръ сей спашья предсшавиль *вѣрную* характерисшику дарованій. Это сказано *не вѣрно*. Наборъ шехническихъ вѣраженій, разведенныхъ подслащенною водичею, или просто сказашь, рядъ похвалъ всѣмъ и каждому не можешъ назвашься характерисшикою. Спрашиваю: дождемся ли мы, на нашемъ вѣку, Исторіи Художествъ въ Россіи, въ шакомъ родѣ, какъ Исторія Медицины, сочиненная Рихшеромъ! Самъ отвѣчаю за себя: врядъ ли! Намъ все *нѣкогда*: мы шоропимся жить. — Стихотворная часшь сего Альманаха безъ сравненія лучше всѣхъ, но вспомнимъ при сѣмъ о Французской поговоркѣ: *comparaison n'est pas raison*.

Издашель *Ураніи* вѣрно съ родни Издашелью Сѣверной Пчелы, или, покрайней мѣрѣ, задушевный его пріятель. Этому нельзя не порадовашься, пошому что въ *Литерашурѣ*

шакой примѣрѣ не весьма обмкновенеть, но въ шакомъ случаѣ лучше было бы предсшавишь другимъ безъ мѣры хвалишь пріятеля. Право не хорошо, что у насъ нѣтъ ни мѣры, ни вѣсу въ похвалахъ, шогда, какъ для заносчивой Кришики положены предѣлы законами, что весьма справедливо. Двѣ Повѣсти: *Какъ аукнется, такъ и откликнется*, и *Нищій*, воспѣшы и прославлены шакъ, что и о Гомеровоѣ *Иліадѣ* невозможно было бы сказашь болѣе. Кажешся, самъ Рецензентъ чувствоваль это, сказавъ, что излишняя похвала вредна, и имвешъ усыпительное дѣйствіе на возникающее дарованіе. Къ шому надлежало бы прибавишь и прошивоположностъ усыпленію. Замѣчаніе сѣе опіиодъ не опіиосишь къ Издашелю *Ураніи*, копорый одаренъ способностями, но къ Издашелю Пчелы, копорому опъ всей души совѣшую бышь умѣренише въ похвалахъ для пользы Словесности. Пусть онъ вспомнишь слова знаменитаго Шлецера: *ia sum master*.

Впрочемъ хотя сѣй Альманахъ наполненъ вовсе не альманачными спашьями, но важными историческими акшами и извѣстіями, копорыя должешвовали бы войши въ составъ шакого Журнала, какъ Сѣверный Архивъ, не менѣе шого *Уранія* споишь по-

го, чшобы имѣть ее въ библиотекѣ. Я весьма радъ, что Издашель *Ураши* вступилъ на журнальное поприще: не знаю, каковъ будетъ Журналъ его въ отношеніи къ Изящной Словесности, но по части Русской Археологіи, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ занимательнъ, ибо нѣсколько археологическихъ спашей, переведенныхъ Издашелемъ, и нѣсколько его собственныхъ историческихъ изысканій, какъ, на примѣръ: *о происхожденіи Руси*, доказывающъ, что онъ съ успѣхомъ занимался Русскою Исторіею и свѣдуецъ въ древностяхъ (\*). Стихотворная часть *Ураши* не перешла за черту золошой посредственности. Желаю Издашелю всевозможнаго успѣха на журнальномъ поприщѣ, но сожалѣю, что онъ съ-позаранку взялъ на себя обязанность цѣнить достоинство всѣхъ другихъ Журналовъ. Мнѣ кажется, что неприличнымъ и несвойственнымъ, ибо, по праву естественному и гражданскому, никто не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Но это не мое дѣло: пускай Гг. Журналисты переводящися порядкомъ между собою и вознаграждающъ насъ за долгое

(\*) Письмо сіе получено и поступило въ печать прежде выхода въ свѣтъ Журнала Г. Погодина. — Изд.

молчаніе. Кришиковать собрата можно, но брашь на себя постоянную обязанность цѣнить соперниковъ — неприлично, особенно съ перваго шагу.

*Календарь Музъ*, безъ всякаго сомнѣнія, не есть Адресъ - Календарь лучшихъ произведеній Словесности, но все таки не опспашъ опъ другихъ, а превзошелъ нѣкоторыя. Изъ прозаическихъ спашей одна имѣетъ истинное достоинство. Эпо: *Пользка съ Вятку*; она написана остроумно и замысловато; другія спашьи слишкомъ распянушы. Первая: *О значеніи новыхъ словъ* — ни къ селу, ни къ городу. Стихотворная часть изрядная.

*Невскій Альманахъ*, въ Литературѣ, припца во языцѣхъ. Издашель вовсе неизвѣстенъ былъ въ Литературѣ, и вдругъ опрекомендовался Альманахомъ; соснавленными изъ давно уже напечатанныхъ пѣснь и другихъ ненапечатанныхъ, но обнародованныхъ безъ воли и вѣдома Авторовъ. Поднялся шумъ на Русскомъ Парнассѣ, а Издашель опдѣлался молчаніемъ, и къ нынѣшнему 1827 году выѣхалъ на шомъ же конькѣ. Спашьи сочиненія самого Издашеля такого рода, что о нихъ я даже говорю не намѣренъ. Ni time, ni raison, какъ говорящъ Французы.

О Журналахъ можно было бы сказать весьма много, и пошому именно я скажу весьма мало. *Благонамѣренный*, послѣ продолжительной чахотки, умеръ своею смершью, съ должкомъ, по ешь, не выдавъ слѣдующихъ подписчикамъ книжекъ. Какъ это дѣлается — не понимаю, но дѣлается.

*Азіятскій Вѣстникъ* живетъ въ однихъ программахъ, и ежегодно опсашаетъ книжками, не расплачиваясь съ плавающими подписчиками. Повторяю: какъ это дѣлается — не понимаю — но дѣлается. Содержание сего Журнала весьма занимательно — въ объявленіяхъ.

*Отечественныя Записки* продолжаются съ равнью прежней занимательностію. Издашесть обѣщала не помѣщать переводныхъ спашей, — и это обѣщаніе если не слишкомъ затруднительно къ выполнению, по крайней мѣрѣ излишне. Говорю не слишкомъ затруднительное, пошому, что прилежному и прудолубивому человеку не прудно при помощи другихъ, наполнишь въ мѣсяць шесть листовъ печашныхъ въ малую осмушку; ограничивашься при изданіи Журнала оригинальными спашьями, ешь излишняя предосторожность, пошому что у иностранныхъ Писашелей весьма много любодышнаго о Россіи. Издашесть почув-

ствоваль это, и нынѣ начинаесть помѣщать *переводныя* спашьи. Жаль, что онъ самъ мало пишешъ, и едва листикомъ даритъ въ мѣсяць своихъ чипашелей. Всѣ Журналы и Липерашоры осуждають помѣщеніе безконечныхъ рукописей въ малыхъ книжечкахъ Опечешвенныхъ Записокъ. Нѣкопорья спашьи продолжаются по нѣскольку дѣшь, и чипашели съ неперпвнемъ ожидають, пока кормчій воскликнешъ: *земля!* — Помѣщеніе Повѣстей въ Опечешвенныхъ Запискахъ, мы почишаемъ вовсе излишнимъ и несообразнымъ ни съ цѣлю оныхъ, ни съ важностію, ни съ заглавіемъ. Къ шому жъ книжечки сего Журнала шакъ малы, что прудно соблюсти въ нихъ общую занимательность, безпреспанно перерывая повѣствованіе. Замѣчательно, что съ нѣкопорога времени извѣстія помѣщаюся въ сешъ Журналъ съ бѣльшею шочностію, бѣльшимъ разборомъ и осмошрительностію. Совѣшую шебъ чипашъ Опечешвенныя Записки; но если хочешъ съ пользою, по нѣсколько годовъ вмѣстѣ — какъ книгу, безъ перерывовъ.

*Вѣстникъ Европы* замѣчашеленъ шѣмъ, что всегда сохраняешъ свое достоинство въ опношеніи къ чистотѣ языка, и неизмѣненъ въ своихъ липерашурныхъ прави-

лахъ. Тщешно спарались другіе Московскіе Журналы уронить его въ мнѣніи публики; Вѣстникъ Европы, основанный Карамзинымъ, продолжаемый нѣкогда В. А. Жуковскимъ, а нынѣ М. Т. Каченовскимъ, переживешь временную, бранчивую извѣстность своихъ соперниковъ. Жаль, и спо разъ жаль, что ученый Г. Каченовскій мало занимаешся Кришикою; сужденія его о произведеніяхъ Словесности имѣли бы большой вѣсъ между Литераторами.

*Московскій Телеграфъ.* — Но письмо мое и такъ слишкомъ длинно — до свидяющей почты.

Д. Р. К.

## СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Описание осады Миссолонги, соч. Панталонь Паппа-Лукою, вышедшимъ изъ сей крѣпости вмѣстѣ съ гарнизономъ, 10 Апрѣля 1826.

*Переводъ съ Греческаго.*

Около 17 Апрѣля 1825 года, Румелійскій Паша Кушаги, прибылъ къ Миссолонги съ 40,000 пѣхоты и кавалеріи и съ 6000 невольниковъ, копорые опиравали должность саперовъ, и раскинулъ палашки свои на нашей равнинѣ. Спавъ послѣ въ разстояніи версты отъ нашихъ укрѣпленій, онъ провелъ ретраншаментъ въ чепьре фуша шириною и въ полторы версты длиною, поставилъ на немъ шесть башнарей, въ коихъ всего было пятнадцать пушекъ и шесть морширъ; и началъ бомбардировать нашу крѣпость, которая защищалась чепьрнадцатью башнаряями, изъ коихъ чепьре среднія были каменныя, а прочія земляныя. Попомъ непріятель сдѣлалъ чепьре земляныя насыпи на сорокъ сажень одна отъ другой, и вышиною въ десять сажень, а шириною въ шесть. Эту громаду

земли подвигалъ онъ понемногу къ самымъ укрѣпленіямъ нашимъ, между тѣмъ, какъ мы съ своей стороны испощались въ щепельныхъ усиліяхъ, пошому что ядра наши углублялись въ землю и не вредили непріятелю. Видя, что огнеспрѣльное орудіе наше не приноситъ намъ никакой пользы, мы начали дѣлать подкопы, и провели мину подъ среднюю насыпь, зажгли ее, и человекъ 300 Турокъ взлетѣло на воздухъ; тогда мы бросились на осшалныхъ, перебили множество, пятьдесятъ человекъ взяли въ плѣнъ, и возвратились въ крѣпость. На другой день непріятель снова началъ работу, бросая землю въ ровъ нашъ; такимъ образомъ овладѣлъ онъ двумя нашими башшарейми: среднюю, кошорая называлась *большою* и состояла изъ шести пушекъ, и другую, кошорая называлась *страшною*, и въ кошорой было три пушки.

30 Іюня прибылъ Турецкій флотъ, состоявшій изъ 70 военныхъ судовъ и 40 транспортшвъ, и привезъ Кушаги (Решиду-Пашъ) военные и съѣстные припасы, кошорые и выгрузилъ на берегъ. Флотомъ симъ начальствовалъ *Хозревъ-Паша*. Спущивъ на море свои канонерскія шлюбки, онъ пышался овладѣть укрѣпленіемъ Вассиади, но послѣ двухъ или трехъ присту-

повъ, былъ отбитъ съ большимъ урономъ Коменданшомъ сей крѣпости, Анаспасіемъ Паипа Лукою. Не успѣвъ, такимъ образомъ, исполнить намѣренія своего, непріятель опшелъ на чешыре вершны далѣе, и прорылъ въ песокъ, окружающемъ ошровъ, каналъ въ пятьдесятъ саженъ длиною, по кошорому провелъ шлюбки свои въ озеро; находясь на вершну ошъ города, началъ онъ бросать въ него бомбы и гранаты. Гарнизонъ Миссолонгскій состоялъ тогда изъ 2,800 Эллиновъ, кошорыми начальствовали: Аванасій Разокоцика, Спиридонъ Пешалуди и Димитрій Макри, Миссолонгцы; Нопи Боццари и Ламбро Вейко, Сульшы; и Мичо Коншойяни, Андрей Иско и Георгій Киццо, Ромелішы.

10 Іюля, непріятель, подведя мину подъ большую башшарекю, зажегъ оную, въ 8 часовъ ушра, и всю ниспровергъ; онъ хотѣлъ ворваться въ городъ, но былъ отбитъ храбрыми нашими воинами, кошорые нѣскольکو сошъ человекъ убитыми и пятнадцатъ взятыми въ плѣнъ. По жестокомъ сраженіи, продолжавшемся чешыре часа, непріятель предложилъ войши въ переговоры. Находясь въ весьма дурномъ положеніи и имѣя шолько 60 фуншвъ пороха, мы послали чешырехъ нашихъ сошшчичей на укрѣпленія, для

переговоры съ четырьмя прибывшими шудами для сего Турками; они предложили намъ сдатьсь, но наши, желая выиграть время и надеясь, что между шемъ приспѣетъ флотъ нашъ, просили пять дней срока. Угадывая наше намѣреніе, Турки снова начали бомбардировать городъ еще съ большимъ ожесточеніемъ, такъ, что 21 Іюля, съ четырехъ часовъ утра до другого дня сдѣлали они 3,400 выстрѣловъ изъ пушекъ и мортиръ. Черезъ часъ послѣ сей ужасной канонады, они атаковали насъ съ суши и съ моря, и особенно съ шѣхъ четырехъ сторонъ, съ которыхъ подвинули они къ крепости свои насыпи. Съ моря, канонерскія шлюбки подошли на разстояніе сорока сажень отъ нашихъ домовъ, и въ то время, какъ Турки бросались въ море, чтобы возвратиться въ городъ, наши сдѣлали имъ мужественный оппоръ, перебили множество изъ нихъ и потопили двѣ шлюбки. Сраженіе сіе продолжалось до 11 часовъ, и ровъ нашъ былъ заваленъ непріятельскими трупамы; у насъ убито было 12 человекъ, а ранено 8; мы возвратились съ большею добычею и съ восемью знаменами, отбитыми у Турокъ. Въ ночь же день прибыли на горы наши Генералы, которыхъ мы ожидали, ш. е. Кара-Исаки, Кицо-Дзавелла и Георгій

Валлино; они выпалили изъ ружей и подали намъ условленные знаки. На другой день, на разсвѣтѣ, услышали мы шумъ со стороны моря, и увидѣли въ Вассиади огни, означавшіе прибытіе судовъ нашихъ, двухъ бригаининъ и гоэзешты, которые, преслѣдовавъ до самаго Папраса четыре непріятельскія судна, два изъ нихъ сожгли, а два другія заставили укрыться подъ выстрѣлами замковъ. Флотъ нашъ, состоявшій изъ 56 судовъ, обратился въ бѣгство непріятельскую эскадру, и прогнавъ ее изъ крепности Миссолонги, оспанивился на якорь въ нашемъ портѣ и выгрузилъ привезенные имъ съѣстные и боевые припасы, къ великому удивленію непріятелей, бывшихъ со своими шлюбками въ озерѣ; они принуждены были уйти къ лагерю Купаги и шацинъ шлюбки, чтобы снять съ нихъ пушки, и сдѣлать для своей защиты башпарей. Адмиралъ Міаули спустил шлюбки свои въ озеро; напавъ на непріятельскія суда, причинилъ имъ значительный вредъ, и овладѣлъ шестью большими изъ нихъ, которыхъ еще не успѣли вышацинъ. Около 23 того же мѣсяца, мы сдѣлали вылазку и зажгли мину, бросились на непріятеля, преслѣдовали его по пятамъ, достигли до башпарей и заколошили всѣ пушки; мы пош-

часъ возвратились въ крѣпость съ богатой добычею и плѣнными; а между тѣмъ съ другой стороны, Кара-Искаки и другіе начальники напали на лагерь непріятелей, перебили большую ихъ часть и возвратились къ мѣсту, которое они занимали, съ величайшимъ множествомъ плѣнниковъ. 1<sup>го</sup> Августа, суда наши прибыли въ Кріонери, за 12 миль отъ Миссолонги, взяли двухъ нашихъ Генераловъ, Киццо-Дзавеллу и Георгія Валлино съ 300 человекъ, и привезли ихъ въ крѣпость. Кара-Искаки пошелъ къ Драгамести (на десяти часовъ отъ Миссолонги), чтобы пренястишвовашъ подвозу съѣстныхъ припасовъ непріятелю. Пономъ суда наши отправились изъ Миссолонги, чтобы преслѣдовашъ Турецкій флотъ, который и встрѣтили въ Модонѣ. Сразившись съ онымъ, они сожгли 16 судовъ разной величины, взяли пять и возвратились въ Идру. Что касается до заковоченныхъ нами непріятельскихъ пушекъ, то Европейскіе Инженеры Паша ихъ починили, и снова начали бомбардировать нашу крѣпость, а мы между тѣмъ не преславали подводить подконы подъ насыпи, которыми они сдѣлали близъ нашихъ баштарей и взрывашъ ихъ на воздухъ; пономъ мы преслѣдовали Турокъ, производя ужасное кровопролитіе и захва-

тывая добычу. Сраженія продолжались до 25 Октября; непріятель получалъ со всѣхъ сторонъ подмогу, а какъ мы ушомлили его безпрестанными вылазками и испребляли лучшее его войско, то онъ удалился въ прежнія свои укрѣпленія. Тогда весь гарнизонъ бросился на насыпь, которую непріятель поставилъ надъ нашими баштарейми; очистивъ отъ нее ровъ нашъ, мы привели крѣпость въ прежнее положеніе. Кушаги, Решидъ-Паша, отправился въ Пашрасъ, прислалъ Ибрагима-Пашу прислалъ Миссолонгскій флотъ и построилъ плоты, которыми надобно было спустить въ озеро, чтобы удобно было бомбардировать городъ со стороны моря, и въ то же время сдѣлать нападеніе на Вассилади. Онъ уговаривалъ также Ибрагима-Пашу прийти съ регулярными войсками своими къ Миссолонги, дабы совѣщаться о средствахъ овладѣть онымъ. Въ Декабрѣ прибылъ къ нашему порту Турецкій флотъ, состоявшій изъ 80 судовъ, а Ибрагимъ-Паша пришелъ изъ Пашраса къ Кріонери съ 8000 чел. регулярнаго войска и съ корпусомъ, взятымъ имъ изъ Модона. Высадивъ передъ Миссолонги всѣ свои войска съ большимъ количествомъ бомбъ и боевыхъ снарядовъ, онъ построилъ новыя баштарыи, подъ руководствомъ Европейскихъ Инжене-

ровъ, которые назначали удобныя для того мѣста. Къ намъ также прибыло ночью большое подкрѣпленіе, 500 Эллиновъ, подъ начальствомъ Байраддара - Яни. На всѣхъ непріятельскихъ башшаряхъ было 18 пушекъ и 16 морширъ, и дѣйствіе оными производилось по всѣмъ правиламъ шакшики, потому что всѣ Инженеры и офицеры были Европейцы. Съ другой стороны Капшапъ - Паша ввелъ въ озеро 80 шлюбокъ и плотовъ и началъ бомбардировать Вассиладди, котораго гарнизонъ состоялъ только изъ 100 человекъ, подъ начальствомъ Анастасія Паппа Луки и Спира Пешалуди. По множеству бросаемыхъ шуда бомбъ и гренадъ, одна упала, по несчастію, въ пороховой магазинъ, который тотчасъ взлетѣлъ на воздухъ и произвелъ большое оупошеніе. Сраженіе продолжалось 12 часовъ, и стоило жизни 1300 Туркамъ; съ нашей стороны было убито и погибло отъ взрванія магазина и отъ бомбъ только 45 человекъ, но мы лишились Спира Пешалуди, который погибъ въ семь дѣлъ. Остальная часть гарнизона, видя, что не можешь прошившись съ столькимъ соединеннымъ силами, бросилась въ лодкахъ на канонерскія шлюбки, и 23 человека, съ начальникомъ своимъ Анастасіемъ Паппа Лукою, успѣли сквозь

нихъ пробиться, и тогда (13 Февраля) непріятель овладѣлъ замкомъ Вассиладди.

Около 16 того же мѣсяца, непріятель перевелъ суда и плоты свои къ башшарѣ, называемой Порось, за двѣ мили отъ Анашолика, а съ сухаго пуши пришло къ нему регулярное войско въ 15,000 человекъ. Гарнизонъ въ Анашолико состоялъ только изъ 330 Эллиновъ, бывшихъ подъ начальствомъ Георгія Лиаканъ. Плоты и шлюбки начали бомбардировать сію башшарею, и въ то же время регулярныя и нерегулярныя войска и кавалерія бросились вмѣстѣ, чтобы овладѣть оною. Миссолонгскій гарнизонъ, видя сіе упорное сраженіе, сдѣлалъ вылазку, бросился на непріятелей и перебилъ ихъ множество, испуская громкіе крики, дабы сдѣлать диверсію и ошдалишь шѣхъ, которые нападали на Анашолико, послѣ чего возвратился въ крѣпость. Сраженіе передъ Поросскою башшарею продолжалось уже около десяти часовъ, когда прибыли наконецъ непріятельскія суда и плоты, которыя составили какъ бы нѣчто цѣлое съ островомъ Пороссомъ. Тогда наши, видя, что ихъ слишкомъ мало и что сопротивленіе невозможно, съѣли въ лодки и удалились въ городъ. Непріятель овладѣлъ Пороссомъ, но это стоило ему 2600 сол-

дашь и многихъ Французскихъ и Австрійскихъ офицеровъ, кошорые были въ семь дѣль убины; солдашы Анаполкскіе, въ числѣ 120, также съли въ лодки и, пробившесъ сквозь непріятелей, ушли къ горама и на другой день Анаполко также достался въ руки Турокъ. Всѣ непріятельскія силы были тогда соединены предъ Миссолонги, и городъ начали бомбардировать съ суши и съ моря. Съ 16 Февраля до 1 Марша, непріятели бросили 36000 бомбъ и ядеръ, но какъ Турки были всегда съ большимъ урономъ ошражаемы, шо они прибѣгли къ хипросши и предложили намъ покорншесъ, съ шъль, что мы будемъ по прежнему владѣть Капшанснвами; если же этого не хошимъ, шо они доставяшъ намъ Англійскіе корабли для перевзда, и, по сдачѣ Миссолонги, уплатяшъ намъ 12 милліонувъ піясшровъ. Видя, что обѣщанія сіи не искренни, мы ошвѣчали имъ, что земля Миссолонги упишана Греческою кровью, и можешъ бышъ размѣнена только на кровь, а не на деньги. Мы тогда же просили Правншество снабдншъ насъ, какъ можно скорѣе, съшшными припасами, ибо мы шерпѣли крайнюю нужду въ оныхъ и пинались только лошадьми, собаками и другими нечисшными живоншми. Не смошра на шо,

что городъ безпрешанно бомбардировали; мы дѣлали ежедневныя вылазки; наконецъ, 25 Марша, непріятель, желая овладѣшъ ошровомъ Кліссовою, собралъ всѣ свои морскія и сухопуншныя силы, и далъ сраженіе, кошорое продолжалось съ ушра до вечера и споило ему множесшва людей; шшо засшавило его ошспуншшь. Въ озерѣ нашли при шъсячи шруповъ; мы ошнѣли у Турокъ пляшъ канонерскихъ лодокъ, не считаая двухъ, кошорыя мы пошопили, великое число шшшковъ и множесшво добычи. Въ сей памяшншй день убишъ Сулейманъ-Бей, зяшъ Ибрагима, называвшійся Французо-Туркомъ, а Кушаги Решидъ - Паша раненъ каршесью въ ногу. Убины также Албанскій начальникъ Бану Севрани и нѣскольکو Французскихъ и Австрійскихъ Ошцеровъ. Къ нешчасшю, шша побѣда не принесла никакой пользы Миссолонгскому гарнизону, пошому, что недосшашокъ въ съшшныхъ припасахъ ежедневно увеличивался, и мы умирали съ голода. Флотъ нашъ, состоявшій изъ 24 судовъ, прибыль 3 Апрелья, но немогъ оказашъ намъ никакого пособія, по причинѣ прошшвнхъ вѣшровъ и множесшва непріятельскихъ кораблей, кошорые блокировали порть нашъ. Тогда-шо, не надѣясь болѣе получншъ какую-либо помощь, мы созвали

общій совѣщъ, и рѣшили, то Апрелья выйти, пробиться сквозь непріятелей, и спастись или погибнуть. Для сего мы подвели подкопы подъ чешыре дома, самыя большіе въ городѣ, и помѣстили въ оныхъ шѣхъ, кошорые не могли сдѣлывать за нами, ш. е. раненыхъ, больныхъ, шариковъ, женщинъ и дѣшей, кошорые всѣ рѣшились заечь мины, когда приблизится непріятель и поднашь себя, вмѣстѣ съ нимъ, на воздухъ; всѣхъ, обрешшихъ себя на это опчаянное дѣло, было 4000 чел.; а 3200 Эллиновъ и 2000 женщинъ и дѣшей должны были выйти и пробиться сквозь непріятельскій корпусъ къ горамъ, на кошорыхъ стояли Генералы наши, Кара-Искаки и Константинъ Боццари. Распорядившись такимъ образомъ, мы вышли 10 Апрелья, въ 3 часа ушра, со шпагою въ одной рукъ и пистолею въ другой, бросились на непріятелей и множество ихъ положили на мѣстѣ, пробиваясь къ горамъ. Турецкая армія, состоявшая изъ 25,000 человекъ, совершенно насъ окружила, сославивъ съ нами какъ бы одно цѣлое, и уже часа черезъ при съ половиною достигли мы горъ, въ числѣ 1200 человекъ; что касается до женщинъ и дѣшей, то ихъ было только 33; большая часть была перебиша, а около 1400 попали въ рабство.

Гора находилась отъ Миссолонги только на часъ ходьбы, но по множеству окружавшихъ насъ непріятелей, мы шли шуда часа съ при. Досигнувъ нашей цѣли, мы соединились съ Капшанами Констанциномъ Боццари и Кара-Искаки, кошорые раздали намъ сухарей, чтобы подкрѣпить наши силы, ибо мы совершенно испощены были усталостію и голодомъ. Опшуда опправились мы въ Держевину (въ 40 миляхъ отъ Миссолонги), между шѣмъ какъ непріятель вступалъ въ городъ и кошѣлъ грабить дома, а больные и раненые, поджигая мины, поднимали себя на воздухъ вмѣстѣ съ нападающими. Изъ Держевины пошли мы въ Салону, а опшуда въ Наполи ди Романію, гдѣ народъ принялъ насъ со всеми знаками истинной привязанности.

Такова была ужасная осада Миссолонги, кошорого паденіе было не менѣ пагубно непріятелю, ибо онъ, всегда опражаемый съ урономъ, лишился при разныхъ нападеніяхъ, около 40,000 человекъ. Въ семь изложеніи говорилъ я только о значительнѣйшихъ сраженіяхъ, ибо меньшихъ спычекъ, происходившихъ ежедневно, было шакъ много, что ихъ и описать невозможно.

Не забудемъ прибавить, что изъ 11,000 жителей, составившихъ народонаселеніе

Миссолонги, остаеся только 3000 женщин, дѣшей и шариковъ, кошорыхъ мы прежде осправили на оспровъ Каламосъ. — Кромѣ несчастныхъ Миссолонгцевъ, собрались шуда штысячь двѣнадцать разныхъ окрестныхъ жштелей, такъ, что на семь небольшомъ оспровѣ, на кошоромъ находишяся только двадцать домовъ, или лучше скажашъ, хижинъ, собралось около 15,000 злополучныхъ, лишенныхъ всѣхъ способовъ къ существованію; число ихъ ежедневно уменьшается ошь голода и болѣзней, и они, имѣвъ несчастіе пережить свое отечество, ожидающъ только минушы, когда Всемогущій воззоветъ ихъ къ себѣ, и шѣмъ положишь предѣлъ ихъ горестямъ и спраданіямъ.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Драматической Поэмы:

И ж о р с к і й.

(Сообщено отъ неизвѣстнаго.)

(Царскосельская дорога. Солнце заходитъ.)

И ж о р с к і й. (Скачетъ на перекладныхъ.)

На водку, брашъ, рублевикъ! погоняй!

Таскашся, право, надоѣло.

Я м щ и к ъ.

Таскашся! Наше ли съ шобою, баринъ, дѣло?

Прикинь-ко гривенникъ на чай:

Скашлось солнышко; а не уступитъ ночи,  
Какъ разъ тебѣ заблещетъ Пштеръ въ очи.

Соколики, эй! дерпемъ! эй!

Эй! варвары, смѣйте!

Не выдай, свѣка; пожалѣй!

Боишся, что ли? ну! дружнѣ!

Чтобъ волкъ тебя! Дворячникъ шы, не конь!

Вонъ! видишь, баринъ? ошь колесъ огонь!

По всѣмъ, по шремъ... Эхъ! коренной не шронь!...

Издадека-ли ѣдешъ ваша милосшь?... .

И ж о р с к і й.

Издадека. (Ямщикъ заплываетъ плсню; Ижорскій прѣсебя.)

На родину спшшу;

Родимымъ воздухомъ дышу:

Такъ, радость чувствую, но вмѣстѣ и унылость....

Повѣрю ли, чшобъ здѣсь, въ землѣ родной

Столкнулось счастье со мной?

Игралице страстей, людей и рока

Я счастья въ спранахъ роскошнаго Востока

Искалъ: въ Аравіи, въ Иранѣ золотомъ,

Подъ небомъ Индіи чудесной,

Въ блестящихъ городахъ, подъ подвижнымъ шатромъ;

Но не встрѣчалъ нигдѣ, скинаясь въ поднебесной.

Ничѣмъ моя не исполнялась грудь;

Напрасенъ былъ мой долгій путь. (*Задумывается.*)

Д у х и (*поютъ въ высоту*).

О д и н ь.

Закатилось солнце,

Глядь, — стало темно:

Человѣкъ засынаешь;

Нашъ часъ настаешь.

Д р у г и е.

Взвѣйтеся, взвѣйтеся, легкіе други!

Въ небѣ зажглась за звездою звезда:

Мчитесь въ ихъ блескъ шуда и сюда!

Филинъ и смѣхъ наши слуги;

Синіе свѣшьятъ изъ блага огня....

Мчитесь: непомыри намъ кони.

И ж о р с к і й.

Ямщикъ! что такъ жужжишь надъ нами?

Я м щ и к ѣ.

Кружатся комары роями.

День жаркій былъ; знашь, будетъ новый зной;

Но городъ видишь ли передъ собой.

И ж о р с к і й (*про себя*).

Вздывается Петрополь изъ шума,

Весь мраченъ; лишь одной бойницы остріе

Горитъ средъ шемшоны, похоже на копье

Чудовищнаго великана....

Д у х и.

О д и н ь.

На сизой спрекозѣ верхомъ

Лепишь Кикимора забавный;

Онъ вышазь, онъ нафзвнкъ славный!

Цвѣтъ колокольчика — шеломя;

Броня ему — кольчуга рака;

А плащъ — лисенокъ багровый мака.

Понитъ онъ пьяницу виномъ;

Толкаетъ подъ бокъ забяку;

Съ женою мужа вводитъ въ драку.

Кашаясь, кружася кубаремъ,

Сшибаешь съ ногъ двѣиць спѣсивыхъ;

Рогами красншь лобъ ревнивыхъ:

Его блаженство шумъ и громъ! —

Х о р ь.

Скорѣе, скорѣе! На встрѣчу ему!

Похлопимся, брашцы, вождю своему.

(*Часть летитъ на встрѣту Кикиморъ; Другая  
остается.*)

1 й Д у х ѣ.

Ужь луга и нивы пусты;

Пахарь въ хижинѣ хранишь....

Брашцы, что за важный видъ!

На большомъ листѣ капуста

Вонъ Шишимора лепишь!

На ковръ, на самолетъ

Хитрый козводъй сидитъ;  
Полночь близко: онъ къ работѣ  
Къ чернымъ радостямъ свѣшивъ.

2й Ду хъ.

Крадя пауковъ добычу,  
Онъ высасываетъ мухъ;  
Розгой на красу дѣвичью  
Воружаетъ злыхъ старухъ.  
Въ садъ ли лазить кшо рѣшился,  
Къ милой въ ночь черезъ заборъ?  
Вдругъ Шишморы примчится:  
Свиснешь, — весь поднимешь дворъ;  
Всѣхъ папуститъ на дѣшину,  
Дворнику подасъ дубину,  
Псовъ разбудитъ, — спухъ и вой!  
И съ разодранной шинелью,  
И съ разбитой головой,  
Пусть къ опасному веселью,  
Обширая кровь и пошь,  
Спращный вишизъ проклянешъ!

3й Ду хъ.

Онъ одѣтъ не въ багряницу,  
Въ шканъ изъ мошьяковыхъ крылъ;  
Бѣденъ; ярую зарницу  
Вкругъ чела вѣнцемъ обвилъ;  
Жаломъ шмеля оружилъ  
Мѣшкую свою десницу.

Х о р ь.

Товарищи, други! уйдемъ, утечемъ.  
Спращитесь! найдете донощика въ немъ.  
(Разлетаются.)

И ж о р с к і й.

Семь верстъ еще: какъ скучно!  
Бышь, кажется, грозъ: чернѣешь небо, душно.  
Спой пѣню, братъ; авось развеселюсь.

Я м щ и к ъ.

Пѣшь, радъ бы: надоѣсть боюсь.

„Какъ изъ-за-моря,  
Изъ-за-синяго,  
Добрый молодецъ  
Возвращаешься  
Въ свою спорону,  
Милу родину:  
Много молодцу  
Вображается;  
Про себя онъ самъ  
Усмѣхаешься.  
Ощу, машери  
Поклонюся я;  
Съ красной дѣвицей  
Поцѣлюся:  
Золотымъ кольцемъ  
Размѣняюся,  
Золотымъ вѣнцемъ  
Обвѣнчаюся  
Съ моей суженой,  
Съ моей ряженой,  
Съ моей вѣрною,  
Полюбовницей!“  
„Какъ изъ-за-моря,  
Изъ-за-синяго,  
Добрый молодецъ  
Возвращаешься;

Его батюшка  
 Во сырой земль,  
 Родна машушка  
 На чистомъ сполю;  
 Красна дѣвица  
 Обвѣщчалася;  
 Друга вѣрнаго  
 Не дождалася.“

**И жорскій** (*прерываетъ его*).

„А товарищи,  
 А разгульные,  
 Съ добрымъ молодецъ  
 Повспрѣчались,  
 Безшаланному  
 Посмѣялись.“

Не шакъ ли, братья, ямщикъ?

Ямщикъ.

Такъ почно, ваше Благородье....

Поюшь, признаешь, шакъ у насъ — въ простона-  
 родь.

**И жорскій.**

Я — я не жду ошца: давно ужъ мой старикъ

Поконился за Охшой на кладбищѣ.

А мать, родя меня,

Терзаясь и сменя,

Ошъ сей земли ушла въ безсмѣнное жилище;

Я машери своей, пришель, не знавалъ,

На родинѣ любовью не старалъ,

Съ невѣстой мы не разсвавались....

Не отгадаю я,

Чему веселые друзья,

Со мной бы встрѣшаясь, посмѣялись.

Ямщикъ (*начинаетъ другую пѣсню въ полголоса*).

„Какъ молодчика взманила

Въ рѣчку водяная,

Удалаго поглотила

Глубица рѣчная“....

(*Вѣтъ по лошади.*)

Вотъ я шебя, красонку!

Съ горки на горку, — баринъ дашъ на водку? —

**Кикимора** (*влетаетъ въ описанномъ выше видѣ*).

Шурмуйте, дѣши шемношъ!

Взламаше выше шучъ, луною посребренныхъ;

Пляшаше ниже ландишей смиренныхъ.....

Вскружилась голова ошъ вашей суены,

Нѣтъ! — такъ я не скучалъ еще ни разу!

Какую бы мнѣ сошворилъ проказу?

Кого бы нарядилъ въ шумъ?

Да вошь несешся кто-шо!

Меня берешь охота:

Лошадокъ испугашъ и посадишь ихъ въ грязь!

(*Вѣтъся надъ тельгою и пугаетъ коней хлопущкой.*)

**Шинимора** (*прилетаетъ*).

Чшо ты, повѣсь и негодяевъ Князь!

**Кикимора.**

А вамъ кака я до того забоба?

Прошу мнѣ не мѣшашъ, Сулшанъ клеветниковъ,

Ханжей власишель и льшесцовъ;

Коней бѣшу хлопущкой:

Играю собственной, не вашей игрушкой.

**Шинимора.**

Не шронь! онъ (*указывая на Ижорскаго*) мнѣ при-  
 надлежитъ

Туранскій Дивъ, Арсланъ мнѣ шлетъ его въ подарокъ.

## К и к и м о р а .

Ахъ! брашецъ, — меринъ коренной пыхпихъ;  
 Послушай: день былъ жарокъ ;  
 Дай ихъ помышь, дай въ лужу окунуть !

## Ш и ш и м о р а .

Не смѣй па нихъ ниже дохпуть ;  
 Прочь ! подниму шревогу ;  
 Вѣдь Буку позову : онъ, знаешь ли ? тебя !  
*(про себя).*

Конечно, можно бы... но вѣшь, боюсь себя !  
 Пусль кончишь мой мудрець дорогу ;  
 Боюсь, — сломяю ему пль руку или ногу :  
 А онъ мнѣ нужень невредимъ и цѣль.  
 Къ тому же эшотъ мнѣ поспрѣль,  
 Кикимора, до смерти надоѣль.

*(Кикиморъ)*

Брось, разсержуся не па шунку ;  
 Брось, говоряшь, не шрогай вздока !

## К и к и м о р а .

Сердись; бѣда не велика:  
 Мы похочемъ лишнюю манушку !  
 Пугаешь Букою, мой свѣшь ;  
 Анъ, знаемъ мы: его здѣсь нѣшь !

## Ш и ш и м о р а .

Ужъ-ты у насъ поплачешь, дерзкій духъ !

## К и к и м о р а .

И впрямъ швои ужасны силы  
 Для мошечекъ, для мухъ !  
 Не горячись, умѣрь себя, мой милый !

## Ш и ш и м о р а .

Повѣса ! враль ! лгунишка ! плушь !

## К и к и м о р а .

А ! ты, ругаешь смѣешь, шупъ ?  
 Ну, не во гнѣвъ: приму тебя, брашь, въ руки !  
 За чупъ тебя, за чупъ !  
*(Бросается на него).*

Ш и ш и м о р а , *(защищаясь).*

Кикимора, не будь же глупъ !  
 Кикимора ! и не боишься Буки ?  
 Ай ! право, Бука близко ! ай !  
 Ай ! Бука ! ай ! ай ! Бука помогай !

*(Улетаетъ; Кикимора бѣетъ Шишимору. Ижорскій  
 между тѣмъ подвѣхалъ къ заставѣ).*

Я м щ и к ѣ *(останавливаетъ лошадей).*

Эй! баринъ, спишь? Застава, прилетѣли !  
 Во вѣкъ мои лошадки не робѣли ;  
 Сего дня чпо-по, да не шакъ ;  
 Мешались въ шпору, храпѣли !  
 Да благо, я не изъ зѣвакъ :  
 Не по, мы, въ ямѣ бы сидѣли !  
 Съмъ, колокольчикъ отвяжу ! слѣзай ,  
 Проснись-ко, подорожную подай :  
 Мы въ Пинерѣ, сударь !

И ж о р с к і й *(подаетъ гасовому подорожную).*

Я здѣсь, родимый край !  
 Здѣсь сынъ швой, изъ степеней, изъ обималищъ даль-  
 ныхъ

Въ родныя стѣны возвращень !  
 Для радостныхъ ли дней, или для дней печальныхъ ?  
 Ошвѣшшувуй, пышный градъ ! Но въ безошвѣшшый  
 сонъ

Нѣмой, безжизненный, Петрополь погружень...

Ни гласа ! ни привѣща !

Вся область спитъ шуманами одѣша...  
Туманы... мгла... увы! гдѣ полуденный рай?  
Ты далеко за мной, Иранъ, отчизна свѣта!

У н т е р ь - О ф и ц е р ь *(подходитъ къ телѣгу)*  
Гдѣ остановишься?

И ж о р с к и й.

У Демуща.

У н т е р ь - О ф и ц е р ь.

Спупай!

*(Шлагбаумъ поднимаютъ; Ижорскій въѣзжаетъ въ городъ. Прилетаетъ Кикимора.)*

К и к и м о р а.

Еще бы ихъ заспашъ! Да чай,

Они ужъ въѣхали въ заспашу....

Ну! все равно; ужъ я пошѣнился на славу:

Какъ я его шаскалъ!

Ужъ какъ поволошилъ исправно!

Какъ онъ кувыркался забавно!

Да какъ я хохоталъ!

Что жъ мы теперь начнемъ? — Изъ слуховыхъ око-  
шекъ,

Дай, вызову влюбленныхъ кошекъ;

Кошомъ мяучишь спану по спишь!

Бышь праздношь не люблю: возмешь шоска и скука...

*(испугавшись,)*

Чу! поле вздрогнуло онъ шопоша и шуга!

*(смотритъ въ даль,)*

При выглянувшеи изъ за шучь лушь,

Мнѣ чудишь, на соловомъ конѣ

Грозно мѣишь. . . неужели Бука? . . .

Онъ! онъ! . . . Шишимора, не въ добрый же ты часъ

Сказать рѣшился правду въ первый разъ.

Что ежели нашили тебя въ канавѣ?

Воображаю, какъ расплакался пролазъ,

Какъ началъ доносишь, наушничать на насъ!

Бышь, кажешься, допросу, бышь расправъ. . .!

Д у х и *(невидимые)*.

О д и *(издали съ одной стороны)*.

Содрогался кошши

Въ заросшихъ гробахъ;

Къ намъ Бука песеня

Въ густыхъ облакахъ!

Дохнешъ ли перуномъ —

Завяла шрава;

Просвищенъ ли бурей —

Валялся древа

Д р у г и е *(съ другой стороны ближе)*.

Ау! ау! Кикимора!

Зовушь тебя, тебя зовушь!

Спѣши! леши! зовушь на судъ

Ау! ау! Кикимора!

Явися, оправдай себя!

Кикимора! зовушь тебя.

К и к и м о р а *(передразнивая ихъ)*.

Ау! Кикимора! зовушь,

Зовушь — не устаюшь!

Кричаешь, аукраюшь, — ну, словно, дѣвки,

Какъ въ чащѣ разбредушь по грибы!

Но дѣлашь нѣчего: не миновашь судьбы;

Пришлось раздѣляться за шушки, за издѣвки!

Д у х и *(приближаясь)*.

Ау! Кикимора!

## К ПЕРИМОРА.

Ау! лечу, лечу!

Но я, шебъ, пріятель, оплачу!  
(Улетаетъ).

## VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
БИБЛИОГРАФІЯ.

## Журналы и Вѣдомости.

1827.

## Въ Санктпетербургѣ.

Избѣгая повторенія заглавій нашихъ Журналовъ и Вѣдомостей, скажемъ только о прекратившихся и вновь начавшихся изданіяхъ.

Противъ списка 1826 года (см. С. О. 1826, кн. I, стр. 100), не издаются:

1. *St. Petersburgische Senats-Zeitung.*
2. *Новости Литературы*, издававшіяся Г. Воейковымъ.
3. *Благонамѣренный*, издававшійся Г. Измайловымъ.

4. *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*, издававшійся Г. Григоровичемъ.
5. *St. Petersburgische Zeitschrift (Санктпетербургскій Журналъ)*, издававшійся Г. Ольдекопомъ. Нельзя не пожалѣть о прекращеніи сего полезнаго и пріятнаго изданія!

## Вновь начавшы:

1. *Журналъ Путей Сообщенія*, издаваемый при Департаментѣ Пушей Сообщенія.
2. *Военный Журналъ*, издаваемый Военно-Ученымъ Комитетомъ.
3. *Славянинъ*, Военно-литературный Журналъ, издаваемый Г. Воейковымъ.
4. *Новая Дѣтская Библиотека*, издаваемая Б. М. Фодоровымъ.

## Въ Москвѣ:

Ни одинъ Журналъ не прекращался, а вновь издается:

5. *Московский Вѣстникъ*, Г. Погодинымъ.

Въ Харьковѣ и Казани, сколько намъ извѣстно, на сей годъ не издаются никакихъ Журналовъ или Вѣдомостей.

## А Л Ъ М А Н А Х И :

Въ Санктпетербургѣ.

1. Подарокъ дѣтямъ.
2. Невскій Альманахъ, издаваемый Г. Аладыными.
3. Сиріусъ, издаваемый Г. Бестужевымъ-Рюминымъ.
4. Дѣтскій цвѣтникъ, издаваемый Г. Федоровымъ.
5. Календарь Музъ, издаваемый А. Е. Измайловымъ.

Въ Москвѣ.

6. Сѣверная Лира, издаваемая Гг. Рачемъ и Ознобищиннымъ.
7. Незабудочка, издаваемая С. Н. Глинкою.  
(Подробныя извѣстія о сихъ Альманахахъ напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ.)

## СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № II.

## I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

## КАРТИНЫ.

(Продолженіе.)

Старикъ былъ такъ расстроганъ, что не могъ удерживать слезъ своихъ; и Эйленбекъ вытащилъ изъ кармана огромный желтый шелковый платокъ, чтобъ опереть свое пунцовое лице, съезженное умиленіемъ. „Помните ли еще,“ сказалъ онъ, всхлиывая: „удивительную картину Кеишени Мессиса, представляющую молодого паспуха съ дѣвучкою въ сипранномъ нарядѣ, оба превосходной работы — еще г. фонъ-Эссенъ тогда утверждалъ, что фигуры сходны были съ его сыномъ и вашею дочерью.“

— „Сходство было тогда разительное,“ примолвилъ Эрихъ: „Но вы забыли еще упомянуть объ Іоаниѣ. Тупъ работа могла бы поспорить, по крайней мѣрѣ, съ Гвидовою. Эша картина, вѣроятно, была Доминикинова, по крайности чрезвычайно походила на

его извѣстную и споль знамениую. Эпоть взоръ юноши къ небу, его вдохновеніе, спрежленіе выпрь, вмѣстѣ съ какимъ-то волненіемъ — сѣдшвіемъ шого, чшо небесное видѣль онъ еще на земль, обьяль, какъ любитель, и пошгь, какъ наспавникъ; пришомъ какой-шо опшгьнокъ прошедшаго, благо на благородномъ лицѣ его, — все было пѣвшельно, шроташельно. — Да! немногіе изъ эшихъ каршинъ могли бы выкупить молодого челоуѣка, и сѣдлашь его богащымъ.“

„Конечно, если бѣ онъ не былъ вовсе пошерянь,“ воскликнулъ Эйленбекъ: „Ему бы оиашъ не на долго спало. Сколько я прашилъ по-пустому словъ и увѣщаній! Голось дружескаго усердія и опышности не проникаешъ въ слухъ его. Теперь наконецъ, когда вѣрояшно пришлошь ему до зарѣзу, начинаешъ онъ образумляшья; видя, чшо я проливаю горькія слезы объ его несчастіи, онъ даль мнѣ свою руку и общалъ исправилься, приняшья за работу, сѣдлашья порядочнымъ челоуѣкомъ. Когда же я, пронушый до глубины души, спалъ его обниманъ, вдругъ вырываетъ онъ и говоритъ: до я начну не прежде, какъ съ Крещенья; до шого времени буду веселишья по прежнему! Чшо ни говорилъ я прошивъ шого,

все было щещтно; онъ грозилъ взять назадь свое общаніе, если буду я наспаивашъ. — Правда, чшо праздникъ ужъ на дворъ и срокъ не великъ; но по крайней мѣрѣ изъ шого можеше вы заключишь, какъ шрудно положишья на его добрыя намѣренія.“

— „Издавна,“ сказала Софія, „окужающъ его все благочестивые люди; по духу прошиворѣчія приняль онъ прошивную споролу, и конечно эшо же своенравіе помѣшало ему пользовашья уроками челоуѣка добродѣшельнаго.“

„Вы пѣкошорымъ образомъ правы,“ сказала старый Живописецъ: „Уже не мало времени, какъ осаждаешъ его эпоть спарый піеписій, докучливый Генне, директоръ музыки. Но увѣряю васъ, чшо его сухія проповѣди не могушь подѣйствовашъ на молодца; къ шому же спарикъ съ прешьяго спакана начинаешъ хмѣлѣшь и сбиваетъся съ шекста.“

— „Онъ ужъ слишкомъ опуштилъ,“ замѣшилъ хозяинъ; „шакіе люди, для кошорыхъ безпорядки и мошовство сѣдлались жизненною пошребностию, не могушь никогда опомнишья. Порядочная, настоящая жизнь кажетъя имъ незначительною, мелочною; они вовсе пошеряны.“

„Весьма справедливо,“ сказала Эйленбекъ: „а чпобъ вамъ дашь разишельный при- мъръ его безумства, то послушайше, какъ пошупалъ онъ съ своею библиошекою. Ему, онъ почшеннаго ошца его, досшалось мно- жесшво книгъ; превосходнѣйшїа изданїа Клас- сиковъ, большїа рѣдкостн Ишалїанской Ли- перашуры, какъ напримъръ: первыя изданїа Данша и Пешрарки, которыхъ ищешно спараяюся досшанъ и въ первокласныхъ городахъ. Вдругъ вздумалось ему, чшо на- добно имѣшь Секретаря, кошорый бы шак- же содержалъ въ порядкѣ и библиошеку, за- писывалъ въ реэспръ вновь покупаемыя со- чиненїа, разшавлялъ ихъ систешматически и шому подобное. Одинъ молодой негодай просишь себѣ эшой важной должности, и его принимаюшь, пошмому шолько, чшо онъ масшерь болшашъ. Писанъ много нѣчего, а надо было выучишься пишъ; молодому по- вѣсь шо и на руку. Тогда же началось без- пушное жишь; каждый день разливашное море — балы, маскарады, кашанья; полго- рода угощалось даромъ. Такимъ-шо образомъ черезъ полгода, ужъ шакъ расшранжирены денежки, чшо нѣшь наличныхъ и нѣчьмъ за- плашшь жалованья молодому Ученому. И вопшь, какъ вздумали пособишь горю: на дервый годъ положено было, вмѣсто жало-

ванья, взяшь по сходной цѣнѣ книгами. Но ни самъ владылецъ, ни Секретарь его, во- все не знали цѣны эшѣхъ книгъ, кошорыя дороги шолько для знашковыхъ, а шакнхъ найдеш не во всякомъ встрѣчномъ. И шакъ драгоцѣннѣйшїа шворенїа пошли за ничшо, а между шѣмъ разъ нашедши лазейку, спа- ло повшоряншь шо же и шо же, шѣмъ болѣе, чшо Секретарь-пролазь умѣлъ досшавашъ своему милосшннву чнстныя денежки, за ко- торыя плашлось ему книгами. И шеперь, изъ всей библиошеки врядъ ли чшо ннбудъ уцѣлало, кромѣ шкановъ.“

— „Мнѣ лучше всѣхъ извѣстшо,“ сказала хозяйня: „какъ немилосердо пошупалено бы- ло съ книгами.“

„Какїа все страшнїа исторїи,“ сказа- ла Софїа: „жешпоко было бы и оврагъ сво- емъ ихъ пересказывашъ.“

— „Но всего непросшншельнѣе,“ про- должалъ Эйленбекъ, „была спрашшь его къ эшой пресловушой Бешши; всѣ прочїа глу- постнн его вмѣстѣ не могли шакъ расшере- бишь имѣнїа по кускамъ, какъ удалось ей одной. Она-шо ужъ совсѣмъ изворонїла его. характеръ, склонный въ основанїи къ доб- рому. Онъ шочно добродушенъ, но шакъ слабъ, чшо всякїй, кшо подобешся къ не- му, можешъ сдѣлать изъ него, чшо захо-

чепь. Вся мои добрые совѣты пошли на въперь. Даже, бывало, до глубокой ночи сидишь и поешь ему въ уши, самымъ убедительнымъ образомъ, но жаль только праченыхъ попустому словъ. Она шакъ его осѣшила, что за нее гошовъ онъ былъ събсть наилучшаго и чешвѣйшаго изъ друзей своихъ.“

Между шьмъ вспали изъ за-стола и начали взаимно раскланиваться; Эйленбекъ шакже подошелъ, за другими, къ хозяйкѣ, и въ то время, какъ спалъ жеманно цѣловашея руку, она просеншала ему очень явственно: „вы, сударь, самый негодный изъ всѣхъ негодяевъ въ мѣрѣ! Неблагодарный лицемеръ! Какъ могло гнусное сердце ваше осмѣлишься на публичное поношеніе шого, чьи благодѣянія обогатили васъ, чьимъ легкомыслиемъ вы пользовались, на пагубу непопышнаго юноши? До сихъ поръ считала я васъ только вздорнымъ, но не бездушнымъ, а шеперь вижу, что вамъ не даромъ дана шакая дьявольская физиономія! Вы мнѣ гнусны, сударь!“ Она, въ сильномъ движеніи, опшолкнула его и ушла поспѣшно изъ компаньи.

Гости перешли въ картинную галерею, гдѣ разносили кофе. „Что сдѣлалось съ моею дочерью?“ спросилъ Вальшеръ у Живо-

писца: „она шакъ скоро побѣжала и какъ будто со слезами на глазахъ.“

— „Добрая, премилая барышня!“ опвѣчалъ, осклабясь, Эйленбекъ. „Вы очень счастливы, г. Совѣшникъ, шакимъ чувствительнымъ сердцемъ вашей дочки. Она шакъ милосливо заботилась о моемъ здоровьи; показалось ей, что у меня очень красны глаза, изволишь думать, что это воспаленіе, и что я могу ослѣпнуть; вопъ что ее шакъ распрогало.“

„Славная дѣвушка!“ вскричалъ отецъ: „лишь бы мнѣ приспособишь ее хорошенько, чшобъ я могъ покойно умереть.“ — Незнакомецъ осмѣивался еще въ столовой, гдѣ показывалъ ему Эрихъ посшавленную имъ новую картину. Дишрихъ былъ съ ними же. Вся шрое, идучи опшуда, вели между собою очень жаркій разговоръ, начавшійся, какъ видно, съ шого, что незнакомцу не понравилась картина, а Дишрихъ ее защищаль.

„Все глупое, вздорное, нелъное“ — продолжалъ незнакомецъ: — „безконечно, пошому именно, что нельзя посшавишь имъ никакихъ предъловъ, между шьмъ какъ однимъ ограничениемъ производишься все разумное, шое ешь красона, благородшво, самое искусство и эншузiazмъ. Когда же надобно

вмѣшавъ что нибудь сверхъестественное, невыразимое, но глупцы и думаютъ, что это можетъ быть безусловно; и шутъ-шо, хватаясь за мистицизмъ, начинаютъ они грѣшить противъ природы и фантазій. Воишь взгляните на этого глупаго Гелленбрейгеля, которъй виситъ здѣсь на столбѣ. Онъ потерялъ совершенно чувство для истины и смысла, отказался вовсе отъ папуры и считалъ умничанье за вдохновеніе, но шѣмъ-шо и нравился онъ мнѣ, предпочтительно всей шодпы рожемазовъ (Zugemacher), что безъ дальнихъ околичностей, зашворивъ накрѣпко дверь, оставилъ за нею разсудокъ. Посмотрите исполинскую залу Юлія Романо въ Маншутъ, его странная сборища звѣрей, Ценшавровъ и всѣхъ чудесъ Басни, его Вакханалы, его смѣлое смѣшеніе человеческого, прекраснаго, со звѣриньмъ, грубьмъ; углубишесь въ это искусство, начнете его изучать, тогда только поймете вы, что можетъ сдѣлать испинный Поишь изъ такой странной и непоняшной наклонности нашего вкуса, и какъ онъ способенъ схватывать красоту даже въ этой, изъ мечтаний сошканной сѣтши.“

— „Такимъ образомъ,“ сказалъ Динрихъ: нѣчего и говорить, если мы будемъ судить по одному только правилу и мѣрц-

лу, если будемъ, въ слѣпомъ приспращіи, все превосходнѣйшее сосредоточивать въ одномъ шолько имени, и по шакому одностороннему сужденію спашемъ все опирцать, что не имъ сдѣлано, или чего не могъ онъ сдѣлать. Между шѣмъ онъ вѣдь былъ смершный: взоръ его не могъ проникнуть во всѣ глубины, а если бы и имѣлъ онъ шакую способность, то смерть, по крайней мѣрѣ, должна же была вырвать когда нибудъ палицу изъ рукъ его, и шѣмъ прервать рядъ его онкрыній. Ограниченіе должно быть; кто въ шомъ сомѣвается? Но многія, шакъ высоко цѣншми умничанья о правилахъ, напоминають мнѣ всегда шо странное свойство пѣнуха, что какъ ни велика его храбрость и воиншвенность, но когда положить его на бокъ и отъ клѣва его проведуть мѣломъ по полу черту, онъ оспашется неподвиженъ — шо же, можетъ быть, считая себя прикованьмъ какою нибудъ природною необходимостію, философическимъ правиломъ или неизбѣжньмъ художешвенньмъ ограниченіемъ.“

„Вы спановишесь очень нескромны, молодой мой проишвникъ,“ сказалъ незнакомецъ съ нѣкоторою важностію: „Хорошее воспитаніе, видно, шаже должно быть

скоро причислено къ искусивамъ пошеря-  
нымъ.“

— „За шо нѣчего боаясья,“ возразиль  
Диприхъ: „чшобъ перевелось високомѣрие, и  
чшобъ непоняшливосшь когда нибудь на-  
осприлась.“ Онъ раскланялся наскоро съ  
хозяиномъ, и вышелъ.

„Не понимаю,“ сказалъ незнакомецъ: „какъ  
дovou я себя до шакого обращенія. Точно  
будшо злой духъ напалквиваетъ меня въ  
эшой залъ на исполиновъ, кошорые хоаяшь  
спошпашъ меня въ прахъ.“

Старикъ Вальперъ очень досадоваль,  
чшо въ его домъ произошли шакія встрѣ-  
чи. Онъ сердился на Диприха, и какъ за  
споломъ долженъ былъ покинуть мысль о  
сватовствѣ прѣзжаго госшия, шакъ шеперь  
ошказывался въ умѣ своемъ и ошъ молодого  
Живописца. Между шѣмъ незнакомецъ, въ  
пылу своего гнѣва, обрашилъ на Гелленбрей-  
геля бѣльшее вниманіе, нежели какъ бы мо-  
гло безъ того случишься. Чшобъ нѣсколько  
умилосшвивишь его, Вальперъ возобновиль  
похвалы каршинѣ. „Не правда ли“ сказалъ  
онъ: „вѣдь славная вещь въ своемъ родѣ?“

— „Лучшая изъ всѣхъ эшого мастера,  
какія до сихъ поръ я видѣль“ — ошвѣчалъ  
шопъ, и взявъ лорнешъ, спалъ еще внима-  
шельнѣе разсматривать. „Чшо эшо?“ вскри-

чалъ онъ вдругъ: „посмошрише, въ эшомъ  
мѣстѣ, гдѣ сходящися ноги двухъ дьяволовъ  
и огненный хвоспъ прешьяго, образуешся  
лице — очень выразительная профиль, и,  
если не ошибаюсь — посмошрише — мнѣ  
кажешся, очень похожа на одного изъ при-  
существующихъ здѣсь.“

Всѣ спѣснились около каршины, и дѣй-  
ствительно увидѣли профиль Эйленбека,  
чего прежде никто никогда не замѣчалъ.  
Плушь Эйленбекъ всѣхъ болѣе предспавлялъ  
изумленного. „Вошь на!“ вскричалъ онъ,  
„никогда и не грѣзилось мнѣ шакой чесши.  
Однако, если злой Живописецъ предугады-  
валъ профиль мою въ XVI вѣкѣ, шо съ его  
спороны слишкомъ уже безшмыдно, чшо не  
придумаль не изъ чего лучше, какъ изъ  
огненного хвоспа сдѣлать мой, дѣйствитель-  
но красовавший носъ.“

„Чудесная вещь!“ примолвилъ Эрихъ:  
„шущъ мудрено рѣшишь, съ намѣреньемъ ли  
эшо сдѣлано, или вышло случайно. Вальперъ  
безпреспанно посматриваль шо на профиль  
въ каршинѣ, шо на лице спараго Живо-  
писца, и качаль головою; пошомъ приза-  
думался онъ, и былъ уже очень разсѣянъ,  
когда незнакомецъ и Эйленбекъ спали рас-  
кланивашься, ошправляясь къ послѣднему,

который пригласил привзаго посмотреть свою мастерскую.

„Что съ шобою сдѣалось?“ спросил Эрихъ у хозяина, оставшись одинъ съ нимъ въ залъ: „Мнѣ кажется, ты сердился на эту странную игру случая, ошъ которой мы всѣ принуждены были смѣяться; по дѣломъ эшому пьяницѣ, что въ такой дьявольской бесѣдѣ мастерски выпечашана его рожа!“

— „Неужли ты въ самомъ дѣлѣ считаешь это за случай?“ вскричалъ Вальперъ сердито: „развѣ не догадываешься, что старый мошенникъ подсулъ мнѣ обманомъ эту каршину? что она его работы? Вошь посмотри — я не хотѣлъ признать его при другихъ; не только представилъ онъ себя въ эшомъ абрисѣ, не написалъ еще, мелкить почеркомъ, имя свое, Эйленбекъ, въ огромныхъ усахъ эшого большого чорта, который мелеть души въ ручной мельницѣ. Я открылъ недавно эшо черченье; но какъ не совсемъ лѣтвенно написано, то думалъ, что самъ Живописецъ, или кто другой, хотѣлъ шутъ пошашивши имя Гелленбрейгеля. То же сказалъ и самъ старый плушъ, прочишавъ мнѣ, когда я ушкнулъ его на эшо, *Элленбрегъ*, и при молвя еще, что Художники никогда не за-

бопились объ орфографіи. Теперь только приходишь мнѣ въ голову, что эшомъ проклятый пьяница вѣрно соблазнилъ и молодого Эссена, принесши мнѣ на продажу Сальвашора, и что ты получилъ подобнаго ошъ него же. Да къ шому жѣ должны мы еще бояться, чтошобъ гдѣ нибудь не помѣшилъ мерзавецъ нашихъ лицъ, — можетъ быть въ самомъ неприличномъ мѣстѣ и самымъ пасквильнымъ образомъ.“

Вальперъ былъ шакъ разсерженъ, что уже занесъ кулакъ на разрушеніе каршины; однако Эрихъ удержалъ его, говоря: „зачѣмъ же испребляшь эшо примѣчательное и шочно мастерское произведеніе, которое самого тебя будешь въ послѣдствіи забавлять? Если дѣйствительна работа нашего Эйленбека, какъ я шеперь самъ полагаю — если оба Сальвашоры шоже его, шакъ, признаюсь, нельзя не удивляться способностямъ эшого чловѣка. Смѣшно, право, какъ онъ себя-шо нарисовалъ; однако эшо высокомѣріе не придется же ему даромъ: мы будемъ уже ошерегаться покупать у него, а не што, онъ бы еще не одну сошню шадеровъ зашибъ ошъ насъ подобнымъ бездѣльничешвомъ. Но я вижу, тебя преводитъ чтошо другое? Могу ли я помочь совѣшномъ

своимъ? Не старая ли это забота о своей дочери?"

— „Да, мой любезный! это все лежитъ у меня на сердцѣ“ — сказала Вальшеръ: „А ты какъ? думаешь ли о томъ, что я тебѣ говорилъ?"

„Думалъ часто и много,“ отвѣчала Эрихъ: „но, мой любезный чудакъ, если спросишь не нужна для счастья супружества, то по крайней мѣрѣ нужна какаянибудь склонность, а я не нахожу никакой, и не могу сердиться за то на дочь свою: мы не пара. Это милое швореніе, съ такими пламенными чувствами, достойно лучшаго жребія.“

— „Да гдѣ жъ взялъ его?" вскричалъ Вальшеръ: „никто ей не нравился и никто ей не пара; ты вошь совсѣмъ отказываешься; пріѣзжій гость своимъ важнымъ тономъ огорчилъ меня сегодня чувствительно; изъ молодого господчика Диприха никогда не выйдешь хорошаго мужа: сегодня досташочно показалъ онъ, что не умѣешь жить въ свѣтѣ; а объ молодомъ Эйзенлихтѣ не смѣю и заикнуться. Къ тому же шеперь нейдушь у меня съ ума прекрасныя картины, о которыхъ мы давече вспомнили. Куда къ чорту, запропасились онъ? Скажу тебѣ, мой милый: злѣйшему врагу своему

отдалъ бы я дочь, лишь бы онъ представилъ мнѣ ихъ! — Еще жъ и то — вѣдь Эдуарду я все таки считаю себя должнымъ. Ты знаешь, по какимъ сходнымъ цѣнамъ скупалъ я у него мало по малу опцовское наслажде. Никогда не напрашивался я, никогда не сманивалъ его на продажу — но все таки — если бы я зналъ, что онъ почто хочешь быль порядочнымъ человекомъ и что не спанеть мошашъ — право, я согласился бы сдѣлать ему еще значительную доплату.“

„Браво!“ вскричалъ Эрихъ, подавая спарику свою руку: „Скажу тебѣ — я не выпускалъ молодого человека изъ виду — онъ, право, не шакъ дурепъ, какъ слывешъ въ городѣ; изъ него выйдешь еще человекъ. Если почто мы замѣнимъ въ немъ склонность къ исправленію и онъ тебѣ не пропивень — если дочь швоя — никогда она была же хорошихъ о немъ мыслей; а ему навѣрное она понравилась — что, если бы тогда пригошвили ты счастливый жребій для обоихъ? Какая тебѣ самому радость — нянчишь внуковъ, учишь ихъ первымъ понятиямъ объ Искусствѣ, слушаешь, какъ будушъ они лепешашъ знаменитыя имена въ швоей задъ...“

— „Никогда!“ закричала старикъ, топчя ногу. „Какъ! чшобъ я шакому негодаю ошдалъ единственное дщи свое? Ему — ашъ картины, чшобы промоташъ и продашь за безцшнокъ? И ашо совъшуешь мнѣ другъ мой!“

„Однако,“ сказала Эрихъ: „подумай ошомъ хорошецкю послѣ, когда будешь пошнокойнше; да постарайся вывѣдашь у дочкш...“

— „Нѣшъ, нѣшъ!“ повшорялъ Вальперъ: „Эшому не бывашъ! Еще бы можно было подумашъ, когда бъ хошь одна изъ шѣхъ драгоценныхъ, превосходнѣйшихъ картиншъ, была въ рукахъ его, но всѣ онѣ пропади невозвратно. Поцади же меня, избави ошъ подобныхъ предложеній! — О, прокляшый Брейгель! Туда, на самый верхъ повѣшу себя, чшобъ никогда не видашь гнусной рожи сшараго грѣшника со всѣми его чертади!“

Онъ взглянулъ вверхъ, а шамъ, изъ мадецькаго окна, ошяшъ выглядывала Софя. Она покраснѣла и убѣжала, не захопнувъ окна. Старикъ взбѣслся еще больше. „Эшото еще недосаавало!“ закричала онъ: „Теперь упрямая дѣвка все слышала, и невѣдъ чшо заберешъ себя въ голову!“

Тупъ друзья распрощались; Вальперъ ошасяся, недовольный собою и цѣлымъ швѣшомъ.

До глубокой ночи сидѣлъ Эдуардъ въ уединенной своей комнашъ, погруженъ въ разныя размышленя. Около него лежали счешы долговъ его, и шущъ же денги, кошпорыми намѣревался онъ заплашишь ихъ. Ему какъ-шо удалось досташъ, на выгодныхъ условяхъ, капиталъ подъ залогъ своего дома, и какъ ни бѣденъ казался онъ самому себя, но швердая рѣшимосшь перемѣнишь образъ жизни, внушала уже ему чувштво ушѣшительнаго самодовольствя. Онъ предсаавлялъ себя уже въ полной дѣяшельности, мечшаль, какъ будешъ восходишь ошъ низшаго мѣсна къ высшему, и на каждомъ пригошовляниъ себя къ важнѣйшему. „Привычка,“ говорилъ онъ: „дѣлаешся вшорою шапурою, какъ въ добромъ, шакъ и въ худомъ. Если до сихъ поръ нравилась мнѣ праздносшь, шо со временемъ полюблю не меньше шрудолобие. — Когда же, когда настушишь золошой вѣкъ мой? Когда я буду сознавашъ въ себя дѣйшвишельно благороднѣйшя ошущеня? Когда свободно и весело буду взирашь вокругъ себя и на самого се-

ба? Теперь все еще только предположенія, заманчивыя мечты, и ах! не упомнюсь ли я на половинѣ, а можешь быть и въ самомъ началѣ своего поприща?“

Нѣжно взглянулъ онъ на розу, которая стояла передъ нимъ въ стаканѣ воды. Онъ взялъ ее, напечаталъ, легкимъ прикосновеніемъ, поцѣлуй на лискахъ ея и не могъ удержашъ вздоха. Пошомъ осторожно поставилъ ее опять въ пианшельную спихію. Эту розу нашель онъ, уже завядшую, на груди своей; съ того часа, какъ она слѣшла на лице его, сдѣлался онъ совсѣмъ другимъ человекомъ, хоши и самъ еще въ шомъ не признавался себѣ. Никогда не бываешъ шакъ склоненъ къ суевѣрію, шакъ внимашеленъ къ предчувствіямъ, какъ въ шо время, когда сильно распрешовано сердце и въ бурѣ чувствіи развивается новая жизнь. Эдуардъ, счишая для себя все пошеряннымъ въ мірѣ, съ какою-шо ошрадою взиралъ на цвѣшокъ, напоминающій ему о Софіи, и вздумалъ сдѣлать поблекшее расшеніе своимъ оракуломъ — вздумалъ испытать, освѣдшся ли оно и предвѣшшш ли ему шѣмъ новое шасшіе въ жизни. Прошло нѣсколько часовъ, но цвѣшокъ не распустился въ водѣ; шогда Эдуардъ рѣшился возбудш его растшительную, а слѣдшвенно и проршца-

пельную силу — обыкновеннымъ, употребляемымъ для того средствомъ: онъ подрѣзаль шебелекъ, поддержаль его въ огнѣ, а пошомъ опять погрузилъ цвѣшокъ въ холодную спихію. Почши видимо освѣжшлась роза послѣ шакого насильшвеннаго пособія, и шакъ скоро вдругъ распустилась, что Эдуардъ боялся, чтошъ шомъ же часъ не разлешѣлись лшшочки. Но уже онъ былъ ушѣшенъ, и ввѣрился снова своей звѣздѣ пуцеводной.

Онъ спалъ рышся въ бумагахъ ошца своего, спалъ перебираш и прочшывашъ спарья письма, и многое возобновилось въ его памяши изъ времени дѣшства его, много новаго узналъ онъ и о своемъ родшелѣ. Между шѣмъ въ одномъ шкану, содержащемъ разные счешы, докуменшы, записки по шяжбамъ и прочее, нечаянно попался ему въ руки швшокъ, въ кошоромъ нашель онъ рѣсшрь всей прежней каршшшной галлерей, съ ошсаніемъ каршшш, и особенно того, чѣмъ наиболее дорожилъ въ нихъ владѣлецъ, а шакже и съ означеніемъ цвѣн. Эдуардъ не былъ при ошцѣ своемъ, когда сей занемогъ, и прѣхавъ, уже засталъ его на смершномъ одрѣ; но послѣ кончшны его, вшдъ, что недоспашш многихъ каршшш, прилагаль онъ всевозможное спараніе ош-

искать их; однако все оказалось тщетно. Тьмъ съ большею радостію схватился онъ шеперь за найденный реестръ, полагая, что наконецъ раскроется шайна; и дѣйствительно шупъ же нашель онъ особый листокъ, въ кошоромъ поименованы были всѣ шѣ карцины, съ названіями масперовъ и прежнихъ владѣльцевъ ихъ. По всему замѣтно было, что листокъ написанъ уже въ послѣдніе дни жизни ошца его; внизу находилась приписка: всѣ эшѣ карцины шеперь — даље ни слова; даже эша строка была зачеркнута.

Тшпъ Эдуардъ принялся искать еще съ большимъ усердіемъ, но — никакого слѣда. Свѣча догарала, кровь его кипѣла онъ нешерпѣнія; онъ разбросалъ бумаги по всей комнатѣ, но не нашлось ничего. Листокъ пожелтой бумаги попалъ ему въ руки; онъ развернулъ, и къ величайшему удивленію, увидѣлъ вексель на значительную сумму, взяшую ошцемъ его въ долгъ у Вальшера. Уплашъ по эшому векселю не значилось, однако онъ и не былъ въ рукахъ вѣришеля. Чѣмъ было объяснить эшо обстоятельство?

Эдуардъ призадумался и спалъ расчитывая, что если по эшому листку слѣдуетъ сдатьшъ уплашъ, шо и за продажей

дома почти ничего ему не останешся. Въ углу, передъ глазами его, стоялъ большой мѣшокъ съ деньгами, кошорый назначалъ онъ на пособіе, въ послѣдній разъ, бѣднымъ семействомъ, пользовавшимся дошолъ шайными его благошвореніями — сполъ щедрыми, что судя спрого, можно было и ихъ назвать расшочиншельносною и легкомыслемъ. — „Если не проншпъ эшой суммы, чтошбъ еще разъ порадовашъ несчастныхъ, шо мнѣ ужъ совсѣмъ ничего не останешся, кромѣ надежды на собственныя свои силы.“ Таковы были, передъ спомъ, послѣднія мысли его.“

На другой день, Эдуардъ получилъ отъ Тайнаго Совѣтника Вальшера приглашеніе къ обѣду. Давно уже не оказывали ему такой чести, и онъ не понималъ, чему приписалъ эшу возродившуюся благосклонность; однако пошелъ съ добрымъ духомъ и въ радостномъ ожиданіи возобновленія знакомства своего съ Софіей. Найденный вексель взялъ онъ съ собою.

Очень непріятно было ему встрѣшпшъ шамъ Эйзеншпахшовъ, ошца и сына; однако съвъ за споломъ прошивъ Софи, онъ больше всего говорилъ съ нею, и старался ка-

заться веселым, хотя смущенные мысли безпрестанно тревожили его душу. Не скрывлось от него, например, то, что Вальперь имъ почти не занимался, а ласкалъ чрезвычайно молодого Эйзенлихтера, за кошораго, по городскимъ слухамъ, давно уже прочилъ дочь свою, и кошорый шупь принималъ привѣтливость хозяина съ такимъ видомъ, какъ будто должное. Нѣсколько разъ появлялась досада на лицѣ Эдуарда, но внимательный и благоразумный Эрихъ, всегда любившій молодого человека, умѣлъ и шупь во-время укрощать горячность его. Софія была весела до чрезвычайности; парядь ея, кромѣ замѣшной въ немъ рачительности, осплнчался и нѣкошорыми особенно-ностями, шакъ что ошець ея часто на нее поглядывалъ, и живѣе, чѣмъ когда либо, возбуждалось въ немъ воспоминаніе о шой потеряннѣй каршинѣ Мессиса, кошора я удивляла сходствомъ представленныхъ на ней паспущковъ съ обоими молодыми людьми.

Послѣ обѣда, когда вошли въ каршинную галерею, Эрихъ внутренне смѣялся, замѣшя, что поддѣльный Гелленбрейгель шочно перемѣшпился въ верхніе ряды и въ самый уголъ, шакъ, что не скоро могъ попасться кому-либо на глаза. Молодой Эйзенлихтеръ съѣлъ подлѣ Софіи и завелъ съ

нею, казалось, очень заманчивый разговоръ. Эдуардъ расхаживалъ по залѣ въ безпокойствѣ и смозрѣлъ каршины; Эрихъ полковалъ съ шарымъ Эйзенлихтеромъ, а Вальперь, сидя въ нѣкошоромъ отдаленіи, пошманшривалъ внимательнѣе на всѣхъ.

„Ошъ чего же,“ сказала Эрихъ своему сосѣду: „вамъ шакъ не нравился здѣсь большешю часшю каршины изъ Нидерландской школы?“

— „Ошъ шого,“ ошвѣчалъ богатшій купецъ, что на нихъ рисуешся все черншй народъ, да нищше. Не шолько Нидерландцы; по эшой же причинѣ, спрахъ какъ неспосны мнѣ многіе Ишаліяны, и особенно Испанецъ Мурильо. Теперь, куда ни сунься, нѣшъ проходу ошъ эшой челяди: на рынкахъ, по улицамъ, даже въ домахъ; а шупь еще Живописцы вздумали показывашъ ихъ на холстѣ. Нѣшъ, право, эшо значить ужъ сдишкомъ испытывашъ шервьше.“

„Такъ можешъ бышъ,“ сказала Эдуардъ: „вамъ нравился Кеншенъ Мессисъ, кошорый шакъ часшо и шакъ живо представляешъ ростовщиковъ съ разложенными на шполѣ монешами и счешными книгами?“

— „И по нѣшъ,“ ошвѣчалъ шарикъ: „подобныя вещи удобно и легко можно видѣшъ въ нашемъ бышу. Если что радуешъ

меня въ Живописи, шакъ это Царскія пала-  
шы, парчевыя одежды, пурпуръ и короны,  
пажи и Арабы, шакже какая нибудь боль-  
шая площадь или длинная улица: все это  
спраха какъ возвышаешь душу и веселишь  
сердце. На шакіе предметы не соскучусь я  
смотрясь по цѣлымъ часамъ, и гошовъ,  
пожалуй, видѣшь ихъ по нѣсколку разъ.“

„Въ этомъ родѣ,“ сказала Эрихъ: „сдѣ-  
лалъ много хорошаго Павелъ Веронезъ и  
другіе Италіяны.“

— „Что скажете вы объ этой Хана-  
анской свадьбѣ?“ спросилъ Эдуардъ.

„Скучно смотрясь наѣду въ каршины,“  
сказала старикъ: „шущь ничто не подви-  
гаешся впередъ; эти жареныя павлины и  
высоко взгроможденные пашены, — а шак-  
же и полуошвернувшіея прислужники, са-  
мыя несносныя швари на шакихъ рисункахъ.  
Но совсѣмъ не то, когда вы видите спасе-  
ніе изъ воды маленькаго Моисея; шущь  
споишь Принцесса въ своемъ богашѣшемъ  
нарядѣ; вокругъ нее разряженныя дамы, ко-  
шорыхъ шакже можно почешь за Княгинь,  
вошны съ аллебардами и во всемъ воору-  
женіи, даже карлы и собаки; вы не можете  
представитъ себѣ, какъ радуешь меня, ко-  
гда случитъя гдѣ найши, представленную  
въ лицахъ и славно разукрашенную, шакую

исторію, надъ кошорой я корпѣлъ, бывало,  
въ темномъ углу школы, швердя наизусть.  
У васъ, однако, любезный Вальшеръ, очень  
мало подобныхъ вещей. Ваши каршины,  
большею частію, все для чувствительно-  
сти, а я совсѣмъ не желаю бышь распро-  
ганъ, подавно же Искусшвомъ. Впрочемъ  
эшого и не случается, а шолько что меня  
досада беретъ.“

— „Еще хуже,“ примолвила молодой  
Эйзенлихтъ: „въ нашихъ Комедіяхъ. При-  
дешь изъ пріятнаго общешва, ошь какого  
нибудъ великолѣпнаго объда: какъ шущь  
пробовашь, чтообъ могла инпересовашь вся  
эша жалкая сволочь, плаксивая нищеша,  
какую выспавляютъ шебѣ на показъ въ ше-  
ашрѣ? Во многихъ городахъ введено препо-  
хвальное полицейское учрежденіе, кошорому  
должно бы вездѣ послѣдовашь: разъ навсегда  
что нибудъ положитъ для бѣдныхъ, и ужъ  
ни сколько не безпокоитъ шебя всѣ эти  
оборванныя и голодныя швари, каждый по  
одиначкѣ.“

„Покойно было бы, — это правда,“ ска-  
зала Эдуардъ: „но не думаю, чтообъ шакъ по-  
хвально. Возможно ли ошказашь въ соспра-  
даніи каждому изъ несчастныхъ? Я не могу  
и не хочу шого, хошя конечно часшо бы-

ваешь не во время потревожень, а иногда и зло обмануть.“

— „Я шожэ вашего мѣнїя,“ вскричала Софія: „не могу шерстьшь нѣмыхъ, безотчетныхъ книгъ, въ кошорыя надобно записывашься, и пошомъ полагаься слѣпо на безгласное вспоможеніе бѣднымъ. Въ иныхъ мѣстахъ берутъ даже обязательство, чшобъ не даватъ ничего нищимъ по одичкѣ. Но какъ же возможно ошъ шого воздержашься? Когда я помогаю шому, кшо жалуется мнѣ на свои нужды, по крайней мѣрѣ вижу я шощчасъ радоснѣ его, и могу надѣяься, чшо его ушѣшила.“

„Восшъ эшчмъ-шо и поддерживаешься вездѣ нищешство,“ сказала старый купецъ: „чшо мы не можемъ удерживашься ошъ мелочныхъ побуждений нищеславїя. Чшо ни предпринимай Правительство, съ шакими нѣжно-благодѣтельными людьми никогда ничего пушнаго не выйдешъ.“

— „Вы, ешало бышь, не шакъ думаше,“ сказала Эдуардъ: „какъ Швейцарцы одного Католическаго округа. У нихъ былъ одинъ старый нищїй, кошорый въ извѣстные дни бралъ у каждаго свою милосшыню, какъ подашь, и по небольшому населенїю, въ шпоронѣ ошъ промышленнаго края, считался въ каждомъ семействѣ за домашняго чело-

вѣка. Случилось же однако, чшо въ одной хижинѣ, куда ошъ зашелъ и гдѣ именно въ эшу пору всѣ озабочены были родами хозяйки, ему ошказали въ подаянїи. Повшоривъ свои шребованїя и видя, чшо все безъ успѣха, ошвернулся ошъ въ сердцахъ, и вскричалъ, уходя: ну, никогда же къ вамъ не приду; посмошримъ, гдѣ-шо возьмете вы нищаго!“

Всѣ засмѣялись, шолько не Софія, кошорая, напрошивъ, находила шакой ошзывъ очень благоразумнымъ, и заключила свое разсужденїе слѣдующими словами: „дѣйствительнo, если бѣ сдѣалось для насъ невозможнымъ оказывашъ благодѣнїя, шо жизнь наша была бы очень жалка. Умершвивъ въ себѣ состраданїе, мы умершвили бы всѣ свои радосни. Счастливецъ, кошорый имѣешъ возмoжнoснѣ помогашъ, получаешъ болѣе, нежели шощъ, кшо беретъ. Ахъ, эшо одно шолько и ешть,“ примолвила она въ большомъ движенїи: „чшд можешъ еще извнїяшъ огромныя спянжанїя или нахвашанныя богатства: пущь хошь по немногу сыплешься изъ несправедливо накопленнаго на бѣдныхъ и нуждающихся; по крайней мѣрѣ не со всѣмъ бы пришло въ забвенїе, чшо всѣ мы брашья.“

Отец косо на нее помахивалъ, и только хотѣлъ что-то сказать, какъ Эдуардъ, копорого пламенный взоръ устремленъ былъ на слезящія глаза дѣвушки, воскликнулъ вдругъ съ жаромъ: „если бы люди большею частію такъ мыслили, то мы жили бы въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ! Мы ужасаемся, когда читаемъ о мученіяхъ, переносимыхъ безпомощнымъ спранникомъ подъ чужимъ небомъ, среди пустынь и степей, или о шѣхъ ужасахъ, какимъ, на безплодномъ Океанѣ, при величайшемъ недоспашкѣ жизненныхъ припасовъ, подвергающа плавашели, когда не видно ни другаго корабля, ни берега на необозримой поверхности; мы ужасаемся, когда морское чудовище пожираетъ погибающаго, — и при всемъ томъ — развѣ не живемъ въ большихъ городахъ какъ бы на какомъ нибудь мысу, гдѣ, у самыхъ ногъ нашихъ, порождаются всѣ эти ужасы и ведутъ къ столь же поразительнымъ зрѣлищамъ, только медленнѣе, слѣдственно еще съ большею жестокостію? Но среди нашихъ празднествъ и иршесствъ, обезопасенные своимъ доспашкомъ, мы не заглядываемъ въ эти пучины, гдѣ жертвы бѣдности, какъ въ изображеніи Даншовомъ, безчисленными группами шомаясь и шерзаящаяся, и не осмѣливающа даже поднятъ

къ намъ на высоту глазъ своихъ, попомо что знакомъ уже имъ шопъ холодный взоръ, какимъ встрѣчаютъ ихъ, когда жалобными криками пробуждають они насъ изъ нашего соннаго равнодушія.“

— „Это все мечты юношескаго воображенія,“ сказала старшій Эйзенштахтъ: „я же утверждаю, что истинно добрый гражданинъ, настоящій патриотъ, не долженъ увлекаться минутнымъ состраданіемъ, и чрезъ то поддерживають нищенство. Пусть даешь онъ въ богоугодныя заведенія столько, безъ чего можешь обойтись; но ни подъ какимъ видомъ не долженъ расшочать добра своего, соображаясь и въ томъ съ пользамъ своего Государства. Въ противномъ случаѣ, свою непростительную слабостію, или шакъ сказать, разлживаніемъ своего сердца, шшалъ бы онъ способствовать обману, лѣности, безстыдной дерзости, а у насшощихъ бѣдниковъ ошчалъ бы и немногое, чѣмъ они пользовались; да и какъ нашелъ бы онъ или распозналъ ихъ? Если же впрочемъ и приняты за справедливые то преувеличенное изображение бѣдности — какъ можешь и въ такомъ случаѣ одинъ человекъ самъ по себѣ сдѣлать что нибудь доброе? Въ состоянн ли онъ улучшить положеніе ошщачаинаго? А если бы и шакъ, пособишь ли

такому одинъ день или одинъ часъ облегченія? Несчастнѣйшій шѣмъ болѣе почувствуешь весь ужасъ своего положенія, когда не въ состояннн будешь перемѣнить его на лучшее; онъ сдѣлается еще недовольнѣе, еще болѣе достоинъ жалости, и вмѣсто пользы, я нанесу ему вредъ.“

„О, не говорите шакъ,“ вскричала Эдуардъ: „подобныя слова опзываются какъ бы нечестіемъ! Вы спрашиваете, какая польза для бѣднаго, когда опрада, какъ лучъ солнца, для него прогланешь? О, государь мой! онъ, кошорый привыкъ видѣть себя опшоргнушимъ опъ общесшва людеи; онъ, для кошораго нѣтъ праздника, нѣтъ шоржища, нѣтъ бесѣды, едва существуешь церковь, для кошораго исчезли все церемоннн, все вѣжливосшн, все опношеннн, дѣлающнн шѣснѣ связь между людьми; эшопъ несчастннн, для кошораго на прогулкахъ и среди весны зеленѣешь и цвѣтѣшь одно шолько презрѣннѣ, — онъ часшо обращаетъ шомнннй взоръ свой къ небу и звѣздамъ, но и тамъ находишь шолько пустошу и сомнѣннѣ; въ шѣ же часы, кошорые неожиданно приноснш ему благоданнне вспоможеннѣ, возвращаясь въ шемнннй уголъ къ участникамъ своихъ спраданнн, съ опрадою въ душѣ, онъ вдругъ чувствуешь въ себѣ воз-

рожденнѣ вѣры въ Бога, въ Опща своего, дѣлаешься опншь человекомъ, полагаешься на близосшь къ себѣ собрана, начинаешь любить его и самого себя. — Хвала богатому, кошорый можешь способсшвовашъ эшой вѣрѣ, кошорый можешь видимымъ добромъ даровать невидимое; но горе расшочншелю, кошорый безушнннмъ легкомыслнѣемъ опнщмаешь у себя средства бышь человекомъ между людьми; собственное чувсшво шнрански накажешь его за шо, что онъ пошпокомъ разливалъ въ пустынь шопъ бальзамъ, кошораго каждая капля могла подкрѣпншь одного изъ собрановъ его, погибающихъ подъ бременемъ жизни.“

Слезы вырвались изъ глазъ юноши, когда онъ произнесъ послѣдннн слова; онъ закрывъ лице и не замѣчалъ, что гости процлались съ хозяиномъ. И Софнн плакала; но умѣла скрыть свои слезы, какъ скорбъ Вальшеръ, проводилъ гостей, ворошилса назадъ.

Когда въ другнхъ разговорахъ поукрошнлись чувсшва Эдуарда, онъ вынулъ изъ кармана вѣстель и сшалъ рассказывать Вальшеру, какъ нашель эшу странную бумагу, но кошорой долженъ счншашъ на себѣ значншельннй долгъ, и какъ думаешь уплашншь его, найдя капиталъ подъ залогъ своего дома.

Спарикъ съ удивленіемъ посматривалъ по на него, по на бумагу; попомъ схвативъ за руку юношу, сказалъ съ живостію: „молодой человекъ! какъ ошибался я, какъ ошибаешься свѣтъ въ своемъ о васъ мнѣніи! Ваши чувства меня восхищаютъ; хоть и желалъ я, чѣмъ вы удерживались отъ пылкихъ возраженій г-ну фонъ-Эйзенщлицхшу, но вы судили точно согласно и съ моими мыслями. Чѣмъ касается до этой бумаги, едва ли могу я вамъ отвѣчать рѣшительно, слыдуешь ли по ней ушлаша, или нѣтъ. Вексель данъ уже очень давно, въ то время, какъ я имѣлъ съ башюшкой вашимъ разныя, отчасти очень запущанныя дѣла; мы помогали другъ другу по своимъ спекуляціямъ и путешествіямъ. Спарикъ мой бывалъ въ своей молодости тоже иногда мошванъ и вѣпрень; да и я не всегда былъ порядоченъ. Теперь никакъ не могу вспоминать, дѣйствительно ли былъ отъ мнѣ долженъ сумму, о кошорой здѣсь говорится. Впрочемъ какъ бы по ни было (съ сими словами разодралъ отъ вексель), эта бумага должна бытъ уничтожена. Хотя бы долгъ и не подлежалъ никакому сомнѣнію, я все бы не могъ принять его отъ себя, сынъ мой; сполько же, по крайней мѣрѣ, обязанъ я доплатить тебѣ за каршины, кошорыя ты слишкомъ по

дешевымъ цѣнамъ продавалъ мнѣ. Вообще, если я въ чемъ нибудь могу помочь тебѣ, мой милый, будь увѣренъ, что не откажусь, и все можешь еще переменитьсь.“

Эдуардъ склонился надъ его рукою и воскликнулъ: „ахъ, будешь мнѣ отцемъ, замѣните мнѣ того, кого потерялъ я слишкомъ рано! Обещаю вамъ, съ швердою рѣшимостію, сдѣлаться совѣмъ другимъ человекомъ. Поспараюсь, сколько возможно, вознаграждать для себя потерянное время, надѣюсь еще бытъ полезнымъ обществу. Но необходимо долженъ меня руководствоваться отеческой совѣтъ, ободрительное благоволеніе, чѣмъ я опять возимѣлъ къ себѣ довѣренность.“

— „Давно бы такъ, мой милый,“ сказала спарикъ: „и все бы хорошо. Въ чемъ я могу тебѣ пособить, положишь на меня вполне. Теперь мнѣ хочешь, изъ любовничества, порыться въ моихъ бумагахъ, не найду ли я дѣйствительно чего нибудь о нашемъ уничтоженномъ векселе.“

Молодые люди, кошорыхъ Вальперъ оставилъ однихъ въ залѣ, нѣсколько времени приспально смотрѣли другъ на друга. Попомъ, какъ бы пробужденные однимъ чувствомъ, бросились въ объятія одинъ къ другому, и долго не могли оставить этого

положенія. Наконецъ Софія понемпогу освободила себя, опдала юношу и смошря ему весело въ глаза, сказала: „что я дѣлаю, Эдуардъ? что предвѣщаешь намъ это?“

— „Любовь, счастье и вѣчную вѣрность!“ воскликнулъ юноша. „Чувствую, какъ будно проснулся я отъ безпокойнаго сна. Какое счастье опвергалъ я! счастье, которое честный мой отецъ готовилъ мнѣ еще у швоей колыбели! Оштолкнувъ его безпушною рукою, сдѣлалъ я себя презрительнымъ свѣшу и самому себѣ. Скажи мнѣ, Софія, проснила ли ты мнѣ? можешь ли меня любить?“

„И шеперь смошрю на шебя,“ сказала Софія, „какъ на шоварища дѣшкихъ моихъ игоръ, и въ душѣ сполько же къ шебѣ привязана: но до счастья намъ еще далеко.“

— „Что жъ можешь помѣшать? О, какъ присшыженъ я въ самомъ себѣ, что шакъ мало зналъ благороднаго опца швоего! Какъ онъ ко мнѣ благосклоненъ! въ своихъ обьяшійхъ сжималъ меня, какъ сына!“

„А ты и возмечшала уже!“ сказала Софія, смѣючись. „Цѣлый вѣкъ ошаненъ ты вѣшренникомъ! Нѣшь, какъ ни добръ мой папѣ, но шощасъ зашкнешъ уши, какъ скоро ты неоспорочно промолвишьсѣ. Да и мнѣ

еще надобно ближе съ шобю познакомишьсѣ. Это дѣло шакого рода, что можешь зашянушьсѣ на цѣлые годы; а между нѣмъ ты вздумаешь, можешь бышь, опяшь пово рошишь оглобли, и еще посмѣшьсѣ въ кругу пирующихъ друзей своихъ моиъ слезамъ и моему горю.“

— „Никогда!“ вскричалъ Эдуардъ и бросилсѣ къ ногамъ ея: „узнай меня лучше и полюби, какъ обьяцаешь взглядъ швой! Я чувствую, что и отецъ швой порадуетсѣ нашему счастью и благословишь союзъ нашъ!“ Тутъ обнялъ онъ ее съ жаромъ; не примѣчая, что отецъ уже спойшь за ними. — „Что это значить, сударь?“ закричалъ спарикъ сердито: „благословишь союзъ! нѣшь, нѣшь — выгонишь, выбросишь изъ своего дому шакого поддипалу, кошорый не дорожишь оказанною къ нему довѣренностью и ласками!“

Эдуардъ вскочилъ и спрого смошрѣлъ ему въ глаза. „Такъ, вы не намѣрены опдашь мнѣ руку вачей дочерн?“ сказалъ онъ спокойно.

„Что?“ закричалъ спарикъ съ величайшимъ нешеривнѣемъ: „съ ума вы сошли? Человѣку, распочившему имѣніе опца, распродавшему драгоценнѣйшія каршины? Хошя бъ вы были миллионщикъ, шакому без-

душному челоѣку я не опдамъ своей доче-  
ри. То-шо было бы славно! шопгчасъ послѣ  
моей смерти, а можешь бышь не дали бы  
мнѣ и умерешь, какъ началось бы пранжир-  
шво моихъ сокровищъ; картины мои раз-  
летѣлись бы по всѣмъ чешыремъ угламъ  
сѣвша, мнѣ бы не доспалось покоя и въ  
гробѣ! Умень же, право, эшошь молодчикъ!  
Вздумалъ меня сначала разивъжить, принесъ,  
на показъ великодушія, спарый листокъ,  
по которому хочешь планишь мнѣ деньги,  
привелъ меня въ умиленіе, чпобъ я шакже  
великодушно, благородно и геройски бросилъ  
ему на шею дочь свою. Нѣшь, нѣшь, моло-  
дой челоѣкъ! шакъ легко не поддѣнешъ ме-  
ня! Долгъ заплаченъ, я не нашель никакого  
слѣда въ моихъ книгахъ, да если бъ и шо-  
было, дѣло уже кончено, какъ я сказалъ.  
Буду шебъ и помогать, по данному обеща-  
нію, совѣшомъ и на дѣлѣ, дружешшвомъ и  
деньгами, сколько ты можешь по справед-  
ливосни шого шребовать. Но ошь дочери  
моей убирайся подалеже, увольъ меня ошь  
посѣщеній въ моешь домъ. Да и она шебя  
не любишь, какъ мнѣ извѣшно. Скажи,  
Софья, была ли бы ты въ сосшоліи выйши  
за шакого удалца? “

„Я совѣшь еще не имѣю желанія вый-  
ши за мужъ,“ ошвѣчала Софія: „подавно же

за эшого господина, кошорый всего менѣ  
годишся бышь мужемъ.“ Тушь она бросила  
на юношу прощательный взглядъ, въ кошо-  
ромъ горесшь и усмѣшка изобразилась по-  
чши въ одно время, и вышла изъ залы. „Со-  
фія!“ вскричала Эдуардъ, и кошѣль послѣ-  
довашъ за нею: „ошь шебя ли слышу я ша-  
кой ошзывать?“ Старикъ удерживалъ его за  
плашь и приготовился, по видному, ми-  
шашъ еще предлинное нравоученіе; но Эду-  
ардъ, потеревшій все шерпѣніе, схватилъ  
шлану, спалъ осанисшо передъ Вальшеромъ,  
и сказалъ шакимъ голосомъ, въ кошоромъ  
ошзывались и гнѣвъ и всхлывиваніе: „я иду,  
государь мой, и не возвращусь болѣе — за-  
мѣшьше себѣ эшо! — не возвращусь въ домъ  
вашъ, пока вы сами не призовете меня! по-  
ка не спашете выпросишь меня убвдительно,  
чпобъ я не презрѣль вашимъ домошь!  
Повѣрьте, чшо эшо буденъ; шаланшы, хо-  
рошее шоведеніе, познанія проложашъ мнѣ  
лучъ къ почешнѣйшимъ должностямъ. При-  
цу меня уже рекомендовали. Но эшо еще  
шолько первая и малѣйшая ступень мо-  
его шасніа! Совѣшь другіе пуши для меня  
ошкроюшея. И когда городъ буденъ счи-  
шанъ себѣ за честь, чшо я въ немъ родилъ-  
ся, когда шеперешній часъ выйденъ совѣшь  
изъ моей памяти, шогда пришло я къ вамъ

какуюнибудь доверенную особу и велю навѣдаться о вашей дочери: тогда-то вспрятнеше вы ошъ радости, что я еще объ васъ думаю — тогда-то сложите вы крестомъ свои руки и будете усердно вымаливать, да пошлется вамъ шакой благодатный зяпъ! Такъ, не иначе, все это сбудется, и шакимъ-то образомъ доспанеша мнѣ дочь ваша.“

Онъ бросился изъ дверей; спарикъ пошопрѣлъ ему въ слѣдъ, и качая головою, пробормошала ему: „ну, онъ почшо съ ума сошелъ.“

Едва молодой человекъ вышелъ на воздухъ, какъ снѣгъ и вьюга прохладили распаленную его голову; приводя на память и соображая спранныю свою выходку, онъ спашъ сначала улыбающа; пошомъ громко захошоталъ, а наконецъ, когда пришелъ домой и спашъ переодѣвающа, говоренная имъ безполковница удивляла и даже спыдила его. Наэшошъ день, для него очень важный, нужно ему было все присушешвѣ ума его: онъ гошовился предспавишья Принцу, о прѣздѣ кошораго былъ уже извѣщенъ. Надѣвъ лучшенское плашье, спашъ онъ спопрѣншья въ зеркало съ шакою внимательностію, какой никогда въ немъ не бывало.

Убирался и выпрямляясь, съ шайнымъ самодовольспвѣемъ замѣчалъ онъ, что спашъ его спроенъ и гибокъ, глаза пламенны, лице прѣяшно и благородно. По крайней мѣрѣ, душмаснъ онъ про себя, при первомъ взглядѣ не могу я не понравишья. Вѣтъ, даже и шѣ люди, кошорые не могушъ меня сперишья, хвалаяшъ однако довкостъ и присшойностъ моего обращенія; споспособностей и познаній во мнѣ довольно, а чего нѣшья, время не ушло, молодоснъ и память моя помогушъ мнѣ прѣобрѣсти. Принцъ конечно меня полюбишья, а шамъ со временемъ я сдѣлаюшъ для него необходимъ. Навыкъ обращенія въ большемъ свѣшѣ мало по мало сгладишья, что можешъ бышья, еще оспалось во мнѣ ошъ дурныхъ общеспвѣ. Если онъ возьмешъ меня съ собою пушешеспвовать и мы провѣдимъ съ годъ или болѣе въ чужихъ краяхъ, то конечно это послужитъ мнѣ еще къ большему съ нимъ сблизенію. Мы возвращимся назадъ; при моей образованности, съ его покровишешеспвомъ, будушья для меня доспунны важнѣйшія мѣша, и тогда я конечно не забуду, что всѣмъ эшимъ обязанъ Софи, кошорая пробудила во мнѣ самочувешвѣ.

Онъ былъ совѣемъ гошовъ, и шакъ упоенъ мечшами и надеждами, что неспримѣшно

впалъ въ прежній бредъ и повторялъ слова, надъ кошорыми незадолго смѣялся. Вынувъ изъ шакана вполне расцвѣтшую розу, вздумалъ онъ, для бодрости, прижать ее къ устамъ своимъ, но едва прикоснулся, какъ всѣ листочки попадали къ ногамъ его. Худое предзнаменованіе! сказалъ онъ со вздохомъ, и ошправился во дворецъ.

Являсь шамъ, опдалъ онъ служителью письмо, кошорое должно было рекомендовать его Принцу, а между шѣмъ расхаживалъ передъ зеркалами. Вдругъ, къ величайшему удивленію, видяшъ онъ выходящаго изъ боковой комнаты Диприха, кошорый въ смущеніи спѣшилъ къ дверямъ, не прамѣчая поспороняго. „Какъ вы сюда попали?“ спрашиваетъ Эдуардъ. „Развѣ знаете Принца?“ — „Да,“ — нѣтъ, — лепешалъ Диприхъ: это спранные дѣло, кошорое конечно — я раскажу вамъ послѣ — здѣсь не мѣсто и не время.“

И въ самомъ дѣлѣ было не время: вышла пренарядная, блистающая брилліаншами дама, — молодой Живописецъ поспѣшилъ сдѣлать ей нѣсколько неловкихъ поклоновъ и удалился. Дама приближалась къ Эдуарду, кошорый шакже хотѣлъ сдѣлать ей вѣжливое привѣтствіе, но какъ удивился онъ, когда вдругъ узналъ въ ней ту женщину, ко-

торая нѣкогда жила въ его домѣ и больше, нежели всѣ прочія заблужденія, служила къ разспройству его состоянія! „Возможно ли!“ вскричалъ онъ: „тебя ли — васъ ли я здѣсь вижу?“

„Почему жъ не шакъ?“ сказала, она смѣющись. „Здѣсь жить очень не дурно. Надѣюсь даже, что долге здѣсь уживусь, нежели съ какимъ нибудь въпренникомъ, у кошораго нельзя было полагаться на поспоянство и прочность счасія. Здѣсь могу я впрочемъ бытъ полезна и для спарыхъ пріятелей, если они чего нибудь ищущъ.“

Эдуарду не хотѣлось въ эту минуту напоминать ласковой дамѣ, что въпренность и непостоянство вѣрше опнеси къ шѣмъ, кто оставилъ его, предвидя близкое его разореніе; онъ объяснился съ нею о надеждахъ своихъ, и получилъ обѣщаніе, что она будетъ за него ходатайствовать съ величайшимъ усердіемъ. „Будь покоенъ, мой другъ“ — шакъ заключила она свои увѣренія, — „тебѣ почто все удачи, и шогдапо окажешся, сохранилась ли въ холодномъ пивоемъ сердцѣ хоть искра любви ко мнѣ. Только надобно бытъ оспорожнымъ, чтобы никогда никому не приходило въ голову о прежнемъ нашемъ знакомствѣ.“

Речь кончилась бѣглымъ поцѣлуемъ, послѣ котораго она удалась, а Эдуардъ, съ полнымъ омерзениемъ ошъ прикосновенія къ лицу его намалеванныхъ щекъ прелестницы, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ досадѣ, что все идетъ иначе, нежели какъ онъ себя воображалъ. Встрѣча нависшій для него особы испровергла всѣ его ожиданія; онъ твердо рѣшился избѣжать новыхъ сѣшей и приманокъ, хотя бы съ такою добродѣтелью и много лестнаго потерялъ въ будущемъ.

Между шѣмъ отворилась дверь и вошелъ шопъ, гордый незнакомецъ, съ которымъ Эдуардъ имѣлъ также непріятную встрѣчу въ домѣ Вальшера.

Подойдя къ нему, Эдуардъ спросилъ:

„Не принадлежите ли вы къ свитѣ Его Свѣшлости, и не можете ли мнѣ сказать, буду ли я имѣть честь представиться?“

Незнакомецъ приспально смотрѣлъ на него, и по нѣкоторомъ молчаніи, отвѣчалъ сухо: „Да, никшо лучше меня вамъ того не скажешь.“ Эдуардъ испугался, пошому что въ рукахъ его увидѣлъ свое рекомендательное письмо. „Развѣ Принцу не угодно говорить со мною?“ спросилъ онъ въ смущеніи. „Ошъ говоришь съ вами!“ отвѣчалъ шопъ, и съ такимъ презрительнымъ по-

номъ, что молодой человекъ потерялъ все присущіе духа. „Я живу здѣсь въ городѣ уже нѣсколько времени,“ продолжалъ Принцъ, и своимъ инкогнишо имѣлъ случай узнать коротко здѣшнихъ жишелей. Мы съ вами сподкнулись уже однажды нѣсколько спрашнымъ образомъ; если бы я и могъ извинить вамъ шо обшояшельство, которое, вѣроятно, вы сами находите не совсемъ извинительнымъ, все шакъ во мнѣ осталась справедливая недовѣрчивость къ вашему характеру, шакъ, что невозможно дать вамъ шакое мѣсто, на которомъ близость отношеній со мною пошребовала бы гораздо болѣе къ вамъ довѣрія. И шакъ, не смотри на жаркую обѣ васъ рекомендацію въ эшомъ письмѣ, и на шо, что я присполенъ уваженія къ особѣ, его писавшей, не могу ничего для васъ сдѣлать: возьмите его назадъ. Что же касается до личной мнѣ обиды, она вамъ прощается, пошому что вы не знали меня, и вашъ шеперешній шидъ и смущеніе всего лучше за шо васъ наказали. Теперь шолько вышель ошъ меня молодой человекъ, поднесшій мнѣ довольно удачно написанную имъ картину: онъ шоже, надѣюсь, воспользуется добрыми сошвами и насшаваніями, какія далъ я ему почти по шакому же случаю, какъ и съ вами. — Мнѣ

кажешся, однако, что свиданіе наше слишкомъ встревожило васъ; можете быть въ шеперь въ крайности, — примите же отъ меня вошь эшошь персмень, хошь въ доказательствѣ того, что я ни мало не сержусь на васъ.“

Эдуардъ, имѣвшій время собраться съ духомъ, скромно опшупилъ назадъ и сказалъ: „Не сочтите высокоумрїемъ, Свѣшльйшій Принцъ, если я на эшошь разъ опкажусь отъ подарка, которій при другихъ обстоятельстввахъ ошасливилъ бы меня чрезвычайно. Какъ я не могу не оправдывашъ пошупковъ вашихъ, шакъ и вы, надбюсъ, позволили мнѣ слѣдовать собственнымъ моимъ чувстввамъ.“

— „Молодой человекъ,“ сказалъ Принцъ, „не хочу оскорблять васъ; вижу, что вы умбете внушать къ себѣ уваженіе, и поэтому прибавлю еще, что не смонря на спранность знакомства нашего, мы бы сошлись можете быть, если бъ одна особа, которой долженъ я вѣрить и которая васъ видѣла здѣсь, не наказала мнѣ много объ васъ невыгоднаго и не просила меня убедительно опказать вамъ.“

„Не хочу,“ сказалъ Эдуардъ съ прежнею непринужденностью: „слѣдовать примѣру эшой дамы и на нее жаловаться, а обви-

нять ее и подавно: конечно говорила она вамъ по совершенному убѣжденію. Но если Ваша Свѣшлость позволили мнѣ видѣть картину Диприха и другія, собранныя вами, то я удалюсь съ величайшею благодарностью.“

— „Радуюсь,“ отвѣчала Принцъ: „что вы шакъ не равнодушны къ Искусству; здѣсь у меня очень не много картинъ, однако недавно пошасливилось мнѣ достать одну шакую, которая можете собою замѣнить цѣлую посредственную галерею.“

Они вошли въ богато-убранный кабинетъ, въ которомъ на стѣнахъ и на подспавкахъ развѣшены были картины. „Вошь опышь молодого Живописца,“ сказалъ Принцъ: „онъ дѣйствительно довольно общаешь, и хошь содержаніемъ, картина эша не по моему вкусу, но нельзя не похвалить ея опдѣлки. Колоритъ хорошъ, хошь немножко и свѣшель, рисунокъ вѣренъ и выраженіе шрогашельно.“

Тутъ пошавилъ Принцъ Эдуарда передъ другою картиною въ надлежащее разстояние, опдернулъ занавѣску и вскричалъ: „вошь пошмонрите эшо удачное, превосходное произведеніе моего любимца, Юлія Романо; удивляйтесь и восхищайтесь!“

И точно, Эдуардъ не могъ не вскрикнутьъ ошъ удивленія, не могъ безъ радости, или лучше, безъ смѣху взглянуть на большую картину, въ кошорой представилось ему давно знакомое изображеніе, плодъ многолѣтнихъ трудовъ стараго его пріятели: Психея и спящій Амуръ. Принцъ спалъ подлѣ него и продолжалъ съ воспоргомъ: „Эта одна находка вознаграждаетъ мнѣ мою сюда поѣзду! И это сокровище открылъ я у спарика, невиднаго, незначительнаго. Онъ самъ славный Живописецъ, но не сполько извѣстенъ, какъ бы того заслуживалъ. Эту картину доспалъ онъ ужъ очень давно, и хопя зналъ, что она работы Юлія, но все еще нѣсколько сомнѣвался; почему очень былъ радъ, когда представился ему случай узнать ошъ меня шакъ много подробностей о семь великомъ масперѣ и прудахъ его. Эшотъ спарикъ, дѣйствительно, и самъ не безъ смысла: умѣетъ цѣнить шакое сокровище, но все не вникалъ еще ни во всѣ шонкости славнаго Живописца. Мнѣ было бы спыдно воспользоваться его незнаніемъ: доспавъ спраннымъ случаемъ эту чудеснѣйшую работу, онъ ей назначалъ очень умѣренную цѣну; но я нарочно ее возысилъ, шпобъ лучшее украшеніе моей гал-

лерен приобрьшено было доспойнымъ шого образомъ.“

„Счастливъ онъ,“ сказала Эдуардъ: „что спискалъ въ шакомъ знанокѣ и покровишель Искусствъ; онъ въ сосшояніи, можешъ бынѣ, увеличши собраніе картинъ Вашей Свѣшлости и другими рѣдкостями: въ его шемномъ жилищѣ найдешся многое, о чемъ онъ самъ не имѣетъ доспашочнаго поняшя, шѣмъ болѣе, шпо упрямшво зашавлаецъ его часто предпочиншше собшвенныя произведенія спариннымъ.“

Эдуардъ раскланялся и пошелъ не домой, а въ городскій паркъ, гдѣ, расхаживая по опдаленнымъ, покрытымъ снѣгомъ аллеямъ, громко смѣялся и восклицалъ: „о свѣтъ! свѣтъ! сколько вздору! сколько нелѣпостей! О глупость, чудеснѣйшее созданіе! какъ нарядно водишь шы на блестящихъ помочахъ любимцевъ своихъ! Да здравшвуешъ великій Эйленбекъ, шамѣвающій Юлія Романо и Рафаэля! Вошъ, пришлось и мнѣ познатьшсь съ знаноками!

(Продолженіе впредь.)

## ИСТОРИЯ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Отрывки изъ записокъ Гр. Сегюра, бывшаго  
Посланникомъ при Дворѣ Императрицы  
Екатерины II.

(Продолженіе.)

Наконецъ аудіенція была назначена, и первый шагъ мой едва не сдѣлался несчастнымъ: я, по обыкновенію, сообщилъ Вице-Канцлеру списокъ рѣчи, кошуюю намѣревался произнести. Когда я прѣвхалъ во Дворецъ, Австрійскій Посланникъ, Графъ Кобенцель, пришелъ въ компанію, въ кошорой я ожидалъ минушы предшавленія.

Живой, пламенный разговоръ его и важность нѣкоторыхъ дѣлъ, о кошорыхъ онъ говорил со мною, заняли и развлекли меня такъ, что въ шу минушу, когда мнѣ сказали, что Императрица меня ожидаетъ, я замѣнилъ, что совершенно забылъ рѣчь, кошуюю хошѣлъ сказать Ей.

Напрасно старался я привести ее себѣ на память, проходя чрезъ многія комнашы; вдругъ отворили дверь залы, въ кошорой находилась Императрица. Она была бо-

гато одѣта и стояла, опершись рукою на колонну; величественный видъ Ея, благородная гордость Ея взгляда, — все сіе поразило меня удивленіемъ, и шѣмъ болѣе еще смѣшалась моя память.

Къ счастью, вмѣсто шцепныхъ усилий припомнишь выученную рѣчь, я принялъ вдругъ намѣреніе сказать безъ пригововленія другую рѣчь, въ коей не было можешъ бышь и двухъ словъ изъ прежней, кошорая была предшавлена Государынѣ и на кошорую пригововила Она отшвѣшь.

Легкое удивленіе изобразилось на лицѣ Ея, но сіе не помѣшало Ей отшвѣчать мнѣ въ шу же минушу, съ благосклонношю и пріяшностію; въ отшвѣшь Ея прибавлено было даже нѣсколько весьма милосшивыхъ словъ, отшосившихся лично ко мнѣ.

Принявъ отъ меня и отшдавъ Вице-Канцлеру вѣришельную грамашу, Она сдѣлала мнѣ нѣсколько вопросовъ о Французскомъ Дворѣ и о пушешествіи моемъ въ Берлинъ и Варшаву. Она говорила мнѣ также о Г. Гриммѣ и его письмахъ, вѣрояшно съ шѣмъ, чтошбы дать мнѣ догадаться о милосшивомъ расположеніи, внушенномъ Ей сею перепискою къ новому Миниспру, при ней акредитшванному.

Въ послѣдствіи, когда Императрица узнала меня ближе, Она напомнила мнѣ объ этой аудіенціи: „что съ вами сдѣлалось, Графъ,“ сказала Она: „въ первый разъ, когда Я васъ видѣла? отъ чего вздумалось вамъ вдругъ переменить рѣчь, которую вы хотѣли сказать Мнѣ? это Меня удивило и заставило переменить и отвѣтъ Мой.“

Я признался Государынѣ, что почувствовалъ невольное смущеніе въ присутствіи шолкой славы и величія. „Но, Ваше Величество,“ прибавилъ я: „мнѣ пошчасъ пришло въ голову, что это смущеніе, очень естественное въ частномъ человѣкѣ, ни мало неприлично представителю Короля Французскаго, и это побудило меня, вмѣстѣ съ того, чтобы напрасно мучить свою память, изъяснить Вамъ въ выраженіяхъ, которые первыя пришли мнѣ на умъ, чувствованія моего Государя къ Вашему Величеству и благоговѣніе, внушенное мнѣ Вами и Вашею славой.“

„Вы хорошо сдѣлали,“ отвѣчала Она: „у всякаго свои недосадки; Я весьма наклонна къ предубѣжденію: помню, что одинъ изъ вашихъ предѣшниковъ, представаясь Мнѣ въ первый разъ, смутился такъ, что могъ выговорить только: *Его Величество, Государь мой*.... Я ждала продолженія. Онъ

повторилъ: *Его Величество, Государь мой*, и остановился; наконецъ, въ третій разъ, Я рѣшилась подать ему помощь и сказала, что Мнѣ давно извѣстна дружба его Государя ко Мнѣ. Всѣ Меня увѣряли, что онъ умный человѣкъ, а между тѣмъ робость его навсегда оставила во Мнѣ предубѣжденіе несправедливое, и въ которомъ Я упрекаю себя, какъ вы видите, немощно поздно.“

Въ пошъ же день предспавлялся я Великому Князю Павлу Петровичу, Великой Княгинѣ и Сыну Ихъ Великому Князю Александру Павловичу, который былъ послѣ Императоромъ и недавно скончался по славномъ царствованіи. Ему было тогда семь лѣтъ, и Онъ въ первый разъ принималъ Посланика и слушалъ рѣчь. Мнѣ всегда казалось неприличнымъ говорить о важныхъ предметахъ юному Принцу; и потому я сказалъ Ему только нѣсколько словъ о Его воспитаніи и о надеждахъ, кои оно возбуждаетъ.

Одинъ изъ нашихъ славныхъ Судей, поступилъ нѣкогда гораздо лучше; помнился, что то былъ Мальзербъ. Онъ предспавлялся съ Членами Правительственнаго мѣста Дофину, бывшему еще въ колыбели, который не только не понималъ ни слова, но однимъ крикомъ и слезами умѣлъ выражать свои жела-

ня и спрдаанія; онъ сказалъ ему: „Дай Богъ, Ваше Высочество, чшобы Вы были, къ счастью Франціи и своему собственному, всегда споль же невнимательны и глухи къ лести, какъ шеперь къ шой рѣчи, которую я имѣю честь говорить Вамъ.“

Великій Князь и Великая Княгиня приняли меня весьма милоспиво. Почшеніе, которымъ Они недавно окружены были во Франціи, располагало ихъ въ пользу всякаго Француза; а когда Они приняли меня въ свое общество, я узналъ всѣ рѣдкія качества, которыя привлекали къ Нимъ всеобщую любовь.

Я сказалъ: *въ общество*, пошому что дѣйствительно кругъ Ихъ, хощя довольно многочисленный, исключая дней предшавленія, походилъ, особенно въ загородныхъ дворцахъ, болѣе на пріятное, частное общество, нежели на церемонный дворъ. Никогда частное семейство не принимало гостей съ болѣею простотою, пріятностію и ласковостію; обѣды, балы, спектакли и праздники, все у нихъ носило на себѣ печать самой благородной приспойности, лучшаго шона и самаго разборчиваго вкуса.

Великая Княгиня, величественная, обходительная и крошкая, была прекрасна и скромна, любезна и непринужденна, и пода-

вала примѣръ добродѣтели въ высокомъ санѣ. Великій Князь правился Своимъ обращеніемъ; Онъ былъ очень знающъ; въ Немъ замѣтны были большая живость ума и благородная возвышенность характера.

(За симъ Авторъ переходить къ описанію Пешербурга, его окрестностей и придворныхъ.)

Не начиная еще своихъ переговоровъ и не имѣвъ въ шо время никакого важнаго дѣла, къ которому бы слѣдовало немедленно приступить, я занялся исключительно познаніемъ людей, имѣвшихъ при Дворѣ нѣкоторое вліяніе, и изученіемъ нравовъ и обычаевъ столицы Сѣвера, споль недавно созданной, споль мало еще извѣстной моимъ соотечественникамъ, и въ которую я былъ перенесенъ на нѣсколько лѣтъ.

Довольно Авторовъ и путешественниковъ описывали и исчисляли дворцы, храмы, многочисленные каналы, великолѣпныя зданія сего города, служащаго удивительнымъ памяшникомъ шоржества, одержаннаго геніемъ надъ природою.

Всѣ описывали прелестъ Невы, богатство ея гранишнихъ береговъ, величественный видъ Кронштанскаго порша; правильное великолѣпие дворца и садовъ Пешергова, лежащаго на берегу Финскаго залива.

Дорога, ведущая изъ Пешергофа въ Пешербургъ, представляешь пріятнѣйшее зрѣлище; она съ обѣихъ сторонъ ограждена красивыми загородными домами, прекрасными садами, въ копорые сполочное дворянство переселяется всякій годъ, на время слишкомъ короткаго лѣта, и забываешь шамъ суровость жестокаго климата; сему способствуешь постоянная зелень деревъ и дерна, копорого свѣжесць поддерживается болошистою почвою до того самаго времени, въ копорое онѣ погребаются подъ безжалостнымъ снѣгомъ.

Видъ Пешербурга поражаетъ сугубымъ удивленіемъ: въ немъ соединены вѣкъ варварства съ вѣкомъ просвѣщенія, десятое столѣтіе съ осемнадцатымъ, нравы Азии и Европы, грубые Скиевы и образованные Европейцы.

Съ одной стороны прекрасныя моды, пышные наряды, роскошные обѣды, великолѣпные пиры, театры, подобныя тѣмъ, копорые украшаютъ и оживляютъ общесства Парижскія и Лондонскія; съ другой, купцы въ Азіатскомъ костюмѣ, кучера, слуги, крестьяне въ овечьихъ шкурахъ, въ длинныхъ бородахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, въ длинныхъ рукавицахъ, и съ шопорами за широкимъ поясомъ. Эта одежда, большія

шерстяныя онучи, копорыми обвишь ноги ихъ въ видѣ грубаго кошурна, оживляютъ въ глазахъ вашихъ Скиевовъ, Даковъ, Роксоланъ, Гопеовъ, бывшихъ древле ужасомъ Римскаго свѣта. Кажется, что полудикія фигуры, видимыя въ Римѣ на барельефахъ колонны Траяновой, оживаютъ и одушевляються въ глазахъ вашихъ. Вы слышите пошь же самый языкъ, пѣ же самыя звуки, копорые раздавались въ горахъ Гемскихъ и на Альпахъ и неоднократно обрашали всплшь легіоны Цезарей Римскихъ и Визаннійскихъ.

Входя въ крестьянскіе дома, узнаешь простому деревнхъ сельскихъ нравовъ: деревенская хижина построена изъ бревенъ, лежащихъ одно на другомъ; небольшая ошдушина служить окошкомъ; широкая печь занимаетъ узкую комнапу, и вмѣсто всякой мебели, идущъ вдоль сплнь деревянныя лавки.

Въ самомъ видномъ мѣстѣ виситъ въ широкой мепаллической рамѣ Образъ Святаго Угодника: входя въ избу, сначала молящся Образу, и попомъ уже кланяющся хозяину.

Каша и жареное мясо ихъ обыкновенное кушанье; медъ или мука, разболтанная въ водѣ съ мяшой, вошь пишье ихъ; къ несчастью, они часто прибавляютъ къ шому

большіе стаканы хлѣбнаго вина, котораго крѣпости рошъ Европейца не могъ бы выдержашь.

Разбогатѣвшіе городекіе купцы, выказываютъ въ сполѣ своемъ роскошь безъ вкуса и мѣры; они подають вамъ огромные куски говядины, множество дичи, рыбы, яицъ, пироговъ — копорыми заваденъ споль безъ всякаго порядка и копорыя предлагающа гостямъ съ докучливостію, ушрашающею самыхъ храбрыхъ вѣдковъ.

У всѣхъ креспьянъ сей обширной Имперіи нѣтъ пружины, копорая все оживляетъ и движетъ въ другихъ спрахахъ; нѣтъ безпокойнаго самолюбія, желанія возвыситься и обогатиться, чшобы увеличить свои наслажденія, и пошому ничшо не можешъ бытъ однообразіе ихъ жизни, просить ихъ нравовъ, ограниченіе нуждъ ихъ, поспояніе привычекъ.

У нихъ всѣ дни похожи одинъ на другой; ничшо не измѣняешя: даже самыя жены ихъ съ своимъ восшочнымъ убранствомъ и съ румянами, копорыми онѣ покрываютъ щеки, (у нихъ и слово *красной* означаетъ *красоту*), носятъ по праздникамъ шѣ же общиптые галунами сарафаны и фашы, шѣ же жемчужные головные уборы, копорые

наслѣдовали онѣ опъ маперей и въ копорыхъ наряжались ихъ прабабушки.

Русскій народъ не знаетъ многихъ удовольствій нравственныхъ, но наслаждается какимъ-шо счастіемъ вещественнымъ; бѣдные креспьяне, зная, чшо работа или господа всегда доставляють имъ пищу, кровь и опопку, не будучи подвержены нуждѣ, никогда не чувствують мученій несчастія и спраха понашъ въ нищету, часто угнетающихъ народы просвѣщенные.

Господа въ Россіи имѣють по законамъ надъ своими креспьянами власшь почши неограниченную, но надобно опдашь имъ справедливосшь, чшо въ самомъ дѣлѣ почши всѣ они пользуются оною съ чрезвычайною умѣренностію; по пошпеленному улучшенію нравовъ, крѣпостное состояніе креспьянъ возвращается мало по малу къ шому, чѣмъ прежде было поземельное подданство (*servitude de la glèbe*). Всякій плашнш легкой оброкъ за землю, копорую ему опдали на обработаніе, и распределеніе сей подаши дѣлаешя въ каждой деревнѣ спариками, выбранными изъ опщевъ семействъ.

Со всѣмъ иное зрѣніе поразитъ и остановитъ вниманіе наблюдателя, если онъ, разсмотрѣвъ сію безчисленную часть Русскаго народонаселенія, невышедшую еще

изъ мрака среднихъ вѣковъ, перейдешь въ мысляхъ нѣсколько сползшій и обратишь взоры на благородную, богашую и образованную часть Русскаго народа.

Здѣсь долженъ я предувѣдомить, что изображаю Русское обществѣ въ шомъ видѣ, въ какомъ было оно за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось; успѣхи во всѣхъ частяхъ были быстры, и все юношески, которое судьба оружія и желаніе научаешь разсыпала по всѣмъ городамъ и дворамъ Европы, доказываешь, до какой степени искуства, свѣтскости и вкуса усовершенствованы въ Государствѣ, которое еще въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XV почтислось необразованнымъ и варварскимъ.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Пешербургъ, въ немъ подъ наружными формами Европейской образованности, замѣсны были еще многіе слѣды вѣковъ прошекшихъ, и посреди немногихъ дамъ и господъ, которые образовались, путешествовали и ни въ чемъ не уступали любезнѣйшимъ людямъ самыхъ блестящихъ Европейскихъ Дворовъ видны были еще многіе и всегда самые пожилые, кошорыхъ выговоръ, наружность, привычки, невѣжескиво и скудный разговоръ принадлежали болѣе къ старому вѣку Бо-

яръ и Царей, нежели ко времени Екатерины II.

Впрочемъ эту разность можно было замѣшны не прежде, какъ по нѣкошоромъ внимательномъ размошрѣніи; съ перваго взгляда она была совсѣмъ незамѣшна; еще за полвѣка назадъ, всѣ уже привыкли подражать иностранцамъ, одѣвашся, жившъ, убирашъ дома, ѣшъ, вспрѣчашся, кланяшся, угощашъ на балѣ или за обѣдомъ, почно какъ Французы, Англичане или Нѣмцы.

Все, чего шребуешь учшivenessъ и прстойности, было совершенно выучено. Одни разговоръ и познаніе нѣкошорыхъ домашнихъ подробностей, означали раздѣленіе между Русскимъ шарнинымъ и Рускимъ новаго вѣка.

Женщины опередили мужчинъ на дорогѣ образованія: въ мое время много было уже любезныхъ дамъ и дѣвицъ, отличавшихся ловкостію, хорошо говорившихъ на шести или семи языкахъ, игравшихъ на нѣсколькихъ инструментахъ и знакомыхъ съ швореніями извѣснѣйшихъ поэшовъ и романистовъ Франціи, Италіи и Англій; между шьмъ, какъ за исключеніемъ сошны придворныхъ, напримѣръ: Румяновыхъ, Разумовскихъ, Спрогановыхъ, Шуваловыхъ, Во-

ронцовыхъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, Долгорукихъ, и проч., мужчины по большей части были необходимы, молчаливы, однако жъ учтивы, но важны и холодны и, по крайней мѣрѣ по наружности, чужды всего, что существуетъ въ ихъ обществѣ.

Впрочемъ, обыкновенія, введенныя Еккатеринною, дѣлали жизнь и общество Пешбургскія столь пріятными, что они вѣроятно ничего не выиграли отъ переменъ, произведенныхъ временемъ. Кромѣ дней торжественныхъ, обѣды, балы, собранія не только не походили на то, что называется *рутомъ* (гаout, совершенный хаосъ, въ которомъ царствующъ безпорядокъ и скука), но были не многочисленны, хорошо избраны и безъ смѣси.

Одежда, подходящая на ту, которую носили особы Версальскаго Двора, была конечно не такъ покойна, какъ фраки, сапоги и круглыя шляпы; но она способствовала поддержанію благоприспособности, вѣжливости, благородства въ обхожденіи и свѣтскости.

Обѣдали рано; послѣ обѣда исполняли обязанности свѣтской жизни, посѣщали другъ друга и шлемъ поддерживали небольшія общества, въ коихъ умъ и вкусъ образовывались разговоромъ скромнымъ, пріятнымъ и

разнообразнымъ. Въ эшихъ собраніяхъ находилъ я большое сходство съ итѣми, копоры доспавляли мнѣ столько удовольствія въ Парижѣ.

Слишкомъ великодушнымъ и помпезнымъ казалось мнѣ только множество нарядныхъ праздниковъ, не только при Дворѣ, но и въ городѣ; всякой обязанъ былъ быть у своихъ знакомыхъ въ день ихъ именинъ и рожденія; неучтиво было бы въ такой день не пріѣхать; шопъ, укого былъ праздникъ, не приглашалъ никого, но дверь его была отворена и всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какія нибудь связи, съѣзжались къ нему полною.

Изъ этого видно, какое богатство нужно было Русскимъ барамъ, чтобы волею и неволею держашъ у себя открытый столъ.

Другой родъ роскоши, чрезвычайно хлопотный для Дворянства, и долженствующій со временемъ разорить его, если оно не распорядится иначе, — есть чрезвычайное множество дворовыхъ людей, коихъ оно кормитъ. Люди сіи, взятые изъ крестьянъ, почитаютъ дворовую службу какъ бы оплатѣмъ и милостью; такимъ образомъ, по старинному предразсудку, ибо и у крестьянъ есть свои предразсудки, дворовый челоувѣкъ почелъ бы себя наказаннымъ и даже

разжалованнымъ, если бь его снова послали ходить за сохою.

Мужчины и женщины сего состоянія женихся и выходихъ за-мужь въ господскомъ домъ, и населяющъ оный до того, что у многихъ знатныхъ Русскихъ господъ бывало по чепыреста и по пяни сошь дворовыхъ людей, кошорыхъ держать при себь они почисали обязанностію, хотя для сихъ людей не было вовсе никакого занятія.

Не менье удивляло меня другое обыкновение, введенное щисславіемъ: всякій, чиномъ выше Полковника, принужденъ былъ, смощря по его званію, имть карешу, запряженную чепырмя или шестью лошадми, кошорыми правять кучера въ длинную бородою во Французскомъ кашпанъ и два фрейшера.

Въ первый разъ, какъ я послъдоваль эшому обыкновенію, мнъ надобно было вхать къ одной дамъ, жившей въ сосѣднемъ домъ. Фрейшеръ мой въхаль уже въ вороша соедняго дома, а кареша оставалась еще въ ворошахъ моей кварширы.

Зимою карешы снимающъ съ колесъ и ставящъ на подосья выщиною съ колеса; а какъ улицы широки и въ эшо время года бывающъ покрышы фуша на чепыре снъгомъ, хошо упашаннымъ и походящимъ на самый

гладкій, швердый и мелкій песокъ, шо ничто не можеть сравнихся съ быспрошою, съ какою вдешь или лучше кашихся въ семь прекрасномъ городъ.

Я уже говорилъ объ умьренности, съ кошорою Русскіе господа пользующся властію своею надъ мужиками. Во время долгаго пребыванія моего въ Россіи, многіе примъры привязанности крешьянъ къ господамъ доказали мнъ, что на эпошь счешъ меня не обманули.

Изъ сна примъровъ шому, оставшихся у меня въ памяти, приведу шолько одинъ: Оберь-Камергеръ Графъ Шуваловъ вошелъ въ долги, и для уплаты оныхъ хотъль продать деревню свою, лежащую за чепыреста или пянь сошь вершъ ошь шполицы.

Однажды, ушромъ, вставая съ постели, слышишь онъ большой шумъ у себя на дворъ; шумъ эшошь происходилъ ошь множества собравшихся мужиковъ; Графъ призываетъ ихъ къ себъ и спрашиваетъ, зачъмъ они пришли.

„Мы, бапюшка, слышали,“ говорящъ эши добрыя люди, „что вы для поправленія дъль своихъ, хошите продать нашу деревню. Мы Вашимъ Сіанельствомъ довольны, мы спокойны, счастливы и благодарны вамъ, и не хонимъ пошерять добраго барина. Мы

сложились деньгами на мірской сходкѣ, и просимъ васъ принять ихъ для уплаты вашего долга.“

Графъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, принялъ ихъ пожертвованіе, и наслаждался, видя, что добро, имъ сдѣланное, вознаграждается столь прогашельною признательностію.

Привычка опредѣлять, безъ всякой формы, наказаніе, въ ту же минуту исполняемое, за пропуски, осужденные безъ разсмотрѣнія, заспавляешь иногда самыхъ добрыхъ господъ дѣлать самыя спранныя ошибки.

Вошь одно происшествіе, котораго развязка довольно забавна, хотя начало было очень печально и почти жестоко.

Въ одно утро прибѣгаетъ ко мнѣ чело-вѣкъ, встревоженный, волнуемый вѣснѣмъ и страхомъ и болью и досадою; волосы его стояли дыбомъ, глаза были красны и въ слезахъ, голосъ дрожалъ и плашье въ безпорядкѣ. Это былъ Французъ.

Я спросилъ о причинѣ его разспройсва и печали. „Графъ,“ сказалъ онъ мнѣ: „я прошу защиты Вашего Сіяшельства, прошивъ ужаснаго насилія и несправедливости: меня, по приказанію одного знашнаго

барина, сей часъ обидѣли безъ причины, и дали мнѣ сто ударовъ плешью.“

— „Такой поступокъ,“ ошвѣчалъ я: „былъ бы неизвинительенъ, если бы даже важная вина къ нему побудила; если же, какъ ты утверждаешь, не было на то никакой причины, то совершенно непонятенъ и невѣроятенъ; но кто же далъ такое приказаніе?“

„Его Сіяшельство, Графъ Брюсъ, здѣшній Губернашоръ,“ ошвѣчалъ несчастный. — „Ты съ ума сошелъ,“ возразилъ я: „бышь не можешь, чтобы чело-вѣкъ, столь почтенный и образованный и столько всѣми уважаемый, какъ Графъ Брюсъ, попустилъ шакимъ образомъ съ Французомъ, если только ты не бросился на него и не оскорбилъ его лично.“

„Ахъ, милоспивый Государь!“ сказалъ жалующійся: „я даже никогда не знавалъ Графа! Я поварь; узнавъ, что Гр. Брюсу нуженъ чело-вѣкъ моего ремесла, я пошелъ къ нему въ домъ, и меня ввели въ его комнашу. Какъ скоро Графу сказали, что я пришелъ, онъ пошчасъ приказалъ, чтобы мнѣ дали сто ударовъ плешью, что и было пошъ же часъ исполнено. Это кажется вамъ невѣроятнымъ, но плеча мои могушъ доказать, что я говорю правду.“

— „Послушай,“ сказалъ я ему наконецъ: „если, прошивъ всякаго вѣроянія, то, что ты мнѣ говоришь, правда, то я попробую удовлетворенія за оскорбленіе, тебѣ сдѣланное, и не поущу, чтобы поступали такимъ образомъ съ моими единоземцами, которыхъ я обязанъ оказывать покровительство. Но подумай объ этомъ хорошенько: если ты рассказалъ мнѣ сказку, то я заставлю тебя раскаяшься въ томъ. Отнеси къ Губернатору письмо, которое я сей часъ напишу; одинъ изъ моихъ людей пойдешь съ тобою.“

Я въ самомъ дѣлѣ пошчасъ же написалъ къ Графу Брюсу, и уведомилъ его о снранномъ донося, который былъ мнѣ сдѣланъ. Я писалъ ему, что не смотря на то, что невозможно сему повѣршишь, обязанность покровительствовашь Французамъ заставляешь меня просишь ошъ него объясненія столь снраннаго поступка, ибо легко могло случиться, что какой нибудь подчиненный дерзко употребилъ во зло его имя, чтобы сдѣлать такую несправедливость. Я предварялъ его, что съ нешерпнїемъ ожидаю ошвѣна, чтобы наказашь жаловавшагося, если онъ солгалъ, или шребовашь за него удовлетворенія, если, прошивъ всякой вѣроянности, онъ сказалъ правду.

Часа два не получалъ я никакого ошвѣта. Я начиналъ выходить изъ шерпнїа, и намѣревался уже самъ ѣхать для объясненія по сему дѣлу, какъ явился мой бишпый, который казался уже совсѣмъ инымъ челоукомъ: видъ его былъ спокоенъ и доволенъ, въ глазахъ блискала радость.

„Ну!“ сказалъ я: „принесъ ли ты мнѣ ошвѣтъ?“ — „Нѣтъ, сударь! Его Сїапельство сей часъ самъ съ нимъ прївдешъ; но я уже не имѣю причины жаловашься: я доволенъ, очень доволенъ, все это была только ошибка, и мнѣ ошпаешся только благодаришь васъ за ваши милосши.“

„Какъ!“ возразилъ я: „развѣ сто ударовъ плешью при тебѣ не ошпаюшся?“ — „Конечно, сударь, ошпаюшся у меня на плечахъ и влѣплены очень рѣзко; но, право, ихъ вылечили, какъ нельзя лучше; и такъ, что я ужъ и не горюю. Теперь все объяснено; вошь какъ это случилось: у Графа былъ поваръ изъ его крешпьянъ; за нѣсколько дней до моего прихода, онъ убѣжалъ и, говоряшь, что-то снесъ изъ дому. Его Сїапельство, приказавъ искашь его, положилъ наказашь бѣглеца пошчасъ, какъ его прїведуть.“

„Въ эшихъ обстоятельстввахъ явился я, чтобы заняшь убылое мѣсто. Когда ош-

ворили дверь кабинета Его Сіяшельства, Графъ сидѣлъ ко мнѣ задомъ у бюро и, какъ видно, былъ очень занятъ. Человѣкъ, кошпый привелъ меня, сказалъ, входя въ комнату: „*Ваше Сіяшельство! повара привели.*“ Графъ пошчасъ ошвѣчалъ, не оборачиваясь: „*Сведите же его на дворъ, и дайте ему сто ударовъ плетью, какъ я приказалъ!*“ Человѣкъ пошчасъ зашворяетъ дверь, схватываетъ меня, шацишь внизъ, зовешъ шоварищей, и безъ жалосни даюшъ бѣдному Французскому повару удары, назначенные бѣглецу Русскому.

„Его Сіяшельство, милосшиво пожалѣвъ обо мнѣ, изволилъ самъ расшолоковать мнѣ эшу ошибку, и при шакихъ упѣшисельныхъ словахъ, пожаловалъ мнѣ вопъ эшошъ большой кошелекъ съ золотыми деньгами.“ Я ошпусшилъ бѣдняка, подумавъ, что справедливое негодование его слишкомъ легко укропилось.

( *Продолженіе впрѣдъ.* )

## ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

### Исторія Артиллеріи.

*Періодъ первый:* со времени изобрѣшенія пороха, до Ишпаліанскихъ войнъ Короля Французскаго, Карла VIII.

*Періодъ второй:* со времени Ишпаліанскихъ войнъ до Нидерландской войны.

*Періодъ третій:* Война Голландцевъ съ Испанцами, ошъ 1568 до перемирія 1609.

*Періодъ четвертый:* шридцашилшняя война, ошъ 1618 до 1648.

*Періодъ пятый:* войны Французовъ въ Нидерландахъ, Германіи и Ишпаліи, ошъ 1648 до 1738.

*Періодъ шестой:* Силезскія войны и пошлѣдующія до 1792.

*Періодъ седьмой:* Французская революціонная война до конца XVIII столѣтія.

*Періодъ осьмой:* ошъ конца XVIII столѣтія до нашихъ временъ.

П Е Р И О Д Ъ П Е Р В Ы Й.

Со времени изобретения пороха до Итальянских войн Короля Французскаго Карла VIII.

„Съ употребленіемъ огнесрѣльнаго оружія, говоритъ одинъ военный Писатель, измѣнились самыя нравственныя и физическія качества воиновъ, прекратились набѣги варварскіе, бѣшвы сдѣлались не столько кровопролитны, полишника Государствъ дѣлались, а вмѣстѣ съ симъ Европейцы приобрѣли то преимущество, которое и донныя сохраняють предъ прочими народами обширнаго свѣта.“

Въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на Исторію древнихъ лѣтъ, то увидимъ, что войска всегда сражались вблизи, что они единственно мечемъ пролагали себѣ путь къ славѣ, и что многочисленность и великая крѣпость физическихъ силъ порожествовали всегда надъ слабостію и малочисленностію; личная храбрость Полководца рѣшала судьбу Республикѣ. Но съ того времени, когда Шварцъ показалъ свѣту употребленіе пороха, когда армія возила съ собою великое множество колувриновъ и каршауновъ, образъ веденія войны совершенно преобразовался: умъ, разсудокъ, заступили

мѣсто безмысленной опчаянности, и спрагнетія рѣшала судьбу Государствъ; осады крѣпостей не были долговременны, чугунныя ядра, бросаемыя сими огнесрѣльными машинами, разрушали ихъ стѣны, и пригласовляли осаждающему путь къ побѣдѣ — однимъ словомъ, все военное приняло другой видъ — видъ совершенства; уже Европейцы не боялись болѣе набѣговъ Татаръ и Гунновъ, и разя, покоряли своей власти великія страны Новаго Свѣта. Но приступимъ къ *Исторіи Артиллеріи*.

Хотя многіе и приписываютъ монаху Бернольду Шварцу изобрѣтеніе огнесрѣльнаго пороха, но другіе военные Писатели въ томъ несогласны: они говорятъ, что Китайцы и Индійцы еще прежде Европейцевъ знали огнесрѣльный порохъ; будто бы Греческій огонь, поражающій подъ Константинополемъ суда Игоря (въ X столѣтіи), состоялъ изъ пороховаго состава. Припомъ же *Абель Ремюза* говоритъ въ своихъ Запискахъ о политическомъ сношеніи Европейцевъ съ Азіяцами, что восточные народы, еще прежде изобрѣтенія компаса, книгопечатанія и ш. п., знали составъ огнесрѣльнаго пороха. Китайцы еще въ древнѣйшія времена своего бытія, имѣли *громоыя* колесницы, уподоблявшія-

ся нашимъ Европейскимъ пушкамъ; по другимъ же извѣстіямъ доказывающъ, будто бы Аравіяне прежде всѣхъ знали сей ужасный составъ, описываемый Восточными Историками XIII столѣтія.

Искусство дѣлать порохъ, говоритъ Абель Ремюза, узнали въ Европѣ во время Крестовыхъ походовъ. Въ 1216 году, Шотландскій Монахъ *Рожеъ Баконъ*, въ своей книгѣ: *de nullitate magia*, говоритъ о пороховомъ составѣ; посему-то Францискапскій монахъ *Бертольдъ Шварцъ*, не есть изобрѣшатель огнеспрѣльнаго пороха, а онъ единственно случайнымъ образомъ узналъ свойство пороха, и первый выспрѣлил пулею изъ желѣзнаго сшвола. Венеціане, первые, въ 1366 году, въ войнѣ съ Генуезцами, употребили огнеспрѣльное оружіе. Но ужасное дѣйствіе огнеспрѣльнаго пороха подавляло, шакъ сказать, успѣхъ его; многіе вооружались противъ него, называя его адскимъ изобрѣшеніемъ, противнымъ Богу и правамъ человечества; припомъ же Рыцарство, славившееся единственно искуснымъ дѣйствіемъ холоднаго оружія, возставало противъ огнеспрѣльнаго пороха, видя въ немъ причину своего ослабленія; и по шакимъ причинамъ, порохъ долго оставался не въ употребленіи почти до конца XV сто-

лѣтія, или до царствованія Французскаго Короля Карла VIII.

### П Е Р И О Д Ъ В Т О Р О Й .

*Со времени Италіанскихъ войнъ до Нидерландской войны.*

До времени Карла VIII, возили обыкновенно при арміяхъ чрезвычайное множество орудій огромной величины и большой тяжести, посему движеніе ихъ было трудно, и часто оспанавливало успѣхъ цѣлой арміи. Карлъ VIII видѣлъ сію ошибку, и рѣшился ее поправить; ему приписываютъ облегченіе орудій. Уже при немъ орудія начали именовашъ, по тяжести ядеръ, ими бросаемыхъ; кромъ сего именованія, каждому орудію давали собственное имя, заимствуемое изъ прехъ царствъ природы. — Вошъ состояніе огнеспрѣльныхъ орудій въ началъ XVI столѣтія:

1) *Двойная пушка*, бросавшая ядро ошъ 100 — 120 ф. вѣсу, длины имѣла ошъ 9 до 10 фушовъ Венеціанской мѣры, вѣсила ошъ 8,800 до 12,459 Италіанскихъ фушновъ.

2) *Колуерина*, бросавшая ядро 120 ф. вѣсу, длины имѣла 15 фушовъ, вѣсила 15,000 фушновъ.

- 3) *Пушка*, бросавшая ядро въ 80 ф. въсу, длины имѣла 8 фушовъ, въсила 4,000 фуншовъ.
- 4) *Колуврина*, бросавшая ядро въ 50 ф. въсу, длины имѣла 12 фушовъ, въсила 6,600 фуншовъ.
- 5) *Пушка*, спирѣдчатая ядромъ ошъ 30 — 36 фуншовъ, называлась *батардою*.
- 6) *Половинная пушка*, бросавшая ядро въ 20 ф. въсу, длины имѣла ошъ 7 до 8 фушовъ, въсила ошъ 2,200 до 2,500 фуншовъ.
- 7) *Колуврина*, бросавшая ядро въ 20 ф. въсу; длины имѣла 10 фушовъ, въсила 4,300 фуншовъ.
- 8) *Колуврина*, бросавшая ядро въ 16 ф. въсу; длины имѣла 10 фушовъ, въсила 1,750 фуншовъ.
- 9) *Колуврина*, бросавшая ядро въ 14 ф. въсу, длины имѣла 8 фушовъ, въсила 2,233 фунша.
- 10) *Пассѣ-волантѣ* бросаль ядро въ 16 ф. въсу; длины имѣль 12 фушовъ, въсилъ 2,740 фуншовъ.
- 11) *Саккерѣ* бросаль ядро въ 12 ф. длины, имѣль 9 фушовъ; въсилъ 2,150 фуншовъ.
- 12) *Саккерѣ* бросаль ядро въ 12 ф. въсу; длины имѣль 6 фушовъ; въсилъ 1,400 фуншовъ.

- 13) *Саккерѣ* бросаль ядро въ 10 ф. въсу; длины имѣль 8 фушовъ; въсилъ 1,300 фуншовъ.
- 14) *Аспидѣ* бросаль ядро въ 12 ф. въсу; длины имѣль 5 фушовъ, имѣль одинаковый въсъ съ Саккеромъ.
- 15) *Фалконѣ* бросаль ядро въ 6 ф. въсу; длины имѣль 7 фушовъ; въсилъ 890 фуншовъ.
- 16) *Фалконетѣ* спирѣляль свинцовымъ ядромъ въ 3 ф. въсомъ; длины имѣль 5 фушовъ; въсилъ 400 фуншовъ.
- Кромѣ сихъ орудій, возились еще при арміяхъ *бомбарды* или *каменобросцы*, изъ коихъ величайшіе бросали каменное ядро въ 250 фуншовъ въсу, имѣли длины 10 фушовъ и въсили 8,900 фуншовъ.
- Вшорой родъ сихъ бомбардъ бросаль ядро во 150 фуншовъ; длины имѣль 10 фуш. и въсилъ 6,146 фуншовъ. Трешій родъ бросаль ядро въ 100 фуншовъ, имѣль шу же длину, въсу 5,000 фуншовъ. Четвершій родъ бросаль ядро во 100 фуншовъ, длины имѣль 8 фушовъ и въсилъ 4,500 фуншовъ. Морширцы (*contadi*) бросали ядро въсомъ ошъ 30 — 45 фуншовъ; имѣли длины 7 фушовъ, и въсили ошъ 1,600 — 2,740 фуншовъ.
- Кромѣ сихъ родовыхъ именованій, показавшихъ величину и успроеніе орудій, да-

вали каждому орудію еще особенное, оплывшее его отъ другаго, съ нимъ однороднаго. Такъ, при осадѣ города Альсдорфа, въ 1504 году, при ихъ огромные каменобросцы назывались: первый *сова*, спрѣлявшая ядромъ въ 220 фуншовъ; *соколъ* и *рыбакъ*, напрощивъ, бросали ядро въ 100 фуншовъ въсу.

Вкусъ шого въка пребовавъ, чшобы все было испещрено различными бесполезными украшениями; сему необходимому (по тогдашнимъ понаніямъ) закону подверглись и огнеспрѣльные орудія. — Такъ называемыя *бомбарды*, состоявшія изъ каморы и канала, были обременяемы посредствомъ фризозъ и другихъ украшеній. — Когда Карлъ VIII облегчилъ шяжестъ аршиллерійскихъ орудій, шо уже нельзя было дѣлать, для украшенія, выемокъ на стѣнахъ орудій, пощерившихъ значительнымъ образомъ въ шолстшѣ мшала; для сего были оставлены единшвенно фризы, и для легчайшаго подниманія орудій, прикрѣпляли къ шорельной и къ вершлюжной частии рукояпки, наподобіе различныхъ живощныхъ, а особливо рыбъ, почему они названы *дельфинами*, сзади же шорельной частии въ видѣ *винограда*. — Таковыя же бесполезныя украшения находились и на лафетахъ, но

вообще должно сказать, что они въ началѣ XVI столѣтія исчезли.

Но важнѣе были успѣхи употребленія Аршиллеріи. Еще въ началѣ XVI столѣтія, *фануци Берингоціо* издалъ книгу о приговленіи пороха, снарядовъ и орудій. Но безсмертный *Николай Тарталиа*, первый примѣнилъ законы Машемашики къ Аршиллерійскому Искусству, и первый доказалъ, что полешъ ядра естъ не прямая, но кривая линія, что уголъ  $45^\circ$  даетъ дальнѣйшій полешъ. Но бывъ самъ аршиллериспомъ и живя въ 1531 году въ Веронѣ Машемашикомъ, онъ, по просьбѣ своего друга, одного бомбардира, началъ мыслить о дальности полешовъ ядеръ. — Вскорѣ онъ долженъ былъ вступить въ споръ съ другимъ аршиллериспомъ, хотѣвшимъ доказать, что не  $45^\circ$ , а  $30^\circ$  естъ высочайшій уголъ возвышенія для дальнѣйшихъ полешовъ; были сдѣланы опышы, спрѣляли подъ С. Луціемъ 20-фуншовой шангою, гдѣ и оказалось: что при возвышеніи дула орудія на  $45^\circ$ , дальность полеша ядра простиралась до 1,972 полешовъ сажени, между шѣмъ, какъ при возвышеніи орудія на  $30^\circ$ , дальность полеша ядра была 1,872 пол. саж. Слѣдствіе сихъ опышовъ было, между прочимъ, шо что Тарталиа поручили доказать основные законы движе-

нія тяжелыхъ шѣлъ въ воздухъ. — Его сочиненіе о семь явилось въ первый разъ въ 1537 году, подъ заглавіемъ Della Nuova Scienza, и хотя доказательствъ его не вездѣ точны, и часно основывающа на ложныхъ заключеніяхъ и гипотезахъ, однако жъ должно сказать, что сочиненіе сіе проложило путь къ ученому изложенію Артиллеріи, по которому многіе великіе мужи слѣдовали, и довели ее до нынѣшняго совершенства.

Такъ какъ снаряды и заряды артиллерійскихъ орудій были не одинаковы, то и дѣйствія ихъ на металл не были одинаковы, и даже вредны. Для сего давали ему при казенной часни одинъ діаметръ ядра полшоты, а при дульной по діаметру полшоты. Къ сему же времени относился изобрѣшеніе калибернаго размѣра, содержащаго въ себѣ діаметры каменныхъ, чугуныхъ и свинцовыхъ ядеръ по Ниренбергской мѣрѣ и вѣсу. Изобрѣшеніе сіе приписываютъ *Георгу Гартману*, Ниренбергскому Механику. Должно въ честь Гартмана сказать, что всѣ калиберные масштабы, послѣ его смерти, были сдѣланы по образцу перваго его калибернаго размѣра; всѣ Германскія Артиллеріи приняли Ниренбергскій вѣсъ и мѣру; менѣе сіе можно сказать

о Франціи и Англіи. Въ сихъ земляхъ больше придерживались вершковому размѣру, для означенія калибровъ, для котораго Писатели Артиллеріи и дають соотвѣствующія ему таблицы. Въ новѣйшія времена и въ Германіи начали придерживавшяся вершковому размѣру, и вычисляли таблицы, опредѣляющія діаметры орудій и ядеръ.

Съ усовершенствованіемъ успроенія орудій, усовершенствовались и снаряды, ими бросаемые. Обыкновенно изъ пушекъ спрѣлали чугунными ядрами, а изъ каменобросцевъ каменными ядрами и каршечами (состоявшими, большею частію, изъ массы рубленаго желѣза, свинца или камня). Искусственные огни были двухъ родовъ: одни были бросаемы изъ огнеспрѣльныхъ орудій, другіе бросали руками. — Къ сему послѣднимъ принадлежатъ *огненные стрѣлы* (выходившія совершенно изъ употребленія съ уничтоженіемъ луковъ), *огненные пики*, и проч. — Изъ каменобросцевъ часто были бросаемы *брандскугели*, состоявшіе изъ смѣси смолы, селитры, свры и пороха, сплетенныхъ крѣпко веревками. Замѣшимъ, что еще въ первомъ періодѣ, изъ котораго родъ *бомбъ* былъ извѣстенъ, но это были мѣдные пустые шары, наполненные селитрою, сѣрою и смолою. Таковыя ядра были

Турками, при осаде Родоса в 1522 году, бросаемы в город; но их в наспоющем смысле нельзя назвать бомбами, ибо они не производили взрыва; по сему их должно более причислять къ зажигательнымъ снарядамъ. Должно замѣнить однако жъ, что въ семь періодъ были извѣстны, подъ именемъ *лопающихъ ядеръ*, родъ снарядовъ, состоявшихъ изъ пустыхъ чугунныхъ ядеръ, начиненныхъ пушечнымъ порохомъ и снабженныхъ желѣзными трубками; они во всемъ почти уподоблялись нынѣшнимъ бомбамъ и гранатамъ. Они употреблялись болѣе при осадахъ, а въ полѣ, по трудности ихъ заряжанія, не употреблялись. Около 1500, были изобрѣнены *органныя огнестрѣльные орудія*, состоявшія изъ нѣсколькихъ сложенныхъ ружейныхъ дулъ, зажигаемыхъ вдругъ помощью пороховаго парохода. Они стрѣляли со спанковъ, и производили родъ каршечныхъ выстрѣловъ. Ихъ обыкновенно ставили во время сраженія въ интервалахъ пѣхоты, но замѣнимъ вообще, что по причинѣ ихъ труднаго заряжанія, они часто въ необходимыхъ случаяхъ дѣлались бесполезными.

При такой вышеупомянутой тяжести орудій, движеніе ихъ было чрезвычайно медленно. Сія тяжесть, кажется, первая дала

поводъ къ изобрѣшенію легкой ошдальной Артиллеріи — называемой *летучею*, конною или кавалерійскою артиллеріею; она имѣла цѣлю дѣйствовать совокупно съ кавалерійскимъ авангардомъ и способствовала ему во всѣхъ его быстрыхъ предпріятіяхъ. Уже при Винченціи посылалъ Венеціанскій Главнокомандующій, *Бартоломей Альвиани*, легкую кавалерію съ прѣма фалконями для нападенія на арріергардъ Императорскихъ войскъ, но заподлинно неизвѣстно, какова была припряжь и прислуга сихъ орудій. Но то извѣстно, что въ сраженіи при Керсоллѣ, в 1544 году, Герцогъ Ангенскій, намѣреваясь занять пѣхотную возвышенность, имѣлъ при себѣ аркибузирова верхомъ, и при четырехъ-фушковыхъ пушкахъ съ двойною припряжью. Во время сраженія, спояли онъ въ интервалахъ кавалеріи, и отсюда дѣйствовали противъ пѣхоты. Хотя ничего неизвѣстно о продолжительномъ употребленіи такой легкой Артиллеріи, но мы ее опять въ первый разъ усматриваемъ въ войскахъ неуспрашаемаго Густава Адольфа, и въ новѣйшія времена, у безсмертнаго Короля Прусскаго Фридриха II.

( Продолженіе впрѣдъ. )

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П И С Ъ М А Н А К А В К А З Ъ,  
О Л И Т Е Р А Т У Р Ъ, Н А У К А Х Ъ И И С К У С Т В А Х Ъ.

П и с ь м о в т о р о е.

(Продолженіе предмета, начатаго въ I письмѣ.)

Ты помнишь, какъ мы спорили съ побою о Московскомъ Телеграфѣ, и какъ я всегда бралъ его спорону, извиняя ошибки, промахи, неосновательности въ сужденіяхъ, и прикрывая все это эгидою *благой дули*. Это было въ 1825 году, когда ты жилъ на Екашерининскомъ каналѣ. Теперь я перемѣнилъ мой образъ мыслей — и совершенно съ побою согласенъ. Одно и то же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ опроменчивѣе. Въ Телеграфѣ, все рѣшаешь безъ ошановки: обо всемъ судяшь и рядяшь безъ дальнихъ справокъ, и пошому изъ всего выходишь скороспѣлка. Главное дѣло Издашеля состоишь въ томъ, чшобы сосшавишь толстшую книжку, (напе-

чапанную разными шрифтами), изурорить обершку предлиннымъ оглавленіемъ, побранишь нѣсколько книгъ, задъшь нѣсколькихъ книгопродавцевъ, Издашелей оныхъ (\*), и нѣсколькихъ Журналистовъ впрямъ или вкосъ, выходками или намѣтками, и наконецъ вклеишь родъ вывѣски надъ цирюльнями, *гдѣ бръютъ и кровь отворлютъ*, надписашъ подъ этою каршиною — *Парижскія моды*, и дѣло съ концемъ. А выборъ спашей, языкъ и слогу? — объ этомъ даже и не помышляюшь. Телеграфъ, слогомъ, языкомъ и сужденіями, безпрестанно припоминаешъ мнѣ два важныя событія въ мѣрѣ: сполношвореніе и нашешвіе Монголовъ на Европу.

Ты знаешъ, какія сокровища хранящся въ нашемъ Петербургскомъ Госпиномъ дворѣ, именно вшупри онаго, гдѣ находятся складки поваровъ; ты знаешъ, чшо переднія лавки на линіяхъ, служашь, шакъ сказашь, пошько вывѣсками богашества Госпинаго двора. Но молодой свѣтскій человекъ или модная дама не знающъ этого, или по крайней мѣрѣ о томъ не думающъ. Проходя случайно мимо новозаведеннаго магазина, въ окнахъ котораго узорчато развѣшаны раз-

(\*) За исключеніемъ нѣкоторыхъ. *Сог.*

ноцѣнные шарфики и плапочки, выставлена на показъ фарфоровая и кристалльная посуда и бронзы, взявши на рокашъ, — разсѣянные люди говорили, не обдумавъ: „богатый магазинъ! прекрасная лавка!“ Сему уподобленію подлежишь и Московскій Телеграфъ. Посмотрѣвъ на полстудію и тяжелую книжку, взглянувъ на пестрое оглавленіе и увидѣвъ *картинку*, поспѣшишь книжной лавки говоришь: „занимательный Журналъ!“ Нужны ли справки? это вовсе лишнее. Въ Телеграфъ браняшь всѣхъ, кто не имѣешь чести помѣщаться въ ономъ своихъ сочиненій — Телеграфъ порицаешь безпристрастные Липперашоры и истинные ученые — вошь и *занимательность*, въ настоящемъ своемъ значеніи. Телеграфомъ *занимаются*, не говорю въ какомъ смыслѣ — этого довольно: онъ достигъ своей цѣли.

Но какъ ты ищешь ко мнѣ, любезный другъ, что въ прошломъ 1826 году, ты не имѣлъ даже случая взглянуть на Русскіе Журналы и Альманахи, по я намѣренъ предсказавши тебѣ нѣкошорыя доказательства въ подкрѣпленіе моего мнѣнія, чтобъ ты не подумалъ, будто я увлекаюсь пристрастіемъ въ моихъ заключеніяхъ. Разберемъ общій составъ Телеграфа.

### 1. Выборъ статей и составъ книжекъ.

Издашесь, въ составленіи пестро-звучныхъ (\*) обершохъ, достигъ до высочайшей степени совершенства: его можно по справедливости назвать Гомеромъ — оглавленій. Вошь какъ онъ эпо дѣлаешь. Оглавленіе начинается обыкновенно пыннымъ ознаменованіемъ богатства Журнала: *Отдѣленіе первое* (\*\*). За симъ слѣдуешь громкій шишуль: *Науки и Искусства*. Тутъ вы думаете найши разные опрасли Наукъ и Искусствъ и спашь изъ оныхъ во множественномъ числѣ. Поишите — это объявленіе кончится обыкновенно спашейкою изъ Французскаго Журнала Путешествій, или переводною главою изъ какой нибудь книги (\*\*\*). Другіе Журналисты означаютъ разрядъ именемъ одной Науки, къ кошорой принадлежишь спашья, или просто самое описываемое дѣйствіе или путешествіе. Въ Телеграфъ все во множественномъ числѣ и

(\*) Виновать! Телеграфъ соблазнилъ меня составлять новыя слова: увидишь въ концѣ письма. *Сог.*

(\*\*) Это съ перваго взгляда даетъ почувствовать, что здѣсь много ошдѣленій, слѣдовательно много спашей. *Сог.*

(\*\*\*) Образчики переводовъ напечатаны были съ подлинникомъ въ Сынъ Отечества и Сѣверной Пчелы 1825 года. Прелеснь да и шолько! *Сог.*

все на ходуляхъ — исключая того, чему бышь бы надлежало. И пакъ, чптобы напечатать, напрымъръ, Путешествіе Капипана Кокрена, въ Телеграфъ выпавлены на оберткѣ три заглавія: 1. *Науки и Искусства*, 2. *Путешествія*, 3. *Путешествіе Англичскаго (вмѣсто Англійскаго) флота Капипана и проч.* За симъ разрядомъ слѣдуетъ *Критика*. Это совершенство *оглавленіа*. Сперва напечатано большими буквами: *Критика*; послѣ того, ниже: *Разборъ книгъ*; еще ниже — выписки изъ устарѣлыхъ и болшею частію прошлогоднихъ книжекъ Французскаго періодическаго Журнала *Revue Encyclopédique*, гдѣ сообщаются извѣстія о нововыходящихъ книгахъ Англійскихъ, Датскихъ, Шведскихъ, Испанскихъ, Италіанскихъ, Нѣмецкихъ и ш. п. Извѣстія сія, само по себѣ разумѣется, чрезвычайно поверхностныя, пакъ скажешь, библиографическія указанія или выписки изъ новыхъ каталоговъ — но для Телеграфа это настоящее сокровище, и онъ облекъ это въ названіе *Кришики*! Читатель, особенно неопытный, взглянувъ на Англійскія, Датскія, Испанскія, Италіанскія заглавія книгъ — и Богъ вѣсть что подумаешь. Вошь-де у насъ спали разбирать иностранныя книги: славно! Даже молодые Литераторы по-

падають въ сѣпи, не сообразивъ, что въ этой смѣси, помѣщающихся безъ всякаго разбора сужденія справедливыя или пристрастныя, и книги занимательныя въ чужихъ краяхъ по мѣстнымъ обстоятельствомъ, отношеніямъ, и положенію политическому и спациалическому; не разсудивъ, что изъ этихъ книгъ девять десятыхъ не прійдешь въ Россію, а если и прійдешь, то изъ сего числа многія будутъ безполезныя. Молодой чловѣкъ, не зная, что эти выписки въ Телеграфъ изъ *Revue Encyclopédique* дѣлаются совершенно на удачу, именно для того только, чптобы имѣть *иностранныя заглавія*, говоришь, взглянувъ на обертку: „хорошо, что сообщаютъ у насъ извѣстія объ успѣхахъ иностраннаго просвѣщенія!“ — Онъ не будетъ читать этого разряда — но впечатаніе произведено оберткою, и Издатель достигъ своей цѣли. Юноша рекомендовалъ Журналь богатому своему дядѣ, и одишь подищикъ внесенъ въ книгу. Далѣе, претій разрядъ, большими буквами: *Библиографія*, а маленьки: *Русская Литература*. Слнрный синонимъ — но не въ помъ дѣло: у Издателя Телеграфа все двойное. Эпоть разрядъ естъ по слуховое окно, чрезъ которое Г. Издатель бросаетъ камнями въ прохо-

жихъ, неломаящихся шапки передъ его Телеграфомъ. Исключая нѣсколько книгъ, разбираемыхъ студентами — здѣсь работаешь, или лучше скажешь, веселишься самъ Г. Издашель, удовлетворяя всею своимъ спрашьямъ и желаньямъ сердца. Здѣсь вы найдешь, что Исторія Кайданова никуда не годится, что Лексиконъ Ташицева, издаваемый купцомъ Глазуновымъ, самая бесполезная книга, а сей же Лексиконъ безъ дополненій, который Г. Издашель *видѣлъ* въ рукописи, и который издасть въ свѣтъ (неизвѣстно когда) Г. Ширяевъ — *будетъ* прекрасенъ; и поэтому не должно покупать Лексикона, изданнаго Г. Глазуновымъ, а пождать, пока выйдешъ Лексиконъ Г. Ширяева. Здѣсь, Русская Исторія почтеннаго патріота Сергья Николаевича Глинки называется вредною для дѣшей книгою. Тушъ почтенный Издашель Указашель по части Физики и Химіи, ученый и трудолюбивый Г. Щеголовъ, представлень невѣждою, ошличный Журналь его и все сочиненія, списавшія уваженіе ученыхъ и публики, названы негодными выписками, а нѣкто, написавшій брошюрку о Бошаникѣ, (сотрудникъ Телеграфа), выставлень впорымъ Линнеемъ. Здѣсь каждое мнѣніе Пешербургскихъ Журналистовъ оспорено, хотя бы они написали, и еще съ ссылка-

ми, что дважды два четыре. Здѣсь весь Журналь представленъ шаками, что на нихъ не смѣешь и взглянуть, а хуже всехъ въ міръ расписана Сѣверная Пчела и вообще все, издаваемое Гречемъ и Булгаринимъ. Мнѣнія здѣсь столь же измѣчивы, какъ видъ паровъ надъ болотомъ — одно недоброжелательство къ Гречу и Булгарину постоянню, и въ каждой книжкѣ, именно въ каждой книжкѣ, что нибудь прошиву нихъ напечатано. Эпосъ разрядъ характеризируетъ Телеграфъ, и наконецъ онъ довелъ его до того, что книгопродавцы и сочинители вовсе не дорожатъ мнѣніемъ сего Журнала, а публика вовсе не справляется съ мнѣніемъ его о книгахъ, и раскупаешъ шѣ, которыя болѣе были обруганы въ Телеграфѣ: ссылаюсь на Исторію Кайданова, Лексиконъ, изданный Глазуновымъ и многія другія. Послѣ *библиографии*, слѣдуешъ новый разрядъ, подъ пышнымъ заглавіемъ: *Современныя лѣтописи*. Я совѣтовалъ бы почтенному сотруднику Телеграфа, Князю П. А. Вяземскому, написавшему спашью подъ заглавіемъ: *О злоупотребленіи словъ* (\*) (No I Телегр. 1827), включити и *Современныя лѣтописи Теле-*

(\*) Спашья сія есть подражаніе спашѣ сочин. Г. Булгарина: *Новое значеніе старыхъ словъ*, напеча-

графа въ списокъ исчисленныхъ имъ злоупотребленій. Какой предметъ для прозопопеи! Авторъ могъ бы воскликнуть: возснатьше изъ могилъ, вы, Русскіе Лыпописцы; проснитесь, почтенный Неспоръ и цѣлый рядъ продолжателей; посмотрите, чѣмъ кончился прудъ вашъ, и какое *продолженіе* составляетъ попомокъ вашъ, для будущихъ Историковъ и поколѣній! — Въ самомъ дѣлѣ чудо, а не современные лыпописи! Здѣсь опять Revue Encyclopédique является на сцену. Въ семь разрядъ Г. Издатель Телеграфа помѣщаетъ нѣсколько переводныхъ спашеекъ (изъ отдѣленія: Nouvelles scientifiques et littéraires) *короче утиного носа*, какъ говорится; даетъ каждой спашейкѣ новое заглавіе, а изъ этого выходить на оберткѣ прелестное разнообразіе, множество громкихъ именъ и пріятная пустоша для ума и сердца. Въ семь разрядъ Телеграфъ не гнушается перепечатываніемъ изъ Сѣверной Пчелы современныхъ Биографій и Некрологій, въ усѣченномъ видѣ, безъ показанія источниковъ, какъ во всемъ и всегда.

---

шанной въ Лихературныхъ Листкахъ. *Сог. Письма.*  
— Не подражаніе, но старая пѣсня на новый ладъ.

Ө. В.

Симъ оканчивается *первое* отдѣленіе Журнала, и начинается *второе*. Разрядъ первый, *Словесность*, заключаешъ въ себѣ *два подраздѣленія*: Стихошворенія и Прозу или повѣсти. Это:

И проза и стихи

Лихературные грѣхи!

Въ стихошвореніяхъ, блескъ нѣсколькихъ бездѣлушекъ Пушкина окупается такимъ множествомъ всякой всячины — что не знаешь, чему удивляться, смѣлоспи ли Авторовъ или самого Издателя. Но обертка песпра, и Издатель достигъ своей цѣли.

Во второмъ разрядѣ *Словесности*, заключается *Смѣсь*, гдѣ также помѣщается обыкновенно нѣсколько выходокъ прошиву нелюбимыхъ Журналовъ, что-то такое подъ названіемъ *мыслей*, и наконецъ Парижскія моды на Французскомъ и на Русскомъ языкахъ. Я сказалъ на Русскомъ: *Грипусье* доказалъ публикѣ, каковъ Русскій языкъ въ этомъ разрядѣ, а Бригадирша, изрѣзавшая шаль на башмаки, убѣдила, съ какою степенью довѣренности должно сѣдывать предписаніямъ Г. Издателя. — Выставка кончился каршинокю, перепечатанною изъ устарѣлаго Парижскаго Журнала, и — конецъ!

Чтобъ имѣть общее понятіе о составѣ книжекъ Телеграфа, рассмотримъ одну, наиримѣрь No 21, 1826 года. Подивись, любезный другъ! здѣсь на шести съ половиною печатныхъ листахъ, вписано 19 страницъ различнаго содержанія, съ особеннымъ заглавіемъ, и сужденія и извѣстія о 48 Русскихъ книгахъ, что занимаешь болѣе сорока строкъ на оберткѣ. Спрашиваю у самыхъ безпристрастныхъ цѣнителей Литературы: можешь ли быть основательность и лица уму въ такомъ литературномъ паплетѣ? Физически невозможно. Но книжка полста, обертка пестра, уснарявая модная картинка раскрашена, и Авторъ достигъ своей цѣли.

### 2. Образцы сужденій Телеграфа.

Г. Издашель Телеграфа, вооружаясь вдругъ прошиву *осьми* дѣтскихъ книгъ (\*) (снр. 49 и 50, No 21, 1826), говоришь: „заглавія

(\*) Почтенный Издашель Телеграфа, во время пребыванія своего въ Пешербургѣ, говорилъ намъ, что онъ самъ занимается составленіемъ дѣтской Исторіи и Географіи. Ожидаемъ съ неперывнѣемъ выхода въ свѣтъ сихъ книгъ, и увѣрены, что онѣ будутъ лучше сихъ осьми, раскришкovanýchъ въ Московскомъ Телеграфѣ. *Изд.*

явкопорыхъ изъ нихъ уже доказываютъ степень познаній Сочинителей сихъ книгъ. Можно ли сказать: *изданная въ пользу дѣтей*, если прибыль отъ продажи книгъ не ошдаешся дѣтямъ? — Какова Логика!

### 3. Примеры слога.

Въ 1825 году, напечатаны были въ Сѣверной Пчелѣ, въ Сынѣ Отечества и особою книжкою многія доказательства познаній (съ минусомъ) Г. Издашеля въ Русскомъ языкѣ и искуства его въ переводахъ съ Французскаго; (наиримѣрь, гдѣ серебряная посуда названа *бильсэмъ* и ш. п.). Это дѣло прошлое, и съ тѣхъ поръ слогъ и переводы дошли до такой степени, что уже невозможно писать иначе замѣчаній на снпаны Телеграфа, какъ развѣ при каждой книжкѣ онаго издавая такой же величины книжку, съ поправками и уроками Русской Грамматики, Риторики, Логики, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и проч. и проч. и проч. Но какъ это невозможно, а еще невозможнѣе, собратъ въ одномъ письмѣ многіе примѣры слога, по я довольствуюсь выпискою какого нибудь мѣста, совершенно на угадъ. Развертываю номеръ 5, 1826 года, и книжка открывается на 18 — 19 снр. Это Повесть (начинающаяся на снр. 11) подѣ

заглавіемъ: *Ботаникъ*, сочиненіе извѣстнаго прелестнымъ слогомъ, Нѣмецкаго Писателя Гофмана. Прочтемъ что либудъ: „Евгеній принадлежалъ къ числу пѣхъ людей, *которымъ* совершенно хорошо въ маленькомъ кругѣ, гдѣ они дѣйствуютъ вольно и весело, *которые*, положивъ *прекраснѣйшую*, единственную цѣль своей жизни науку или искусство, *которое* ставшия собственностью ихъ ума — достигаютъ его; *которымъ* небольшая область ихъ родственного круга (?) кажется плодотворною поляною среди большой, недружелюбной, негоспепримной степи, *какою* почитаютъ они *всякую другую жизнь*, потому что не надѣются вспунить въ нее безъ опасности.“ — Каковъ періодъ отъ почки до почки? Клянусь честью, что я со всѣми этими *кои*ми и *которыми*, *свободностью ихъ круга* и проч., ничего не понимаю. О Грамматику ни слова. Но любопытство влечетъ меня далѣе, и я продолжаю для себя выписывать. — „Извѣстно, что подобные люди (т. е. изъ области круга) всегда оспаютъ по чувствамъ дѣтьми или почти дѣтьми. Они недовки, спранны и, облеченные въ *твердую броню маленькаго педанства*, необходимаго слѣд-

ствія ихъ занятій, кажутся сухими и бездушными. Они часто подвергаются насмѣшкамъ, кошорья позволяешь себѣ невѣжеству, увѣренное въ легкой побѣдѣ (\*). — Но въ груди этихъ людей перѣдко *горитъ голубое пламя высшаго сознанія*.“ — Спои! карать! Помилуйше, Г. Издашель, что значить *голубое пламя высшаго сознанія*? Въ чемъ сознаются на высоту, и почему это сознаніе горитъ, какъ спиртъ, голубымъ пламенемъ? Чудеса! — Далѣе, далѣе! — „Хладнокровно смотри на *смутныя волненія пестрой свѣтской жизни* — они со всею любовью и вѣрою опдаются одному пруду, и онъ оспаетъ посредникомъ *между ними и вѣчными могуществомъ всякаго бытія*: ихъ безмятежная, тихая жизнь естъ непрерывная служба Всевышнему, въ вѣчномъ храмѣ всемірнаго разума. Таковъ былъ Евгеній.“

А я скажу, шакое *есть Московскій Телеграфъ!* —

Разгадай, пожалуйста, на досугѣ, что значать: *смутныя волненія пестрой свѣтской жизни, и вѣчное могущество всякаго бытія*? Вошь задача, за разрѣшеніе копорой

(\*) Я бы совѣшовалъ Моск. Телегр. взять это рѣченіе эпиграфомъ къ разряду: Библиографія. — Право недурно! Сог.

я общаю тебѣ степень Доктора Телеграфскаго любомудрія.

Перевершываю спраницу, въ надеждѣ пайши чшо нибудь еще милѣе, и снова берусь на удачу выписывать: „Я знаю, продолжала она, между тѣмъ какъ изумленный Евгений глядѣлъ на нее *во все* глаза.“ — Нышъ, болѣе не могу выписывать; — *все* глаза мои наполнились слезами ошъ смѣха!

И шакъ, вошь чшо находится въ полспыхъ книжкахъ съ неспрыми обертками, кошорыхъ Издашель сдѣлался судьей и цѣнителемъ дарованій! Довольно: закрываю книгу и кончу мое сужденіе спсихомъ изъ Комедіи: Горе ошъ ума:

Вошь наши спрогіе цѣнителн и судьи!

Ты спросишь меня: имьешь ли Московскій Телеграфъ чипашелей? Не знаю — но онъ имьешь покушателей — а одно споншь другаго. Кончу мое письмо фразою à la Телеграфъ:

*Хладнокровно смотря на смутный волненія пестрой свѣтской жизни, я вижу, какъ люди, облеченные въ твердую броню маленькаго педантства, успѣвають возжигать голубое пламя высшаго сознанія въ просподушныхъ любителей Словесности, чшо Журналь полстный и неспрый долженъ бышь хорошимъ; эши почтенные люди*

глядяпть *во все* глаза на обертку, и подписываюшся, а Издашель доспигаешъ цѣли — и дѣло съ концемъ. До первой почшы.

Д. Р. К.

## V.

# СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Джонъ Адамсъ, бывшій Президентъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Скончавшійся 4 Юля 1826 года, на 91 году ошъ рожденія, бывшій Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Джонъ Адамсъ, родился въ Масачузетской области, 19 Октябрия 1735, и по прямой линіи происходил ошъ одного изъ первыхъ поселенцевъ, кошорые, въ 1608 году, основали Масачузетское селеніе. Онъ былъ сначала содержателемъ Училища, потомъ законовѣдцемъ, и славился уже своими достоинствами, когда Американская война открыла ему новое поприще. Въ 1774 году, онъ былъ избранъ въ Члены Конгреса, и снова въ 1775 году.

Онъ былъ открытымъ врагомъ Англійскаго Министерства, участвовалъ въ сочиненіи, и усердно содѣйствовалъ къ успѣху знаменитаго объявленія оны 4 Юля 1776 года. (Онъ умеръ, спустя пятьдесятъ лѣтъ, въ самый сей день.) Вскорѣ пономъ онъ отправленъ былъ съ Франклиномъ, Посланникомъ къ Французскому Двору и заключилъ союзный договоръ между Америкою и сею Державою. По возвращеніи своемъ въ отечество, онъ участвовалъ въ учрежденіи гражданскаго порядка въ Масагусетъ, пономъ былъ наименованъ Полномочнымъ Посломъ въ Нидерандахъ, успѣлъ заключить дружественный и торговый договоръ съ симъ Государствомъ, получилъ оны него значительную денежную помощь и убѣдилъ Генеральныя Шшашы объявить войну Англій. Когда надлежало заключить договоръ, который Англій признала независимость Сѣверной Америки, онъ явился искуснымъ посредникомъ въ Парижѣ. Возвратившись ошуда, онъ совѣщовалъ, не измѣняя умеренному характеру своему, имѣть снисхождение къ Лоялистамъ (шакъ назывались Американцы, оставшіеся вѣрными Англійскому Правительству), и шѣмъ обратилъ на себя подозрѣніе республиканской партіи. Будучи посланъ въ Лондонъ для заключенія

договора, онъ не имѣлъ успѣха въ одномъ этомъ предпріятіи. Послеъ того онъ преимущественно занимался преобразованиемъ внутренняго правленія, и содѣйствовалъ къ принятію харшіи 1787 года, коей приверженцы, называвшіеся Федералистами, были обвиняемы въ аристократизмъ демократическими Республиканцами, соспоявшими подъ начальствомъ Джефферсона. Джонъ Адамсъ, при Вашингтонѣ избранный Вице-Президентомъ, пышною жизнью, богатствомъ, а преимущественно извѣстнымъ своимъ образомъ мыслей, обратилъ на себя подозрѣніе и упреки. Почти въ то же время открылась Французская революція и возгорѣлась война между Франціею и Англіею. Вашингтонъ и Адамсъ прощивились разрыву съ Англіею, котораго желали Демократы; они даже заключили съ нею союзъ, который пономъ, въ слѣдствіе ужасовъ Французской революціи, одобренъ былъ самою прощивною партіею. Во время втораго Президентства Вашингтонова, Адамсъ былъ снова избранъ въ Вице-Президенты; а когда, при шрещемъ выборѣ, Вашингтонъ не принималъ Президентства, Адамсъ заснулъ его мѣсто въ Конгресѣ, вопреки Джеферсону и его партіи. Во время управленія своего, онъ постоянно слѣдовалъ принятымъ однажды

правиламъ, непрерывно дѣйствовали прошивъ Франціи, и наконецъ въ 1798 году, призвалъ молодыхъ ратниковъ къ оружію, а Вашингтону поручилъ начальство надъ войсками. Онъ приказалъ крейсировать прошивъ Французскихъ кораблей, и Конгрессъ торжественно одобрилъ его поступокъ. Между тѣмъ совершенный разрывъ съ Франціею былъ предупрежденъ перемѣною, происшедшею въ шагономъ правленіи 18 Брюмера (избраніемъ Наполеона въ Консулы). Зимой 1799 года, Американскіе Полномочные прибыли во Францію для переговоровъ о мирѣ. Тогда Адамсъ предъ Конгрессомъ всенародно ошдалъ отчетъ въ своемъ управленіи, объявилъ о перенесеніи мѣстопробыванія Правительсва въ Вашингтонъ, и сложили съ себя должностъ. На мѣсто его посунули Джефферсонъ. После того Адамсъ жилъ еще болѣе четверти вѣка въ полезномъ досугѣ, покровительствуя Науки и Художества, тѣмъ болѣе, что онъ самъ прежде съ успехомъ подвизался на поприщѣ Литературы (преимущественно въ своемъ Защищеніи Американскихъ Правительствъ, или Исторіи Республикъ, Лондонъ 1787). Сей послѣдній періодъ жизни онъ провелъ въ своемъ помѣстьѣ, лежащемъ въ одной милѣ отъ Бостона. Онъ еще при жизни своей

имѣлъ удовольствіе, видѣть своего знаменитого сына Президентомъ Северо-Американскаго Конгреса, на шомъ мѣстѣ, кошорога ему не суждено было занять вторично, какъ онъ, можешь бышь, шого надѣялся. Босонскій Комендантъ, получивъ извѣстіе о его смерти, приказалъ сдѣлать 60 выстрѣловъ изъ пушекъ; а Губернаторъ и Члены городского Правленія присуствовали при погребеніи его, 7 Іюля 1826 года.

М.

## VI.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

## I.

## Рожденіе Мессіи.

Спокойная ночь испустилась съ небесъ;  
 Вошце разлился аромать усыпленья;  
 Природа не дремлетъ — полна умленья —  
 Предчувствуешь близость чудесъ.  
 Вошце распросерлись по пастбищамъ злачнымъ  
 Усталые пастыри стады —  
 Ихъ души священнымъ восторгомъ горятъ;  
 Ихъ взоры блуждаютъ по тучамъ прозрачнымъ.  
 Градь Вплесемъ, надъ твоею главою  
 Яркія звезды тѣсняшя полпой,

Сребрянымъ дымомъ швой ликъ облеченной  
Тайну скрываетъ ошь смушной Вселенной!

Чей гласъ сладкозвучный

Въ гармоніи шхой

Ліешся съ небесь?

Не арфы бряцавье,

Не звуки шимпана,

Не смершнаго пьсьнь!

Разверзлося небо,

Разверзся Эдемъ,

Крылашья силы,

Въ сіяніи горнемъ,

Нисходяшь во градъ Виелесемъ!

Нисшелъ, нисшелъ Спаситель Мира!

Иуды Царь, воще шрепещеш ты:

Его рамень швой не осквернишь порфира,

Онъ блескомъ облеченъ небесной льюпшы!

Младенець въ пеленахъ, въ вершепъ согровенный,

Уже кровавый мечъ сверкаеш надъ шбой;

И Царь Иуды раздраженный

Лешить на Виелесемъ погибельной грозой.

Не плачь, Рахиль, о чадахъ избєнныхъ,

Ланишы осуши, — настанеш грозный часъ!

Мессія внемлеш спощь младенцевъ сокрущенный,

Онъ внемлеш швой плачевный гласъ!

Мессію ополчишь Всевидящій Владыка,

Возстанеш сей Младенець-Исполнїи:

И ошь Его пылающаго лика

Изсохнешъ врагъ, какъ быліе долинь.

1826.

2.

Н А И Г Р У В. И. Г — в о й.

Игрой искусной и прїятной,

Какъ иькой силой непопашной,

Умьла ты въ моей груди

На время усыпишь спраданья,

И всю печаль воспоминанья;

Всю скуку грушнаго пуши

Невольню я позабывала,

И лишь шебъ одной внимала.

Проворной, легкою рукой

По звучнымъ клависамъ лешая

И въ тонахъ душу изливая,

Ты душу и мою съ собой

Въ спраны мечшанїи уносила...

И я, пльнясь игрой швоей,

Теперь шебя душою всей

Еще сильнѣе полюбила.

Л . . . . . И . . . . . а.

1826 г. Окшбрия 24.

Чугуевъ.

3.

Стихотворная коляска.

( Побасенка. )

Закашилось, закашилось

Солнце ясное за лѣсъ,

Засіялъ ночный навѣсь.

Ушихало все, ложилося —

Лишь не спалъ досу́жій бѣсъ  
 И шепталъ мнѣ мой чертенокъ,  
 Кучу разныхъ побасенокъ.  
 Безошвязный говоритъ :  
 „Вотъ однажды, что случилось :  
 Покашилась, покашилась,  
 Слышу : ъдешь и гремишь  
 По дорогѣ вязкой, тряской,  
 Стихотворная коляска :  
 Всякій колышекъ звенишь.  
 Мыслей связками набитый,  
 Эпиграммами обшитый,  
 Безпокойный экипажъ  
 Видно дѣланъ на шабашъ.  
 Русская видна работа :  
 Все непрочно, все дрожишь,  
 Мишура и позолота  
 На минуточку горитъ.  
 И на дверцахъ гербъ кудрявой  
 Незавидной красомы:  
 Смѣсь ума и острошья,  
 Темношья и пестрошья.  
 Но сказать ли вамъ? За славою  
 Ёдешь тряскій экипажъ!  
 Лошади — такая блажь :  
 Всѣхъ и передомъ и задомъ  
 Бьютъ, лягаютъ, хоть парадомъ  
 Обучалися ходить —  
 Но привычекъ не забышь! —  
 „Кто, скажи, голубчикъ, ъдешь?“  
 Я у кучера спросилъ. —  
 „Остроша!“ — онъ говорилъ.  
 — „Недалеко же уѣдешь,

Недалеко, мой родной,  
 Его Ясношья, баришья твоя.  
 Знать не знаешь онъ, конечно,  
 Да и ны, мой другъ сердечной  
 Видно ѣдшиш не привыкъ.  
 Здѣсь дороги шокки, тряски,  
 Тонуть многія коляски,  
 Можно прикусить языкъ.  
 Какъ придется подыматься  
 Тамъ на горкъ-на горъ,  
 (Высока она добръ  
 И Парнашъ изволишь звашья):  
 То колясочкѣ твоей  
 У подошвы дожидашья  
 Съ кучей мыслей и замъй.  
 Ваша брѣчка не шепленька —  
 А погода холодненька!  
 Правда: можешь баришья твоя  
 Съ теплотой и проснотой,  
 Неподдѣльной красотой,  
 Ёдтиш на крушую гору  
 Ночью, днемъ, во всяку пору,  
 Хоть и лѣтомъ, хоть зимой,  
 Но безъ этого всѣ снѣжи  
 Вылепяш изъ колесницы.  
 Не сердисъ, соколикъ мой!  
 Но послушайся разочекъ:  
 Погоди, пока денёчекъ  
 Разсвѣнешъ; шеперь шемно  
 Побожусъ: немудрено  
 Съ языкомъ на вѣкъ проспнѣшья.  
 Коли нада шоронишья —  
 Засвѣши хоть фанари.“ —

— „Простофиля! ты не ври.  
 Не съ швое мы оба знаемъ :  
 Я и свѣпый баринъ мой  
 И не въ первый разъ взъѣжаемъ  
 На гору, *Парнасъ крутой*.  
 Неучи-ка: мы съумѣемъ  
 Перѣхатъ какъ нибудь,  
 И навѣрное поспѣемъ  
 На ночлегъ отдохнушь  
 На столовъ, на пуховомъ,  
 Въ колпакъ съ вънкомъ лавровымъ  
 Мы надѣмся заснушь  
 У голубушки, у Славы.“  
 Такъ сказавъ, спалъ кучеръ бравый  
 Возжи шелковыя бранъ,  
 Рукавицы оправляшь.  
 „Погоди хопя немножко!“  
 Съ лаской я ему сказалъ.  
 Но вощь вижу: изъ окошка  
 Баринъ съ сердцемъ закричалъ :  
 „Посмотри, какая крошка :  
 Ошь земли его не знашь !  
 А изволишь поученья,  
 Наснавленья всѣмъ чшашъ !  
 Какъ я выду изъ шерпъня ,  
 То велю накосшыляшь  
 Спину и порядкомъ шею  
 Грубіяну, рошозью.  
 Прикажу своимъ людямъ,  
 Чшобъ огрѣли по ушамъ.“  
 — „Ваша Ясность! я, ей Богу,  
 Самъ не знаю про дорогу —  
 А слыхалъ ошь шариковъ:

Пушь не очень-то здоровъ.  
 Въ старину не меньше знали,  
 А частехонько цѣвали  
 (Я запомню пару словъ)  
 „*Парнасъ гора высокая* ,  
 „*Дорога къ ней негладкая!*“  
 — „Охъ ужъ эти шарички !  
 То-шо были простячки !  
 Обо всемъ они старались:  
 Объ каретахъ, сундукахъ,  
 Объ дорогъ, лошадахъ,  
 И прусцею все шаскались  
 За семь верстъ и до *Руки*;  
 Не набивши погребки,  
 Безъ запаса не пускались.  
 Съ ними былъ въ дорогъ Врачъ :  
*Размышленге и Терпенье* —  
 А у насъ одно умъне :  
 Ъдемъ хошь на часъ — да вскачь.“  
 — „Исный! долго ли упарилъ  
 Такъ лошадушекъ швоцхъ;  
 Больно мнѣ, смотря на нихъ...“  
 — „Миѣ ль съ тобою шарабарилъ,  
 Деревенскій краснобай!  
 Кучеръ! прыщче погоняй!...“

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
БИБЛИОГРАФІЯ.

Журналы и Вѣдомости.

1827.

Въ Санктпетербургѣ.

(Продолженіе.)

*Дѣтскій Музеумъ или Собраніе изображеній и описаній предметовъ Естественной Исторіи, приспособленныхъ къ понятіямъ дѣтей, на Французскомъ Нѣмецкомъ и Россійскомъ языкахъ. С. П. б. 18 въ шп. Ив. Глазунова въ 4 д.*

Считаемъ обязанностію вновь обратить вниманіе публики отечественной на сіе общепольное изданіе, которое, подъ сокращеннымъ заглавіемъ дѣтской книги, заключаемъ въ себѣ изображенія и описанія предметовъ Естественной Исторіи, достойныя вниманія и взрослыхъ любителей сей Науки. Теперь начинается двадцать первый томъ сего изданія, начашаго съ 1815 года. Преніе 20 томовъ заключаютъ въ себѣ 118 книжекъ. Въ наступающемъ году выйдутъ книжки съ 119-й по 130-ю. Цѣна годовому изданію (12 кн) 25 р., съ пересылкою 30 р. Пренія 20 частей продаются за 200 р. Подписка принимается въ книжныхъ лавкахъ Г. Глазунова.

Къ выходящимъ на нынѣшній годъ Альманахамъ должно еще причислить:

8. *Календарь Музъ.*

(См. N№ 13 и 14 Сѣв. Пчелы).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № III.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРТИНЫ.

(Окончаніе).

Эдуардъ спалъ дѣлать приговоренія къ той пирушкѣ, о которой условился съ Эйленбекомъ. Недавно еще приближеніе этого вечера казалось ему шагоспнымъ, и онъ желалъ скорѣе ошдѣлаться; но теперь шаково было расположеніе духа его, что онъ съ удовольствіемъ ожидалъ шумныхъ часовъ, въ которыхъ, казалось ему, должно будетъ распрощаться навсегда съ веселостію. Вечеромъ явился шарикъ со слугою, и оба струзили съ себя двѣ корзинки съ виномъ. „Что это?“ спросилъ Эдуардъ, „развѣ не взялся я угощать васъ?“ — „Ты самъ по себѣ,“ сказала шарикъ: „а я принесъ еще нѣсколько буылокъ въ запасъ, пошому, что ты не совсѣмъ разумѣешь это дѣло; мнѣ же хочется сегодня какъ можно поразгудаться.“

„Хотѣшь бышь веселымъ“ — разсуждалъ Эдуардъ: „это намѣреніе опъзывается чѣмъ-шо печальнымъ; однако на эшошь разъ и я его принялъ, вопреки себѣ и судьбѣ своей.“

„Вошь славно! и у тебя ешь судьба!“ — сказала Эйденбекъ смѣючись: „Пусть шакъ! но что она шакое, когда мы сами въ состояніи управляшь ею? Нужно умнѣе жить въ свѣтѣ, мой любезный, пользовашь ся обстоятельствами, самому выискивать ихъ. Вошь, на примѣръ, я: у нашего добраго Принца зашибъ себѣ порядочныя денежки, и если буду умень, заживу какъ нельзя лучше, пошому, что онъ славно мнѣ покровительствуетъ, купишь у меня еще кое-что и будешь давать занятіе собственной моей кисти. Онъ изволилъ говорить, что я здѣсь въ городѣ не на своемъ мѣстѣ; что не довольно меня знаютъ, и недосааетъ мнѣ поощренія. Можешь бышь, возьмешь онъ меня съ собою и образуешь изъ меня испаннаго аршиста; въ доброй волѣ нѣшь у него недосаашка, а мой умъ, таланты мои послужать къ шому, чтобы его понимаешь и даваешь пищу его совѣшамъ.“

— „Ты величайшій плушь!“ сказала Эдуардъ: „смѣшно, право, какъ выгодно умѣль ты сбывшь съ рукъ своего Юлія Ро-

мано; однако я не желалъ бы бышь на швоемъ мѣстѣ.“

Спарикъ, выпрямлясь передъ нимъ, пошомръль ему приспально въ глаза и сказалъ: „а почему жѣ бы не шакъ, мой милый? Если бѣ досаало у тебя на шо умнѣя! Всякой рисуешь и мажешь съ плеча, спараясь выдашь себя лучшимъ, нежели каковъ ешь, и желая прослышь оригинальнымъ, между шѣмъ, какъ большая часшь оспаюцца все шолько размалеваными копіями съ копій. Если бѣ ты слышалъ, какъ покровишель мой разбиралъ по мелочамъ всю картину, было бы чему тебѣ поучишься! Теперь шолько я пошигаю всѣ шопкостши, всѣ намѣренія Юлія Романо; ты не повѣришь, какъ много не досмотрѣно, какъ мало знакомъ я былъ съ его образцовою кистью. Въ самомъ дѣлѣ, истинное наслажденіе вникаешь до малѣйшихъ подробностей въ шакого аршиста, и когда поймешь его совершенно во всѣхъ часпяхъ, шо вдругъ объемлешь какое-шо благошворное чувшьво, какъ будшо самъ имѣлъ нѣкоторое участіе въ его превосходствѣхъ; да и шочно, пошпигать искусшвенное произведеніе вполне, значить нѣкоторыми образомъ шворишь его. Какъ благодарень я своему Свѣшлѣйшему покровишелю, что, кромѣ денегъ, спа-

диль онъ меня эпою полношю чувствъ ищящаго Художника.“

„Если бь я не видалъ, какъ рисовалась картина,“ вскричалъ Эдуардъ улыбаясь, „шо, пожалуй, увѣрилъ бы онъ меня, что она шочно работы Юлія Романо.“

— „Что ты видѣлъ? ошвѣчалъ спарикъ въ запальчивости: „разумѣешь ли ты магію Искусства и шѣхъ невидимыхъ духовъ, кошорые посредствомъ красокъ и рисунка выводяшся на свѣтъ и воплощающся? Вошь здѣсь-шо и шайны для прошолюдина. Неужели ты думаешь, что рисуешь для шого шолько, чтошбъ рисовать, и что когда ешь пашпра, кисти и благое намѣреніе, шакъ эшого и довольно? Нѣшь, голубчикъ, шущь надобно множешно чудесныхъ соприкосновеній, звѣзднаго наипіа и благоволенія многоразличныхъ духовъ: иначе не произведешь ишчего порядочнаго! Въ обширномъ надземномъ проспраншвѣ, въ пушношъ, въ шуманъ, носяшся и кружащя всѣ шѣ изображенія, кошорыя когда-шо существовали и зашерыны. Надобно, чтошбъ нашелся понашпливый человекъ, кошорый бы доставиль ишъ случай низойши долу, и снова осуществившся. О, мнѣ много штруда стоило пойманъ эпошъ вымыселъ превосходнаго Римскаго Живописца. Тутъ надобно побольше

умѣнья, нежелп, бывало шевъ въ ребячештва подманивашъ голубей опъ сошвдей. Если ты думаешь, что кшо либо, рисуя изъ Священной Исторіи, не долженъ усшремиться на свой предметъ со всевозможнымъ благоговѣніемъ, шакъ ты очень заблуждаешься; и вошь, молодой нашъ пріятель Динрихъ шоспарашся вывести шевя изъ эшого заблужденія.“

Динрихъ, слыша при входѣ шолько послѣдную рѣчь, пушнлся въ проспранныя ошомъ сужденія, а между шѣмъ Эйленбекъ велѣлъ накрывашъ на шоль и началъ ушашавливать вина. Пошомъ обратился опъ къ Эдуарду съ вопросомъ: „что же ты думаешь предириняшъ въ будущемъ?“

— „На первый разъ не много,“ ошвѣчалъ шопъ: „хочу прошвердиль, что было иш-когда выучено и уже забышо, займусь въ особенноти Исторією и новыми языками. Въ издержкахъ шоспарашю ограничить себя, сколько возможно, ошдамъ въ наемъ весь домъ свой, кромъ эпошъ залы и еще двухъ комнашъ. Такимъ образомъ надѣюсь пробишья ишъсколько лѣтъ, и успѣю пригошовить себя къ заняшю какого нибудь мѣшпа.“

„Такъ здѣсь-шо будешь ученый швой кабинетшъ?“ сказалъ Эйленбекъ, покачивая голо-

вою. „Признаюсь, шакой безпорядокъ не нравится мнѣ; и спѣны-шо здѣсь не шаковы, чшобъ возможно было хорошо въ нихъ учишься: нѣшь наспоющаго опголооска; даже комнаша совсѣмъ не квадрашная, мысли швои будешь сильно опскакивашь и пушашься, и если шы задумаешь чшо нибудь мудреное, шо все собешся у шебя въ кучу. Чудакъ былъ покойный швой бапюшка! По какому свое-нравію испоршилъ онъ въ послѣдніе свои годы эшу прекрасную залу? Прежде, кромѣ оконъ на улицу, были еще вошь здѣсь, съ превосходнѣйшимъ видомъ на садъ и паркъ, на холмы и опдаленныя горы. Онъ не поль-ко загородилъ эшошь видъ, но и задѣлалъ окна опсюда изнушри досками и обоями, я чаю, на полшора аршина: эшимъ совсѣмъ испоршился размѣръ комнашы. На швоемъ мѣсшѣ я сломалъ бы эшу загородку, а коли ужъ должно обойшисъ безъ какихъ нибудь оконъ, скорѣе задѣлалъ бы вошь эщи — на улицу.“

— „Тутъ совсѣмъ не было своеправія,“ сказала Эдуардъ: „а съверный въшеръ ходилъ комнашу, въ кошорой отецъ мой любилъ сидѣшь. Прекраснымъ же видомъ въ эшу спорону могъ онъ наслаждашься изъ другихъ комнашъ.“

„Если бъ старикъ Вальшеръ былъ умень,“ продолжалъ Эйленбекъ: „шо все успроилось бы, какъ нельзя лучше. Пускай опдалъ бы онъ шебъ дочь свою; вѣдь ей не вѣкъ оставашься въ дѣвкахъ! Тогда бы шы женилъ!“

— „Молчи!“ вскричалъ Эдуардъ съ жаромъ: „дай мнѣ хоть сегодня забышь шо, чего я надѣялся, и о чемъ мечшалъ. Съ шѣхъ поръ, какъ почувшвовалъ я, къ своему ужасу, чшо люблю ее, не хочешся мнѣ и вспоминашь о ней. Горько и подумаешь, какъ я глупо, какъ непросишельно послунилъ съ опцемъ ея. Пущшь хоть сегодня я забудушь и ничшо не напоминаешъ мнѣ ея спраннаго со мною обращенія. Ахъ, какого счастья лишилъ я самъ себя! Вошь наказаніе моего легкомыслія! Но какъ я буду безъ нее жить, эшому должно еще научишь меня время.“

Между шѣмъ вошелъ молодой человекъ, бывший въ должности Эдуардова библиошечаря. „Вошь кашалогъ, о кошоромъ вы приказывали“ — сказалъ онъ, подавая нѣсколько листковъ приспѣженному юношѣ. — „Какъ?“ — вскричалъ сей, „до шесни сошь книгъ, не болѣе, осталось изъ всего прекраснаго собранія? И шуть все шолько самыя обыкновенныя?“ Библиошечарь пожималъ плечами. „Вы съ самаго начала хотѣли,“ опивъ-

чалъ онъ: „чтобъ я получалъ свое жалованье книгами; почему я и долженъ былъ продавать шакія, на которыя находилось больше покупателей; я же не великой знатокъ рѣдкостей, и, можешь быть, не умѣлъ ихъ цѣнить хорошенько; да къ тому же книги, особливо рѣдкія, въ разное время имѣютъ разную цѣну, а если продавецъ въ нуждѣ, то долженъ брать, чтобъ ему ни давали.“

„Такъ было бы лучше,“ сказалъ Эдуардъ съ выраженіемъ смѣха и горести: „совсѣмъ не имѣвъ библіотекаря, или продать всѣ книги въ самомъ началѣ: тогда получилъ бы я за нихъ деньги, или у меня уцѣлѣло бы собраніе книгъ. И какое собраніе! Какъ любилъ его покойный мой отецъ! Сколько радости было, когда онъ досталъ первыя изданія Пешарки, Данша и Бокаччіо! Могъ ли я позабыть, что въ большой часъ книгъ были замѣтки собственноручныя его! Ахъ, какъ дорожилъ бы я ими теперь! Впрочемъ, пошлявъ библіотеку, я долженъ, какъ уже вамъ объявилъ, распрощаться и съ библіотекаремъ. Однако сегодня еще мы попируемъ вмѣстѣ.“

Тутъ вошелъ человѣкъ, который нерѣдко принималъ участіе въ ихъ веселыхъ собраніяхъ, и который прослылъ между ни-

ми пѣшникомъ. Такъ называли его попому, что никогда не раздѣлялъ онъ шутокъ и забавъ своихъ шоварицей, а всегда брюзжалъ себя подъ носъ, и убирая блюдо за блюдо, стаканъ за стаканомъ, не переставалъ читать имъ спрогую мораль. „Еще бы скорѣе пришелъ крокодилъ,“ вскричалъ Эйленбекъ: „такъ мы и всѣ.“ Онъ говорилъ о маленькомъ гипохондрическомъ Бухгалтерѣ, который, не смотря на морщины и блѣдность, былъ одинъ изъ ошвантнѣйшихъ бражниковъ. Такое странное имя дали ему по той причинѣ, что онъ, при малѣйшемъ хмѣлѣ, начиналъ плакать, и чѣмъ долѣ пилъ, тѣмъ изобильнѣе текли его слезы. Дверь отворилась, и вошедшее плаксивое лицо дополнило собою это рѣдкое сходбище.

Споздъ былъ уже весь ушавленъ пашетамъ съ прюфелями, усприцами и другими лакомыми блюдами. Гости усѣлись и Эйленбекъ, котораго багровое лицо, между свѣчами, давало онъ себя ошблескъ, началъ шоржешвенно слѣдующую рѣчь; „Любезнѣйшіе друзья! Если бы кто либо изъ непосвященныхъ въ бесѣду нашу, явился вдругъ въ этой залѣ и ему представился бы кругъ нашъ, собравшійся какъ бы на пиръ, онъ могъ бы почто обмануться, и не имѣя ни съ кѣмъ изъ насъ близкаго знакомства, по-

думалъ бы, можешь бышь, что здѣсь зашѣваешь бражничанье и гульба, приличныя только грубой полпѣ. Даже одинъ молодой Художникъ, по имени Диприхъ, въ первый разъ сидящій за эшимъ столомъ, съ удивленіемъ озирается уже вкругъ себя и видя множество блюдъ и буылокъ, смотря на сіи пашепы и усприцы и на все пригошвление къ шоржеспиву, манишь себя къ излишнимъ чувственымъ наслажденіямъ; но какъ изумился и онъ, когда узнаешь, что давалъ совсѣмъ превращный шолкъ нашему собранію. Государи мои, прошу васъ успримить вниманіе на слова мои и не такъ легко пропускашь ихъ мимо ушей. Когда народы шоржеспивують при рожденіи Принца, когда, въ Аравіи, цѣлыя племена празднують при появленіи между ними Поэта, когда избраніе Лорда Мера почтено бываешь пирушкою, когда и часъ рожденія лошади опличной породы бываешь, но справедливоспи, ознаменованъ чѣмъ либо шоржеспивенымъ: шо не должны ли мы шѣмъ болѣе, въ умиленіи сердцеъ, чекнуся радостно спаканами, когда сама добродѣтель удостоиваешь низойши въ кругъ нашъ, пріивъ шѣлесное облаченіе? Да, друзья моя, съ сердечнымъ умиленіемъ произношу предъ вами: нѣкшо юный, вступающій на поприще до-

бродѣтели, находишься между нами; сего же вечера, онъ, какъ мошылекъ, пробьешься изъ куклы и успримить полепъ свой на новую жизнь. Кшо сей? спросише вы. Ошвѣшспивую: нашъ благородный хозяинъ, кошорый такъ часто угощаль насъ пирами, такъ часто наполняль наши рюмки. Но пламенное спремленіе, шопъ порывъ вдохновенія, о кошоромъ пѣвали древніе, испоргаешь его изъ среды нашей въ лучезарную высь, а мы, изъза сего спола, изъ-за буылокъ и рюмокъ, его земныхъ оспанковъ, взираемъ по слѣдамъ его съ изумленіемъ, съ головокруженіемъ, въ невѣднни, въ какихъ горнихъ предѣлахъ оспановитъ онъ полепъ свой. — Всѣ мы способны къ шакому вдохновенію, почему и сидимъ шеперь здѣсь, за столомъ, какъ на распушин, онъ кошораго разбѣгаются врознь многоразличные пуши по разнымъ противоположнымъ направленіямъ. На такихъ главныхъ станціяхъ, обыкновенно означаюся на пирамидальномъ сполбѣ разстоянія городовъ на всѣ чешыре споронъ свѣта. Почши шо же являешся намъ и здѣсь. Эши усприцы ведутъ, при ѣдъ неумѣренной, къ болѣзни, эшо Бургонское — черезъ нѣсколько станцій къ красному носу, эши прюфели — въ водяной, желудочнымъ судорогамъ и другимъ немощамъ. Но нашъ

Эдуардъ, все по пренебрегая, идетъ прямо въ душамъ къ добродѣтели. Мы же, не спрашивая ни распыленныхъ лицъ, ни многослеса, ни чахошки, пойдёмъ своею дорогою. Однако и я скоро оставлю васъ, други; одна благородная особа, которой не смѣю шенерь назвать вамъ, одушевитъ хужешвенный мой геній до необыкновеннаго шворчесива, опонрешъ мнѣ дверь въ ошдаленные края идеальныхъ красосъ, сдѣлаешъ всего меня духомъ. Нашъ крошкѣй, смѣшливый Динрихъ, съ кошорымъ мы полько еще знакомимся, будешъ бодро проходить на поприщѣ Искусивъ и украшашъ опечешвенные алтари. Чшо сказать о тебѣ, библиошекаръ, о тебѣ, стоящемъ передъ пылыми шкапами, и не полько прочитавшемъ всю книжную мудросъ, но даже проглотившемъ ее? О пы, книгошочивый червь, послѣдовашель секшы Омара, испребишель бышописанѣй, пы, кошорый возмогъ новое Александрѣйское книгохранилище опушосишь новымъ замысловашымъ изобрѣшенѣмъ, шо ешь, извлекаа изъ шворенѣй генѣевъ свое, не духовное, а дѣйшвишельное существованѣе! Книгопродавцамъ Римскаго Государства надлежало бы посылашь тебѣ на свой кошпъ для уничтоженѣя повсюду, швоею разрушительною си-

лою, спарыхъ книгъ, для произведенѣя пошребносши въ новыхъ. О пы, приспѣжающѣй Сашурна, кошорый испребляль шолько собешвенныя свои порожденѣя: куда дѣвались они, швои подвласшныя, швои усыновленныя дѣшши, кошорыя съ золошыми корешками и обрѣзомъ, шакъ весело тебѣ улыбались? Ты обрашиль ихъ въ сребро, и какъ же послѣ шого не назвашъ тебѣ сребролюбцемъ? — Прощай и пы, шѣмиспъ, чешпнѣйшѣй между смершными, признанный врагъ всякаго вымысла и Поэзин! Подай и пы мнѣ руку на прощанье, бѣдный крокодилъ, уже упошающѣй въ слезахъ. Каково-шо будешъ тебѣ ошнынъ вышь и ревѣшь въ духошп шаверы? Въ лучшей жизни, въ лучшемъ свѣшп, все мы увидимся!

Задумчивый Эдуардъ и еще чуждый общешву Динрихъ, а шакже и Шѣмиспъ съ Библиошекаремъ, сидѣли молча и недвижимо, почему въ продолженѣе рѣчи и послѣ нея царешвовала въ залѣ какая-шо шоржешвенносшь, кошорая увеличивалась еще болѣе всхлипыванѣемъ и шпонами Бухгалшера, уже опорожившаго нѣсколькo рюмокъ.

„Сегодня шакой вечеръ,“ продолжалъ Эйленбекъ: „чшо не спѣшно провешши его иначе, нежели все другѣе, и въ дружеской бесѣдѣ захвашшь чашницу ночи. Какъ бы

хорошо было, другъ мой Эдуардъ, если бь звѣзда твоего счастья снова просіяла сегодня—если бь вдругъ, откуда ни возьмись, явилось новое имѣніе для стараго распочителя! Расказываютъ много чудесъ о юношахъ, обдѣннѣвшихъ и приведенныхъ въ опчаяніе: одному вздумалось въ родительскомъ домѣ повѣситься, и вошь, лишь только уцѣпилась онъ за панель, какъ она отскакиваетъ и сыплется на полъ множество золотыхъ монетъ, запряпанныхъ въ карнизъ попечительнымъ родителемъ. Но могъ ли отецъ предугадать, что сынокъ его будетъ имѣть смертельную охоту повѣситься? Могъ ли онъ расчитать, что шло опчаяннаго будетъ еще довольно шяжеловѣсно, чтобъ увлечь за собою панель и вмѣстѣ съ зашворницами - монетами? Не могло ли блудному сыну прийти прежде въ голову приложить на шомъ самое мѣстѣ лампу или что нибудь подобное? Словомъ, тысячу основательныхъ доводовъ можешь благоразумная кришика опровергнуть эту выдуманную сказку.“

— „Напрасно прибѣгаешь ты къ подобнымъ упрекамъ,“ сказала Эдуардъ съ огорченіемъ: „совѣсть моя и безъ того не даетъ мнѣ покою за мое легкомысліе и глупую распочительность. Если бь страсти не

были такъ необузданны, что презрѣніе разсудка сосставляешь главное свойство ихъ, то мало бы оставалось труда для нравоучителей. Очень понятно, почему бѣдные люди вѣряють, что въ нихъ вселяются злые духи. Какъ же иначе объяснишь то, когда слыдаешь дурному, не будучи слыпъ для хорошаго; когда мы даже, среди величайшаго безпушства, имѣемъ болѣе влеченія къ добру, нежели къ злу, и при всемъ шомъ, вопреки самимъ себѣ, вопреки совѣсти, копорая мучишь насъ прежде начашаго дѣла, заглушая въ себѣ голось разсудка, пускаемся во вся шяжка? Должна бышь глубоко вкоренившаяся испорченность въ человѣческой натурѣ, копорой никакимъ прививкомъ добродѣтели нельзя вполнѣ обратиться къ побужденіямъ благороднымъ.“

„Такъ, такъ,“ сказала піешиспъ, „человѣкъ самъ по себѣ никуда не годится; онъ не удался при самомъ созданіи. Можно его только починивать; а все таки не скроешьдохмошьевъ, какъ на шаромъ дырявомъ сукнѣ.“

„Да, да,“ примолвилъ со вздохомъ Крохотилъ: „къ сожалѣнію, шочная правда.“ Следы лились ручьемъ изъ помущившихся опъ вина глазъ его.

„Когда ты в первый раз привел меня в шпакшир“ продолжал Эдуардъ, обращаясь къ шпарому Живописцу: „мнѣ было весело видѣть себя въ кругу эшихъ грубыхъ и дикихъ людей. Очень присыдилъ меня шолько шпакширщикъ, встрѣшивъ съ шпаккою почшишельностью, какъ бы съ Олимпа явившееся божество. Такой чести никогда не было оказано его дому. Но скоро приехали къ присуществу шпаккой важной особы, какъ былъ я, а меня ужъ все манило, прошив воли, въ духошу закопшлой горницы, въ крикашное и смущливое сборище. И эша волшебная приманка не исчезла даже тогда, какъ лице хозяина и его людей спали встрѣчашъ меня холодно и съ досадою, какъ уже не обращали вниманія на слова мои и не столь важные гости угощались приспойше; все эшо пошому, что я по своей безпечности, много задолжалъ и объ эшомъ долгѣ принуждены были докучливо напоминать мнѣ. Еще хуже обращались съ однимъ бѣднякомъ, ежедневнымъ гостемъ: на него почши не смолшрвали, часто подавали ему, вмѣсто вина, испорченнаго укусу, и онъ не смѣлъ жаловаться; на него мѣшались всѣ ошпрошы шпакширной челяди; онъ сдѣлался предметомъ посмѣянія и состраданія постороннихъ, какъ и собственнаго робкаго

чувства самосознанія. И сколь ни худо поступали съ нимъ, все еще онъ долженъ былъ плашше дороже другихъ, между шѣмъ какъ дома, покинулъ свое ремесло, оставляя шмощающихся голодомъ жену и дѣшей. Въ эшомъ зеркаль увидѣлъ я наконецъ собственную свою участь; когда же къ шому случилось зайши къ намъ одному честному ремесленнику хорошаго поведенія и всѣ приняли эшорѣдкое явленіе съ опличнымъ, примѣшно искреннимъ уваженіемъ, — шущъ пробудился я изъ безчувшвеннаго сна своего, заплапилъ накопившійся опгъ безпечности долгъ, и спарался спасти и шого жалкаго бѣдняка, чтошбь онъ не совсѣмъ погрязъ въ эшомъ вершепѣ. Таково-шо бываешъ всегда, что даже шѣ, кошорые набогашающъ опгъ легкомысленныхъ негодаевъ, презирающъ ихъ, а людямъ досшойнымъ, кошорые опгъ нихъ удаляющъ, не могушъ опказывашъ въ пошпеніи. Такъ и я распочалъ время свое и имѣніе, чтошбы купишь себя презрѣніе шѣша.“

— „И, полно, мой сынокъ!“ вскричала Эйленбекъ: „ты вѣдь и помогалъ много бѣднымъ.“

„Помолчимъ о шомъ, пожалуйста“, ошвѣчала Эдуардъ съ досадою: „и эшо дѣлалъ я безъ шолку, какъ безъ шолку шпакшился,

безъ полку пушешествовалъ, игралъ и пилъ вино, не умѣя никогда приготоовить веселаго часика ни себѣ, ни другимъ.“

— „Правда, что это худо,“ сказалъ старикъ: „а что касается до вина, даже грѣхъ. Но будьте же повеселѣе, господа, и пейте, чтобы нашъ хозяинъ хоть немного поразвеселился.“

Напрасно было такое увѣщаніе, потому, что гости презрѣдно попивали и безъ того. Даже молодой Диприхъ не отставалъ отъ другихъ, а самъ Эйленбекъ безпрестанно разсѣивалъ бубылки, расчипывая, какъ вина должны слѣдовать одно за другимъ. „Сегодня,“ кричалъ онъ: „сегодня должна быть взята эта башаря, и не будешь пощады побѣжденнымъ! Посмотрите на мое воинственное лице, вы, молодые герои; видите ли это кровавое знамя, грозно вывѣшенное, въ знакъ того, что не будешь пощады? Ничего въ свѣтѣ не разумьютъ такъ мало, друзья мои, какъ, по видимому, самого просмага дѣла, слывущаго у людей пишемъ! Этошь даръ также мало почтенъ и уваженъ, какъ и вино! Если бы мнѣ захошлось сдѣлаться полезнымъ свѣту, я выхлопалъ бы у какого нибудь просвѣщеннаго Правительсва, чтобы учреждена была особая кафедра, съ которой сталъ бы я вра-

зумляшь невѣжешствующихъ людей о превосходныхъ качествахъ винъ. Кто пьетъ неохотно? Изъ милліона людей едвали нѣсколько достойныхъ всякаго сожалѣнія. Но не жалость ли сморѣшь и на эшихъ пьющихъ, которые принимаются за свое дѣло, безъ всякихъ примѣненій, безъ спила, свѣта и пѣней, такъ, что почти нѣтъ и слѣда какой нибудь школы; много, когда найдешь колоритъ, и пошь, высокоумные, выставляютъ на показъ свѣту, безъ всякаго зазрѣнія.“

— „А какъ же должно было бы начашъ?“ спросилъ Диприхъ.

„Въ основаніи должно бытъ,“ отвѣчалъ старикъ: „какъ и во всѣхъ искусствахъ, совершенное смиреніе и увѣренность, что учаешься не пустому. Опнюдь никакой преждевременной кришки, никакого пробованья, нюханья! Благородное самоотверженіе и преданность на волю мастера должно быть началомъ. Придешъ время, когда ученикъ самъ начнешъ мало по малу дѣлать различіе, а если вино возбудишь въ немъ охоту къ наукѣ, то духъ его образуется прилежаніемъ, возродится энтузіазмъ и приведетъ къ понимливости. Только главнѣе, опнюдь не оставляй упражненія, не пускаешься въ пустую мечшательность, по-

тому, что только дѣлами познается ма-  
сшерь! “

— „О, какъ справедливо!“ воскликнулъ  
со стономъ Бухгалшерь, давая свободу сле-  
замъ своимъ.

„Если бѣ пишь,“ продолжалъ Эйлен-  
бекъ: „не было искусство или наука, то на  
всей поверхности земли существовала бы  
одинъ напишокъ и, вѣроятно, вода спала бы  
играшь эту печальную ролю. Но сколь,  
подъ разнообразною плевою гроздія, являеш-  
ся въ немъ разнообразіе духъ природы, игри-  
вый, запѣйливый! Сколь чудно выжимается  
онъ, процѣживается и просвѣпляется, что-  
бы попомъ, магическимъ пушемъ языка,  
проскользнушь въ нашу внутренность и  
пробудить шамъ, въ застарѣломъ хаосѣ, въ  
блистательныя силы ошь дремоты и усы-  
пленія! — Смошрише, вошь идешъ пьяни-  
ца! Такъ и въ старину, друзья мои, руга-  
лись и насмѣхались шѣ, кошорые не были  
посвящены въ Элевзинскія таинства. Но  
знають ли, невѣжды, какое море наслажде-  
ній вливается въ насъ съ этою золотистою  
или пурпуровою влагою? Понимають ли,  
ошь чего, при занимающей зарѣ, издаешъ  
звукъ старая Мемнонова спашуя, кошорая  
спояла дошодъ безмолвно среди темной но-  
чи? Радосшный крикъ: весна! весна возвра-

шлася! спремись, живительный, по кро-  
вянымъ и мозговымъ сосудамъ. Тогда-то  
въ маленькіе духи чувствуюшь приливъ  
сладкой спруи и выползають, веселенькіе,  
изъ темныхъ своихъ закоулковъ; они выша-  
гивають тонкіе, кристалловые свои члены  
и кидають въ винную влагу; шущъ пискъ  
и визгъ, плесканье, игранье, и опяшь вы-  
пархивають, опрхивають свои песпрыя,  
эирныя крылышки, шакъ что свѣшлые кап-  
ли звонко падають съ перышковъ. И они  
разгуливають и вспрѣчаются, и вбирають  
въ себя поцѣлуемъ уснѣ веселую жизнь  
одинъ ошь другаго. Все гуще, все свѣшлѣе  
спановишся шолпа, и все благозвучнѣе ле-  
пешъ ея: шущъ выводяшь они увѣнчаннаго  
и шоржествующаго генія, кошорый мушны-  
ми глазами едва можетъ выглядывать изъ-за  
цвѣшочныхъ плешней. И вошь, когда чело-  
вѣкъ чувствуетъ безпредѣльность, безмер-  
шіе; онъ видитъ и чувствуетъ въ себѣ  
милліоны духовъ, и забавляется ихъ играми.  
Сшобишь ли послѣ шого говорить о шѣхъ,  
простолюдныхъ душахъ, кошорыя кричають  
кому либо въ слѣдъ: посмошрише, какъ онъ  
пьянь! Какъ шы объ этомъ думаешь, чест-  
ной Крокодилъ?“

Блѣдный плакса подалъ ему руку и  
сказалъ: „ахъ, мой миленькій, люди спра-

ведливъ, и ты справедливъ и цѣлый свѣтъ справедливъ. Все, что ты наговорилъ, превышаетъ мои понятія, но я глубоко прогнулъ и счастливъ. Когда люди идущъ въ комедію, чтобы за свои деньги плакать, мнѣ кажется это сумасбродствомъ, предоставляю, кому угодно, возвышать духъ свой и проливать слезы, любясь высокими чувствами и дѣлами, — я въ этомъ совсѣмъ не знаю толку; но когда хорошенъкое вино въ меня вольется, оно имѣетъ чудесное дѣйствіе: все, все, что бы ни говорили, съ чувствомъ ли или со смѣхомъ, все приводишь меня въ сладостное умиленіе. Вино посмотришь, сердце мое шаешь отъ восторга, я могу всякаго, хотя бы по былъ и вашъ хромой пудель, скажешь ижно въ своихъ объятіяхъ. Худо, что глаза мои спрадають, и потому докторъ хотѣлъ запретить мнѣ пить. Но эта мысль для меня прогашельнѣе всего въ свѣтъ; я плакалъ по цѣлымъ днямъ, почему онъ и принужденъ былъ снять съ меня шакое пагубное запрещеніе.“

— „Чѣмъ больше я пью,“ сказала піешистъ: „тѣмъ больше ненавижу по, что ты болаешь, Эйленбекъ, — тѣмъ безтолковѣе все это мнѣ кажется. Ложь и обманъ! Это почти также глупо, какъ и пить застоль-

ныя пѣсни. Тутъ что слово, то солгано. Лишь только человекъ вздумаетъ сравнить какой нибудь предметъ съ другимъ, то непременно солжеть. „Воспокоь знаишься за рею!“ не глупо ли? „Солнце купаешся въ морь!“ совершенный вздоръ! „Вино багряное играешся.“ Эдакая нелѣпость! — „Пробуждается утро.“ Утра пить, слѣдственно какъ ему спать? Это просто часть, въ короткій восходишь солнце. Чортъ возьми! и солнце не восходишь; вотъ и въ этомъ ужъ безтолковщина или поэзія. О если бы я могъ позаняться языкомъ, ужъ постарался бы его вычислить и вымести. Въ этомъ лживомъ свѣтъ, право, нелзя обойтись безъ того, чтобы не врать.“

„Не превозмънешь шакъ, мой честный собесѣдникъ,“ сказала Эйленбекъ: „добродѣшель ваша ничѣмъ не умалишся, и если вы иначе смонришь на вещи, нежели я, то нъеише, по крайней мѣрѣ, шо же вино, и почти также много, какъ и я. Дѣла соединяють насъ, хотя системы и ведутъ врознь. Кто разуменъь самого себя въ нынѣшній вѣкъ? Объ шомъ ужъ итъ и рѣчи. Мнѣ хоченя только замѣнить, хотя это и совсѣмъ не вяжешся съ предъидущимъ, что чрезвычайно нелѣпымъ нахожу я шо, какимъ образомъ люди и врачи толкують процессъ

питанія и шакъ называемую ассимиляцію. Дубъ дѣлается дубомъ изъ зернышка, а опъ-фиги родятся фиговое дерево, и хопя для нихъ нужны воздухъ, вода и земля, но все таки не собшвенно изъ сихъ спихій они произрастають. Такъ и въ насъ питаніе возбуждаешь шолько силы и расшишельность, а не производишь ихъ; оно даетъ возможность, а не вещь, и человекъ развивается изъ самого себл, какъ расшеніе. Безшолково было бы думать, что вино само собою производишь шо дѣйствіе, какое мы ему приписываемъ; нѣшь, а какъ я сказала, его вкусъ и запахъ шолько *пробуждаютъ* качества, какія въ насъ заключаюся. Пошому-шо и надобно, чшобъ были многія и различныя вина.“

— „Какое же предпочитаете вы?“ спросил Динрихъ: „Нѣшь ли, можешь бышь, и шущъ классическаго и совершеннаго, высокаго и плоскаго, манернаго и изысканнаго, зашѣйливаго и новомоднаго?“

„Юноша,“ сказала старикъ: „эшошь вопросъ затруднителень; надобно, чшобъ отвѣчать на него, предполагашъ въ себѣ чрезвычайную опышность, историческое соображеніе, безприспраштіе и во всѣхъ отношеніяхъ усовершенствованный вкусъ, а на все эшо должно упошребить много дѣшь,

постоянныя шруды и неуышное ученье, а шакже и средшва, какими не всякій располагашъ можешь. Чшо нибудъ энциклопедическое скажу тебѣ — будь доволенъ и шѣшь. Почши во всякомъ винѣ ешь чшо нибудъ хорошее, почши всякое заслуживаетъ бышь знаемо. Въ нашемъ опечешствѣ Неккарское служишь почши шолько къ уполенію жажды, но Вюрцбургское уже имѣешь нѣшшо благородное, а разныя высокіе соршы Рейнвейна не могушь бышь характеризированы наскоро. Здѣсь спояли они предъ вами ивы вкушали ихъ. Чшобы досшойно оцѣнишь эши превосходнѣйшія вина, опъ легкаго Лаубенгеймера до крѣпкаго Ниреншнейнера, сильнаго Рюдесгеймера и глубокомысленнаго Гохгеймера, со всеми сродшвенными имъ спруями, на эшо пошребно гораздо болѣе, чѣшь языкъ какого нибудъ Реди, кошорый въ своемъ Тосканскомъ дишрамбѣ, не слишкомъ заманчиво о шомъ распложался. Чшшо и ясно, прохладнштельно и живнштельно нисходяшь духи сіи въ нашу внушренность. Если должно сравнивать, шо скажу, чшо эша покойная зрѣлость опличныхъ писателей, чувствиво и полноша безъ нашняушой выпшенности или мечшательныхъ аллегорій. Чшо же горячее Бургонское для шѣхъ, кошорые могушь выносишь его! Оно наполяетъ насъ,

как внезапный восторгъ, — крушо, криво, сильно пробуждаешь духовъ нашихъ. Напротивъ того Бордовскій гроздїй весель, болшливъ, но неодушевляетъ. Гораздо совершеннѣе, крѣпительнѣе произраспаешь онъ въ Провансъ и поэтическомъ Лангедокъ. Слѣдуешь Испанїя съ горячическимъ Хересомъ, неподдѣльною Малагою и пламенными винами Валенціи. Туть винная спруа, которую пропускаемъ въ горшанъ, принимаешь видъ шарообразный еще у самого поднебья, и такъ спремишься и капишься внизъ. При Токайскомъ и Сеп-Жоржѣ мы чувствуемъ это явственнѣе и наслаждельнѣе. А Капское! благороднѣйшее Капское! Одной капли довольно, чшобъ наполнишь рошъ, горшанъ и всю окружность глотки. Такія вина знатокъ должны ошвѣдывать и прихлебывать, а не пить, какъ наши Рейнскїя. Чшо же скажу объ васъ, вы, дорогїя произрашенїя Италїи: славное Тосканское, замысловатое Монше-Фіасконе, испинно прогашельное Монше-Пульчїано? Ошвѣдывайте же, друзья, и вразумляйтесь! Но тебя не могъ я здѣсь выспавить, шы, царь между винами, розовое Алеашико, цвѣшь и краса всѣхъ винныхъ спиртовашосней — млеко и вино, аромашъ и сласть, огонь и кропость вмѣстѣ! Тебя невозможно ни пить, ни оп-

швѣдывать, ни прихлебывать, а совсѣмъ новый органъ дается вкушающему — органъ, который не можешь бышь описанъ для презвыхъ и невѣжествующихъ.“ — Туть прервалъ онъ рѣчь свою и оперъ въ умиленїи слезы.

— „Ипакъ, я не ошибаюсь,“ вскричалъ съ восторгомъ Дишрихъ: „это вино въ царствѣ винъ шо же, чшо старый Эйкъ или Гемлингъ, а можешь бышь и Fra Giovanni da Fiesole (братъ Іоаннъ Фьезольскїй (\*)), между Живописцами. Такая же прелестъ въ умилительной и вмѣстѣ глубокой ихъ краскѣ, которая безъ пѣней выразительна, безъ близны ослѣпляешь. Какъ очарователенъ для взора эшошь пурпуръ одежды, эша легкая лазурь, шонкая, мечшательная свѣшозарность! Все сливается во едино и возбуждаешь прїятные опзывы въ душѣ нашей!“

„Все, кромъ Эйленбекова носа,“ — вскричалъ совсѣмъ ошмѣльшїй Библиотекарь: „на немъ пропаль багрянецъ и нѣшь опшѣнокъ, которые бы соединяли его съ прочими частями лица, а чшо-шо фиолетовое съ темнокраснымъ переливается въ немъ,

(\*) Одинъ изъ знаменитыхъ возстановителей Искупства Живописи въ Италїи. Такъ названъ по монастырю, въ которомъ жилъ. *Перев.*

почно шакъ, я думаю, какъ подъ землею у свеклы, когда она въ сырости зрѣетъ и свершывается, безъ вліянія солнечныхъ лучей. Неужели эпошъ пароспъ принадлежишь существу живому? или богъ вина шакъ напихалъ его? Ншь, ншь! Эшо скаредное влагалище, фушляръ для злобы и лжей.“

— „И какъ онъ криво и валко поставленъ на опухломъ лицѣ!“ сказалъ Бухгалтеръ: „Смошри, брашъ, чшобъ онъ грузомъ своимъ когда нибудь совсѣмъ не раздавилъ шебя. Гдѣ взялъ шы, скажи, шаккой зазорно кривыи носъ?“

„Молчи, Крокодилъ!“ закричалъ Эйленбекъ, сильно ударивъ по столу: „неужели всякая гадина будешъ по-своѣму перевершывашъ свѣшъ? У каждаго носа ешъ своя испорія. Думаешъ ли вы, глупый народъ, чшо ешъ хошъ одна малѣйшая мелочь, кошорая не входила бы, какъ звено, въ цѣль общихъ необходимостей? Своимъ носомъ, каковъ онъ ни ешъ, обязанъ я моему цирюльнику.“

— „Сшарикъ, раскажи намъ пожалуста!“ закричали молодые люди.

„Терпѣніе!“ сказалъ Живописецъ. „Физиономка всегда останешся наукой обманчивой, именно пошому, чшо мало обращаетъ вниманія на цирюльниковъ, пишешные дома, и другія испорическія обстоя-

тельства жизни. Лице ешъ, безъ сомнѣнія, выраженіе души; но чрезвычайно перпишъ оно и опъ вышнихъ предметовъ. Еще шакки лобъ, по крѣпости своей, выдерживаетъ лучше всего, если кшо не привыкъ рисовашъ на немъ всѣ малѣйшія спрасши, огорченія и досады. Посмошрише, какъ благородно чело нашего Эдуарда, и сколь еще прекраснѣ было бы оно, если бъ молодець побольше размышлялъ и занимался! Глаза, по своей подвижности, прыгая шуда и сюда, шоже могутъ еще сберегашся порядочно, если кшо не спсараешся ихъ выплакашъ, какъ нашъ Крокодилъ. Но рошъ — совсѣмъ ужъ другое дѣло! болшаньемъ или дурацкой улыбкой пошчасъ можно его исковеркашъ, какъ нашъ дорогой библиотекаръ; иной, послѣ пишья или вды, прешъ его безъ пощады, и эшимъ дѣлаешъ совсѣмъ незамѣшнымъ, особливо же, кшо изъ ложнаго спыда, безпрешанно вкусываетъ губы, какъ нашъ любезный пѣшисшъ, кошорый, можешъ бышъ, румянецъ успъ счишаетъ ложью и пустою прикрасою. Носъ же, бѣдный носъ, кошорый шакъ предъ другими частями лица высшавляешся, кошорый наше несчастное племя опличаетъ опъ звѣрей, соединяющихъ въ одной мордѣ и рыло и ноздри, и кошорый у челошъка, будшо

Блоксбергъ, служишь сборищемъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ: эпошь носъ, не дѣлаешь ли онъ у большей части людей, онъ одной только сырой погоды и насморка, свисткомъ, надувальнымъ мѣхомъ, волшорною? Не всякой ли, на свой манеръ, шо и дѣло выпягиваешь, палишь его, вздергиваешь, приплюскиваешь? Не удобенъ ли онъ, по своей мягкости и шягучести, даже на шо, чтобы сдѣлать изъ него слоновый хоботъ или кишку Индѣйскаго пѣшука? Все это давно я зналъ и берегъ свой носъ, однако не могъ избѣгнуть судьбы. Цирюльникъ у меня былъ истинный, загадочный другъ мой, съ которымъ вмѣстѣ я выросъ и состарѣлся. Эпошь Художникъ имѣлъ обыкновеніе, когда ему нужно было опъ одной стороны лица моего перейши къ другой, упирашъ мнѣ подъ самую гложкою лезвѣе бришвы, такъ, что, опершись на нее, переходилъ онъ на другое мѣсто и потчасъ могъ продолжашъ работу. Это показалось мнѣ опаснымъ. Споило ему только поскользнуться, дернуть рукой, и тогда лице мое упало бы, не бришое, къ ногамъ его. Я просиль, нельзя ли перемѣнить обычай; онъ поразмыслилъ, и какъ истинный геній, почти безъ всякаго труда придумалъ другую систему и новый способъ, а именно: онъ

ухвашивался пальцами за мой носъ и сильно вздергивалъ его къ верху, особливо, когда бриль мнѣ верхнюю губу. Такимъ образомъ было ему и шо удобно, что могъ онъ дольше и шверже опираться, и въ шо время, какъ самое положеніе сближало насъ обонхъ, глазъ къ глазу, сердце близь сердца, бришва разгудивала по моей рожѣ плавилье, разеудительнѣе и надежнѣе. Надобно сказашь, что лице добраго пріятеля моего было изъ пѣхъ, какія въ прошломъ народъ слывушъ скареными, гадкими, уродливыми; приномъ имѣлъ онъ привычку гримасничать, и такъ всегда умильно переглядывался со мною, что я неволью долженъ былъ опвѣчать взаимношю и перенималъ всѣ его хари. Мало того, что носъ мой вздергивалъ онъ къ верху: когда дѣло доходило до бришвы оконечносшей губъ, онъ шакъ распяивалъ ихъ въ ширину, что произведя вынужденную усмѣшку на лицѣ моемъ, самъ не могъ удерживашся опъ смѣху. И какъ мило, какъ шрогашельно, какъ сердечно онъ мнѣ улыбался! Не знаю, опъ умиленія ли, или опъ насильственнаго распиранія рша моего, только всегда слезы выпсупали у меня на глазахъ. Мой милый другъ! восклицалъ я: пожадуйша не улыбайся мнѣ шакъ умильно; вѣдь я не смѣюсь, а ты распигиваешь мнѣ

шьлько губы, какъ губку. Ничего! ошвѣчала мнѣ чеспиная душа, шы съ эшой усмѣшкой шакъ миловиденъ, чшо я не могу не улыбашься. Такимъ-шо образомъ кривлялись мы другъ передъ другомъ, какъ обезьяны. Не прошло полушора мѣсяца, какъ я замѣшилъ большую переменъу въ своей физиономіи. Носъ мой шакъ полѣзь къ верху, какъ будто хопѣлъ объявивъ войну лбу и глазамъ. Не говорю уже о шомъ, чшо рошъ мой и щеки совсѣмъ исковеркались: это измѣненіе ошошно осшавлялъ я при себѣ памяшникомъ сердечнаго моего друга; шолько вздернушый носъ очень меня безпокоилъ, я спарался его приплюскавшъ, и наконецъ прибѣгнулъ съ новыми просьбами къ благородному аршишу. Тушь онъ призадумался и казалось, нечѣмъ было пособить. Однако рѣшился онъ, вшорой Рафаэль, приняшь еще новую методу, кошорая, послѣ нѣкошорыхъ усилій, и удалась ему, а именно: пункшомъ опирашя руки осшася шомъ же носъ, но его не вздергивали уже къ верху, а ошводили на-сторону, строго изслѣдовавъ напередъ, къ кошорой сторонѣ приличнѣе и красивѣе могъ онъ бышь повернушь. На эшой методѣ ошпановились мы, и вошь по какой необходимости получилъ я кривой носъ; съ шого же времени осшасясь и складки

на щекахъ моихъ, а глубокія размышленія, пламенные восторги и горячая любовь ко всему доброму и возвышенному, накиннули красный покровъ на цѣлое.“

Громкій смѣхъ сопровождалъ расказъ сей; по окончаніи, Библиотекаръ съ большимъ шумомъ пошребовалъ Шампанскаго, а Бухгалшеръ пушшу. Эйленбекъ обрашилъ къ нимъ увѣщательную рѣчь: „О вы,“ говорилъ онъ: „низкія души! послѣ шого, какъ я выспавилъ вамъ лѣвшиницу, по кошорой востходили вы къ горнимъ селеніямъ, какъ могушь шакія неблагородныя мысли закрадывашься въ вашу голову? Не ешь ли эшошь спиртъ, называемый пушшемъ, эша жалкая смѣсь горячей воды, худой водки и лимонаго соку, самое площадное, изысканное, безсмысленное пойло? И чшо такое для нашего брата эшошь дипломатическій, презвѣый напитокъ — Шампанское? ему ли развернуть духъ и сердца наши? Для охмѣлѣвшаго вполонину, послужилъ онъ развѣ къ шому, чшобы опяшь сдѣлашь его презвѣымъ! О вы, профаны!“

Тушь онъ опяшь ударилъ кулакомъ по столу; но въ эшошь разъ всѣ собесѣдники, кромѣ Эдуарда, ошвѣчали на это шѣлодвиженіе съ шакою силою, чшо спекло звонко заплесало по столу и множешво рюмокъ

слепило на полъ. Эпимъ смѣхъ и шумъ еще болѣе увеличился; всѣ вскочили изъ-за стола за другими рюмками, а Диприхъ кричалъ, что онъ озябъ, что надобно развесити огонь и пригошовитъ пуншу.

Уже была глубокая ночь; изъ служителей никто не оспавался при столѣ; да по признанію Эдуарда оказалось, что и запасъ дровъ у него весь ископился — нѣчьмъ было и започипъ камина. „Знаете ли что?“ закричалъ совсѣмъ опьянѣвшій Диприхъ: „вѣдь хозяйинъ думаетъ же устроишь иначе эту комнашу: начнемъ теперь же перестройку, ломаемъ эту глупую досчатую стѣну, которою задѣланы окна; шущъ будешь довольно дровъ, а на распопку подложимъ обои, и какъ разъ въ эпомъ древне-Французскомъ каминѣ запылаешь славный Нѣмецкій огонекъ!“ Эша выдумка съ громкимъ одобреніемъ принята была всеми осовѣвшими гостями: Эдуардъ, который во весь вечеръ былъ въ какомъ-то самозабвеніи, пому не воспрощивился. Тотчасъ опбросили заслонку опъ камина, и побѣжали со свѣчами въ кухню, гдѣ набрали топоровъ, рычаговъ и разныхъ другихъ инструментовъ. Въ передней нашель Эйленбекъ старый испорченный охопничій рожокъ; шрубя въ него, предводительствоваль онъ

пьяною толпою, которая съ крикомъ и шумомъ промаршировала назадъ въ залу. Вспрѣшившійся на пунши столъ былъ опрокинутъ, и вдругъ началась работа: всѣ разомъ спсали колошипъ, чѣмъ ни попало, въ досчатую стѣну, рубипъ ее и ломашъ. Всякій спсарался превзойти другихъ своимъ усердіемъ, а чшобъ оно не ослабвало, старый Живописецъ не переспаваль надувать въ рожокъ изъ всѣхъ силъ, производя самую опвращительную музыку, которая вмѣстѣ съ крикомъ и спукомъ его бѣснующихся поварищей, съ громомъ и прескомъ оппрыгивающихъ и падающихъ досокъ, привела хозяйина въ шакое положеніе, что онъ, оглушенный, сълъ, молча, въ опдаленномъ углу и едва помнилъ самого себя.

Вдругъ общество умножилось неожиданнымъ и непріятнымъ образомъ. Сосѣди вспревожились и сбѣжались, а между шѣмъ и спража, подъ командою офицера, вошла въ домъ, найдя его незапертымъ, и спсала спрашивашъ о причинѣ шакой сумашохи и крика, въ которомъ слышно было между прочимъ и объ огонь. Эдуардъ, оставшійся довольно презвымъ, упошреблялъ всѣ усилія, чшобъ оправдашъ своихъ пріятелей; но сами они, уже неспособные ни къ какой блаторазумной мысли, опсервенились прошивъ

незванныхъ гостей, кошорыхъ посѣщеніе называли насильственнымъ и прешуающимъ права собственности. Каждый съ крикомъ подступалъ къ офицеру: Эйленбекъ грозилъ, Бухгалтеръ бранился и плакалъ, Библиошкаръ махалъ желѣзнымъ ломомъ, а Диприхъ, кошорый былъ всѣхъ запальчивѣе, хопилъ уже оспрѣмъ шопора проучить Поручика. Сей послѣдній, шакже молодой, пылкій человекъ, принялъ все это очень въ строгомъ смыслѣ, считая даже оскорбленною честь свою. Такимъ образомъ всѣ провавшіе, кромѣ хозяина, не смотря на крикъ ихъ, угрозы и всю декламацию, были забраны и опведены подъ спражу. Таково было окончаніе пирушки. Эдуардъ, оставшійся одинъ въ залѣ, разспроенный и огорченный, расхаживалъ взадъ и впередъ, пошашривая на опущеніе, какое сдѣлано было у него въ комнашѣ. Подъ опрокинутымъ споломъ лежали бупылки, рюмки, блюда и шарелки, со всѣмъ шѣмъ, что оставалось ошъ лакомыхъ яшвъ; драгоценнѣйшее вино разлилось ключами по полу; подевшички были переломаны; на шѣхъ же, кошорые спояли еще невредимо, свѣчи всѣ догорѣли и пошухли, кромѣ одной. Онъ взялъ эту свѣчу и пошомрѣлъ на шѣну, у кошорой сорваны были всѣ обои и выломаны двѣ или три

большія доски; въ проломѣ споялъ еще брусъ, заграждавшій ходъ въ углубленіе. Спранная охота припала юношѣ, продолжаяшъ работу своихъ сумасбродныхъ пріятелей: не желая однако произвести оняшъ шумъ, чшобъ не пришлось раздѣляшъ ихъ же участь, взялъ онъ оспрую пилу, и ошпиливъ ею брусъ сверху и снизу, вынулъ его. Послѣ непрудно уже было опдѣлишъ еще другую легкую наспилку досокъ; они скоро ушупили его усилиямъ, и Эдуардъ спалъ свѣшивъ себя въ углубленіе. Но едва лишь взглянулъ онъ на довольно проспранное мѣсто, и чшо-шо золошисное мелькнуло въ глазахъ его, какъ все вдругъ исчезло оняшъ: нечаянно задѣлъ онъ за чшо-шо свѣчей, и пошупилъ ее. Въ испугѣ и въ досадѣ побрѣлъ онъ ошупью черезъ темную залу, къ дверямъ, по длинной галлерей, пошомъ черезъ дворъ, къ одному заднему спроешю. Какъ досадовалъ онъ въ самомъ себѣ, чшо не имѣлъ вблизи какой нибудь заши-галльницы. Расшормошивъ сѣдаго приврашника, спавшаго глубокимъ сномъ, едва могъ онъ добишся, чшобъ замечъ свѣчу; наконецъ доставъ огня, съ большою ошорожноспію понесъ свѣчу свою назадъ, держа передъ нею руку, чшобъ не погасла. Сильно шрешетало его сердце; онъ самъ еще не зналъ, чшо шакое видѣлъ; не рѣшался и по-

лагаться на догадку свою. Возвращаясь в залу, сѣлъ онъ въ кресло, чтобы собраться съ духомъ; попомъ зажегъ еще нѣсколько свѣчей, а наконецъ, согнувшись, полѣзъ въ въ стѣнной проломъ. Тутъ, какъ жаръ, бросилась ему въ глаза вся ша стѣна, въ кошорой надлежало бытъ окнамъ; вмѣсто нихъ, рама пѣснилась подлѣ рамы, одна другой драгоцѣннѣе, и въ нихъ заключались пѣ пропадавшіе картины отца его, о кошорыхъ шакъ часно грустили Вальшеръ и Эрихъ. Гвидовъ Спаситель, Доминикиновъ Іоаннъ, всѣ предшали ему, и онъ, изумленный, пораженный, споялъ въ благоговѣйномъ умиленіи, какъ бы среди очарованій. Лишь только немного опомнился онъ, слезы покашились изъ глазъ его, и не смотря на холодъ, онъ остался между найденными сокровищами до самаго разсвѣта.

Вальшеръ только лишь вспалъ изъ-за стола, какъ Эрихъ вбѣжалъ, запыхавшись, къ нему въ картинную галерею. „Что съ тобою, другъ мой!“ вскричалъ Совѣтникъ: „не духовъ ли какихъ ты видѣлъ?“ — „Какъ посудишь,“ отвѣчала Эрихъ: „приготовься услышать важную вѣсть.“ — „Ну?“ — „Чтобы ты далъ, если бѣ всѣ пропавшія

картины своего покойнаго друга, пѣ неогнѣнныя сокровища, о кошорыхъ мы еще недавно шосковали, нашлись и могли сдѣлаться швоими?“

— „Боже мой!“ вскричалъ Вальшеръ, измѣняясь въ лицѣ: „что ты говоришь?“

„Да, нашлись, и могушь бытъ швоими.“

— „Онѣшь! я не шакъ богашъ, чтобы кушишь ихъ,“ сказала Совѣтница: „но все, все ондалъ бы я, всю галерею свою, свое имѣніе — шолько и всего этого мало.“

„А если бѣ онъ себя ничего не пошребовали,“ возразилъ Эрихъ: „и владылецъ пожелалъ бы шолько сдѣлаться швоимъ зятемъ?“

Не отвѣчая ни слова, бросился старикъ въ двери — на половину дочери. Вмѣстѣ съ нею возвратился онъ назадъ, говоря: „ты должна способшвовашъ моему счастью, любезная дочь; онъ себя зависить все блаженство моей жизни.“ Испуганная дѣвушка хотѣла возражать, но Эрихъ кивнулъ ей головою, изъ чего она выведа хорошее для себя заключеніе, и сдѣлалась шговорчивѣе. Надобно было опшравиться къ Эриху, у кошораго, какъ онъ говорилъ, ожидающъ ее каршины и женихъ: она выпросила нѣсколько минушь для шого, чтобы переодѣться. И съ какими спранными мыслями и ожида-

ниями паряжалась она въ лучшее свое убранство: можно ли было положиться на Эриха? поняла ли она его? не ошиблась ли въ своей догадкѣ? Вальшеръ считалъ, въ неперпѣтнѣи, каждое мгновеніе; наконецъ Софія возвратилась.

Въ жилищѣ Эриха развѣшаны были всѣ найденныя картины, наилучшимъ образомъ. Тщепно было бы описывать весь восторгъ, изумленіе и радость Вальшера. Онъ утверждалъ, что картины еще несравненно прелестнѣе, нежели представлялись ему въ памяти. „Ты говоришь,“ сказалъ онъ Эриху: „что искаешь руки моей дочери молодой, не дурно воспитанъ, изъ хорошаго званія — ты ручаешься мнѣ, что онъ будетъ порядочнымъ мужемъ, и никогда, и по смерти моей, не продастъ эсихъ картинъ? Если все такъ, то ему не нужно никакого имѣнія, кромѣ эсихъ картинъ: съ ними онъ величайшій богачъ. Но гдѣ жъ онъ?“

Распворилась боковая дверь, и явился Эдуардъ, почти такъ одѣтый, какъ схожіи съ нимъ пасхухъ на сшаринной картинѣ Кенстена Мессиса. — „Онь!“ вскричала Вальшеръ: „гдѣ жъ вы взяли эши картинны?“ Когда Эдуардъ рассказалъ ему свое спрранное приключеніе, спарикъ взялъ руку дочери и ошдалъ юношѣ, говоря: „Софія ошваживаеш-

ся на многое: она дѣлаешь вно изъ любви къ ошцу своему; полагаю, сынъ мой, что ны уже не соврашнись съ пуши добра и благоразумія. Однако, вопъ условіе: вы будете жить въ моемъ домѣ, а Эйленбекъ не посмѣетъ пересшупишь къ намъ черезъ порогъ, да и нигдѣ не захочешь ны съ нимъ столкнуться!“ — „Конечно не захочу!“ ошвѣчала Эдуардъ: „впрочемъ онъ вдеши ошсюда съ Принцемъ.“

Тутъ возвратились въ домъ ошца, который потчасъ повелъ юношу въ библиошеку: „здѣсь найдешь ны, молодой челоувѣкъ,“ сказалъ онъ: „всѣ рѣдкости, бывшіи швоими и проданныя мнѣ швоимъ молодыцемъ-библиошекаремъ за безцѣнокъ. Впередъ будешь ны свято сберегать наследшвенныя свои сокровища.“

Молодая чеша была счастлива; оставшись на единѣ, Софія заключила юношу нѣжно въ своихъ объятіяхъ. „Я люблю шебя всею душою, другъ мой,“ шепшала она ему: „но я должна была ушшупашъ своенравію башюшки, и какъ прежде, такъ и сегодня пришворяшсь въ безусловномъ ему повиненіи, чшобы шолько не ошказашсь ошь всякой надежды: если же бы онъ замѣпшилъ мою въ шебѣ любовь, шо никакъ не согласился бы такъ скоро на союзъ нашъ.“

Через нѣсколько недѣль, ихъ обвинчали. Ужъ не трудно было юношѣ сдѣлаться порядочнымъ и счастливымъ мужемъ: о своей взбалмошной молодости воспоминалъ онъ въ объятіяхъ супруги и пошомъ въ кругу дѣшей своихъ, какъ о шаякомъ сновидѣніи. Ейленбекъ уѣхалъ изъ города съ Принцемъ; съ нимъ же отправился и шакъ называемый библиошкаръ, кошорый получилъ у него мѣсто секретаря, недоставшееся Эдуарду, и черезъ нѣсколько лѣтъ женился на шой красавицѣ, кошорая была причиною дурной славы молодого нашего друга, и едва не погубила его на цѣлую жизнь.

## 2.

## В Е Ч Е Р Ъ В Ъ Д.

(Изъ записокъ \*\*\* \*\*\*)

Осенью 1823 года, долженъ я былъ отправиться по дѣламъ службы въ Д. и прожить тамъ нѣсколько времени.

Не прошло двухъ недѣль, и я былъ уже знакомъ почти съ цѣлымъ городомъ. Добрые, гостепріимные жители, шихая, скромная жизнь, умное, пріятное времяпрепровожденіе, сообщество многихъ извѣстныхъ и уче-

ныхъ мужей, все съ каждымъ днемъ привязывало меня болѣе и болѣе, и я въ короткое время шакъ обжился, что не хотѣлось и выѣхать. Но нигдѣ не бывалъ я съ шакимъ удовольствіемъ, нигдѣ не проводилъ времени шакъ весело и непринужденно, нигдѣ не былъ шакъ обласканъ, какъ въ домѣ почшennaго . . . , назову его Добровымъ, у кошораго принимали меня, какъ самаго близкаго родственника, и къ кошорому признашельность напечатлѣна неизгладимыми чертами въ моемъ сердцѣ.

Семейство его состояло изъ любви достойной супруги, двухъ прелестныхъ образованныхъ дочерей и сына, кошорый гошовился тогда держалъ экзамень Докшора Философіи, чтошбы ѣхалъ послѣ того путешествовать и посѣщать иноштранные Университеты. Почши каждый вечеръ былъ я у нихъ, а иногда проводилъ и по цѣлымъ днямъ, и эши добрые люди шакъ привыкли ко мнѣ, что скучали безъ меня и пенали, если мнѣ по какимъ нибудь причинамъ случалось не быть у нихъ дня два сряду.

Въ концѣ Октябрия наступила суровая погода, и я сдѣлаелъ нѣсколько нездоровъ. Дня чешыре провелъ я дома. Мнѣ спало лучше, но дурное время все еще не позволяло мнѣ выходить. Милые Добровы всякій

день или навѣщали меня, или присылали навѣдаться о моемъ здоровьи.

Наконецъ мнѣ наскучило сидѣть въ чепухрехъ сѣбѣнахъ. Однимъ вечеромъ, когда слуга Добровыхъ пришелъ ко мнѣ по обыкновенію спросить: каково я провелъ день, ошвѣчалъ я запискою, что мнѣ гораздо лучше, и что если пошрудятся прислать за мною карешу, то я съ удовольствіемъ приѣду къ нимъ провести у нихъ осальное время вечера. Едва онъ ушелъ, какъ я уже раскаялся въ своей поспѣшности. Погода была самая ненастная: вѣснь, снѣгъ, мясель. По улицѣ между спроеіемъ выло и свисѣло; на дворѣ не видно было свѣту Божьяго. Я уже хотѣлъ послать въ слѣдъ съ отказомъ, какъ кареша заспучала у крыльца. Нѣчего было дѣлать. Я закушался, съѣлъ и поѣхалъ.

„Вообразите!... Пешрь Александровичъ!“ сказала, оборотясь къ прочимъ находившимся въ комнаѣ, старшая дочь, которая сидѣла прямо прошивъ дверей и первая меня увидѣла: она не знала, что за мною послана кареша, „Сколь ни пришно всемъ намъ видѣть васъ у себя“ продолжала она — „но, признаюсь, вы сѣбите, чтобъ побранишь васъ за то, что въ такую погоду

— „Silence!“ перебилъ отецъ: — „въ эпомъ и я виновать нѣсколько, а пошому прощу, если угодно, бранишь меня.“

Между шѣмъ я успѣлъ со всеми поздороваться. Въ комнаѣ собрано было все семейство почтеннаго Доброва. Направо, на софѣ, сидѣла хозяйка, и намазывала масло на ломтики блага хлѣба; прямо прошивъ нее, за шѣмъ же, споявшимъ передъ софою споломъ, сынъ, кошорый, какъ замѣшно было, шолько что окончилъ чшеніе и положилъ книжку. По одну спорону спаршая дочь что-то шила, по другую, въ углу, младшая гошовила чай. Передъ каминомъ, задомъ къ дверямъ, спояло Вольперовское кресло, на кошоромъ сидѣлъ спарикъ, отецъ, и куриль шрубку; рядомъ съ нимъ молодой офицеръ, племянникъ, недавно пріѣхавшій изъ полка въ отпускъ, и Докшоръ Г..., человекъ среднихъ лѣтъ, кошоркій пріятель дома.

Меня посадили на софу, подлѣ хозяйки. Послѣ первыхъ привѣтствій начались разговоры о погодѣ, о моемъ здоровьи, о новыхъ слухахъ изъ Пешербурга, и о прочемъ, шому подобномъ.

„Мнѣ кажется, я прервалъ ваше чшеніе?“ сказалъ я наконецъ, когда нѣсколько позашило, и взяли со спола книжку. Эшо

былъ XXI нумеръ *Прибавлений къ Сьму Отечеству* — тогда только что полученный.

— „Нѣтъ! мы уже окончили“ отвѣчалъ сынъ. — „Я прочиталъ описаніе *Ночнаго путешествія* одного Англичанина, и нагналъ на сестрицу моихъ такой страхъ, что онъ не смѣли и пошевеливаться.“

„Братцу угодно шушишь“ подхватила Юлія — мѣлкая: „Мы не совсѣмъ шрусливаго десяшка. Однако жъ въ самомъ дѣлѣ это описаніе очень занимательно, и я ошъ сердца раздѣляла съ бѣднымъ путешественникомъ всѣ его страхи, никакъ не предугадывая развязки. Вообще все ужасное дѣлаешь на меня сильное впечатлѣніе, и гораздо болѣе меня занимаетъ.“

— „Это въ нашуру человеческаго сердца“ примолвилъ я.

„Скажише, пожалуйста,“ — начала Александрина — старшая, оборотясь ко мнѣ. „Всѣ путешественники такъ много рассказываютъ о встрѣчающихся съ ними происшествіяхъ, спранныхъ и любопытныхъ, смѣшныхъ и ужасныхъ. Почему вы никогда ничего намъ не расскажете? Вы извѣздили всю Германію, Францію и часть Италіи. Неужели съ вами не случилось ничего нео-

быкновеннаго, ужаснаго, или просто занимательнаго?“

Я. По крайней мѣрѣ, сколько припомнить могу, ничего такого, чтобы заслуживало особеннаго вниманія вашего. Однако жъ въ молодости моей, случилось со мною одно происшествіе, довольно ужасное, кошорое, если позволите, я расскажу вамъ.

Юлія. Позволяемъ, охотно позволяемъ. Я ужъ слушаю.

Я. Не думайте, однако жъ, чтобы это было что нибудь особенное, чрезвычайное. Такихъ происшествій случаются въ жизни тысячи, но...

Александрина. Безъ предисловія, ради Бога безъ предисловія. Эти предисловія наскучили мнѣ ужъ и въ книгахъ, а вы, пожалуйста, не забывайте, что рассказываете друзьямъ, а не пишете книгу, и что васъ не поведутъ за каждую запящую къ суду, какъ наши Журналисты одинъ другаго.

Я. И такъ слушайте.

Вы знаете, что я воспитывался въ Университетѣ въ Казани, гдѣ жили мои родители, и потомъ служилъ въ арміи. Вышедъ въ отставку въ 18.. году въ намѣреніи перейти въ спашскую службу, я посетилъ свою родину, сколько для того, чтобы послѣ долгой разлуки повидаться съ

дрыхлыми своими родшелями, шолько въ намѣреніи взять отшуда съ собою въ Пешербургъ вшораго браша.

Въ Казани я не нашель почти никого изъ спарыхъ своихъ знакомыхъ и сошоващицей. Даже мало изъ досшопоченныхъ Профессоровъ, кошорымъ обязанъ своимъ образованіемъ: всь умерли или разъѣхались. Новыхъ знакомствъ дьлать и не хощьль, пошому, чшо не располагаль оспашься шамъ на долго. И шамъ все время свое проводиль я или дома, въ кругу родныхъ и двухъ, шрехъ спаришнихъ пріятелей, или въ прогулкахъ по окрешностямъ города.

Я жилъ въ домѣ родшелей своихъ, недалеко ошь Арскаго поля. Одною изъ любимыхъ прогулокъ моихъ было посъщашъ древнюю рошу, вблизи ошь насъ, на концѣ города, на высокомъ берегу Казани — рошу, кошорая памяшна мнѣ по шоль многимъ пріятнымъ и непріятнымъ воспомнаніямъ, въ кошорой проводиль я почти всь дни моего дьшешва, кошорая... но (обращаясь къ Александринѣ) мнѣ пора подумать, чшо я *рассказываю своимъ друзьямъ, а не пишу книгу.*

*Александрина.* Если вамъ не позволяли сказашъ предисловія, шо еще менѣ можете вы пускаться въ отшупленія, а особливо

дьлать колкіе намѣки. Извольте продолжать просшо и скромно.

*Я.* Покоряюсь и эшому условію.

Однажды цѣлый день мнѣ было чшо-шо очень скучно. Ни пріятное домашнее общество, ни ласка родныхъ не могли совершенно разъять меня. Пользуясь хорошею погодою, я пошелъ вечеромъ въ любимую свою рошу, съль подъ деревомъ на берегу Казанки и... чѣмъ лучше разогнанъ шоску душевную?... спаль приводиль себя на память спарое и былое, хорошее и худое, веселое и печальное. Какъ счастливъ человекъ, чшо ко всему привыкаешъ, но чшо все пріятное врѣзывается въ память его неизгладимыми чершами, а все непріятное оспавляешъ въ ней едва замѣшные слѣды.

Перебирая въ воображеніи своемъ шо и другое, я наконецъ привелъ себя на память, какъ однажды, въ юности своей, прогуливаель съ добрымъ шоварищемъ и другомъ П... я всходиль на лежащую у ногъ моихъ крушую, почти ошвѣсную гору. Эшо было вскорѣ послѣ дождя. Дорожка глинишпаго грунша сдѣлалась скользкою; я ошупишлся и неминуемо былъ бы въ рѣкѣ, если бы добрый П..., шедшій за мною, не подхвалиль меня. Съ шьхъ поръ дружба сроднившіяся сердца наши связала еще болѣе. Но судьба

хоро разлучила насъ. Я долженъ былъ ѣхать въ полкъ, а попомъ иными съ нимъ за границу. Запруднишельность переписки прекратила оную, а по возвращеніи моемъ въ отечество, я получилъ печальное извѣстіе о преждевременной смерти П..., похищеннаго жестокою болѣзнію у друзей его, не смотря на все усилія искусныхъ врачей.

Мысль о П... еще болѣе разстроила и огорчила меня. Я пришелъ домой довольно поздно и въ худшемъ расположеніи, нежели вышелъ. Все родные мои уже разошлись по своимъ комнатамъ. Ничего было дѣлать: я раздѣлся и легъ въ постель.

Но сонъ долго бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Нѣсколько разъ я засыпалъ и опять просыпался съ мыслями о П.... Наконецъ около полуночи я уснулъ крѣпко; но въ 5 часовъ утра, какой-то шорохъ разбудилъ меня. Открываю глаза: первые лучи солнца проникли уже въ окно моей комнаты и освѣтили ее. Приподнимаюсь на постель и осматриваюсь. Все въ комнатѣ тихо и на своемъ мѣстѣ. Только на столѣ у окна лежишь какая-то записка, кою которой съ вечера я шунъ не примѣнилъ.

Любопытство заставило меня вспашъ. Адресъ былъ на мое имя и знакомой руки. Я развернулъ: но кшо предснавишь себѣ

мой ужасъ и удивленіе, когда я прочелъ слѣдующія строки:

*Три раза заходилъ я къ тебѣ, но все не могъ тебя видѣть. Завтра около полуночи приду въ послѣдній разъ. Въ другое время я не могу. Ожидай меня, только, ради Бога, безъ свидѣтелей. Чтобъ и слуги твоего при свиданіи нашемъ не было. — Еще одно условіе: никому ни полслова объ этомъ. Иначе я не другъ тебѣ.*

*Твой П...*

Бумага выпала изъ рукъ моихъ: такъ это поразило меня. Я не зналъ, чшо подумалъ. Чшо П... умеръ, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія: я получилъ извѣстіе о смерти его отъ брата, кою который хопя и не былъ съ нимъ коронко знакомъ, но зналъ нашу связь и припомъ любилъ правду и былъ врагъ неосновательнымъ слухамъ. Съ другой стороны рука на запискѣ была точно П.... Я такъ хорошо зналъ и такъ живо помнилъ ее. Къ шому жъ эта таинственность! эти ночныя посѣщенія! Я перялся въ догадкахъ и заключеніяхъ.

Между шѣмъ, и отъ упреннаго холода, и отъ внезапнаго ужаса, сильная дрожь овладѣла моимъ шѣломъ. Я бросился въ постель и закутался; но не могъ болѣе ни уснуть,

ни согрѣшься. Меня било, какъ въ лихорадкѣ.

Первый вопросъ мой вошедшему упря слугѣ былъ: кто приходилъ ко мнѣ вчера, во время моего отсутствія? Онъ назвалъ двухъ, трехъ знакомыхъ и одного незнакомаго, кошорый былъ два раза и на вопросъ: какъ доложишь объ немъ? отвѣчалъ, что увидишься со мною самъ. Но описаніе его наружности совершенно не сходствовало съ П.... Эпошь былъ худъ, блѣденъ, долгоносъ — П... шодеть, румянь, прекрасень собою. Недоумѣніе мое часъ опъ часу возрастало, ибо слуга мой божила и клялся, что ни на минушу не выходилъ изъ передней, что всѣхъ приходившихъ вспрѣчалъ въ ней, и что ни одинъ изъ нихъ не входилъ въ мою комнату, не отдавалъ никакой записки.

Одѣвшись, поспѣшилъ я къ брату, чтобы освѣдомиться о дѣйствительности смерти П.... Его не было уже дома. Согласясь съ нѣсколькими пріятелями, онъ рано по упру опправился на охоту, и общалъ возвращишься не прежде, какъ поздно вечеромъ. — Изъ прочихъ родныхъ моихъ никшо не зналъ П... и никшо не могъ ничего сказать объ немъ.

Цѣлый день не выходилъ я никуда и провель очень скучно. Къ вечеру какая-то шоска овладѣла мною. Я самъ не могъ дашь себя опчета въ своихъ чувствованіяхъ. Сидѣлъ запершись въ своей компанш и не могъ ничего дѣлать: ни читаешь, ни пишешь, ни даже думаешь порядочно.

При насупленіи ночи, я снялъ со стѣны писмолены и зарядилъ, не зная самъ, для чего. Но, какъ бы спыдся самого себя, запрягала ихъ шакъ далеко, что въ случаѣ надобности, не скоро бы опыскала.

Время шянулось шакъ долго, какъ яникогда не запомию, и съ каждою минушою ожиданіе и нетерпѣніе мое увеличивались. Я сидѣлъ на спулѣ, устремля глаза на дверь и вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ. Наконецъ ударило 12 часовъ.

Еще бой часовъ не кончился, какъ послышался у дверей моихъ шорохъ. Я усугубилъ вниманіе. Случашся. Я подхожу къ двери, опворяю, и...“

Въ эпо мгновение вдругъ раздался сильный ударъ, какъ будто бы цѣлый домъ обрушился. Всѣ мы вскочили. Юлія и Александрина вскрикнули; у спарика выпала изъ рта трубка.

Но мы скоро опомнились. Ударъ происходилъ опъ спавня, опорваннаго вѣш-

ромь, кошорый со всею силою захопнулъ окошко.

Я первый это замѣнилъ.

„Жаль, что здѣсь недоспаетъ еще только двухъ — сказала я Юліи — а то бы можно было спросить: какой десятокъ мы составляемъ.“

— „Шушите, шушите“ отвѣчала она: — „вольно было этому случиться въ ту самую минушу, когда все вниманіе было обращено на вашъ расказъ и въ шакомъ ожиданіи. Впрочемъ изъ словъ вашихъ, кажется, очень замѣшно, что и вамъ храбростию своею нельзя много хвастаться. Однако жъ продолжайте: вы остановились на самомъ любопытномъ мѣстѣ.“

Только что успѣла она кончить сіи слова, какъ снова вскрикнула: „Ахъ! Боже мой!“

Глаза всѣхъ успремилась на нее. Что жъ? Во время перваго испуга, она отвернула край у самовара и не замѣтила того. Вода вышлекла на споль и со сполы къ ней на плаше.

„Послѣ этого я не оправдываюсь — примодвила я. — Вы довольно за меня наказаны.“

Когда всѣ опять усѣлись и успокоились, я продолжалъ мой расказъ:

„Я подхожу къ двери, отворяю и опспуваю при шага назадъ. Входишь человекъ, оспанавливаетъ посреди комнаты, и въ молчаніи просятиваетъ ко мнѣ руку.“

Это онъ, спочно онъ; но блѣдный, сухой, безъ малѣйшаго признака жизни.

Волосы поднялись у меня дыбомъ. Спою въ недоумѣніи и не зная, что начашъ. Вдругъ слышу слова:

„Ты ли это, Петръ? Такого ли приѣма ожидалъ я опъ себя?“

— „Это ты, П...?“ воскликнулъ я, и бросился къ нему на шею.

Вскорѣ все объяснилось.

П... былъ очень больнъ — почти безнадеженъ. Доктора опказались, и присудили ему ѣхать на воды. Дорогою сдѣлалось ему хуже, и онъ принужденъ былъ остановиться на нѣсколько времени въ одномъ маленькомъ городкѣ. Одинъ изъ знакомыхъ его, провзжая мимо и видѣвъ его въ шакомъ опчаянномъ положеніи, не думалъ, чтообъ онъ могъ вспань, и прѣхавъ въ Казань, распустилъ слухъ о его смерши. Зная, какъ опасенъ былъ П... передъ опъездомъ, братъ не усомнился въ шомъ, и написалъ ко мнѣ. Вскорѣ однако же узнали, что онъ оправился. Но братъ забылъ увѣдомить меня объ этомъ, и опъ того произошло все недоразумѣіе.

Въ Казань прїѣхалъ П... только за два дня передъ шѣмъ, узналъ, что я тамъ и былъ у меня наканунѣ два раза. Пришедши въ шредній разъ, онъ принесъ съ собою записку, и вспрыгнувъ на дворъ съ горничною, онъ кошорой узналъ, что меня еще нѣтъ дома, ошдалъ ей, а она, убирая постель мою, положила на шполь, чшобъ я нашель по возвращенїи; но въ задумчивости своей я ничего не замѣшилъ. На другой день П... не могъ прїѣйти ко мнѣ, пошому, что ѣздилъ по дѣламъ своимъ въ Свіяжскъ и возвращающа только поздно вечеромъ, а на завтра долженъ былъ ошправиться опять въ В..., гдѣ находился на службѣ и ошкуда уѣхалъ безъ позволенїя Начальника, а пошому и не желалъ, чшобъ его кто нибудь видѣлъ.

Мы провели цѣлую ночь въ дружескихъ изліяніяхъ сердецъ нашихъ и разсѣались уже на разсвѣтъ.

„Вошь и конецъ“ — примолвилъ я — „понравилась ли вамъ моя исторїя?“

— „Очень“ ошвѣчала старушка мать — „только прокляшой спавенъ пакъ напугалъ меня, что у меня и шеперь еще бѣшся сердце.“

„Спасибо вамъ за расказъ“ началъ спарикъ: — „Я слушалъ его съ большимъ вни-

манїемъ. Ну, господа! нѣтъ ли у кого еще чего? А пошомъ расказалъ бы и я исторїю изъ моихъ спарыхъ дней.“

— „Если позволите,“ началъ молодой офицеръ — „шо и я сообщу вамъ анекдотъ изъ моей жизни и... какъ бы вы думали? о шшшкѣ на носу.“

„Браво, браво!“ вскричала Александрина: — „О шшшкѣ на носу! Эшо должно бышь чшо нибудъ въ полномъ смыслѣ романическое...“

— „По крайней мѣрѣ довольно забавное“ — возразилъ офицеръ.

„Однако жъ кшпаша! Опъ шшшки на носу переходъ не великъ и къ длинному носу. Вы не объяснили намъ, Пешръ Александровичъ, опъ чего слугъ вашему носъ П... показался длиннѣе, нежели какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.“ — сказала Юлія.

— „Признаюсъ, эшотъ вопросъ приводить меня въ затрудненїе“ — ошвѣчалъ я. „Мнѣ никогда [не приходило въ голову сдѣлать его моему слугъ. Но я думаю, у похудѣвшаго челошвка носъ всегда кажешся длиннѣе, нежели у полнога...“

„Переспаннше входить въ шакїя шонкїя изъясненїя“ — начала хозяйка. „Послушаемъ лучше анекдотъ о шшшкѣ на носу. Начинай, Александръ!“

( Окончанїе впрѣдъ. )

## ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

### Исторія Артиллеріи.

#### Періодъ третій.

*Война Голландцевъ съ Испанцами, отъ 1568 до перемирія 1609.*

Два народа возсали въ сей брани другъ противъ друга: Испанцы и Голландцы. Войско перваго народа, побѣдая безреспанно въ Италіи, въ Германіи и въ знойной Африкѣ, привыкло къ побѣдамъ и дерзостямъ войны, и явилось лучшимъ войскомъ тогдашнихъ Европейскихъ Государствъ. Напротивъ того Голландцы, хотя и славились въ прежнія времена воинскими подвигами, совершенно забыли войну и науку воевать, подъ крошкимъ скипетромъ Карла V. Но когда сынъ его Филиппъ II взошелъ на Испанскій престолъ и мощною рукою началъ угнетать торговлю, Художества и миръ Голландіи, то земледѣлецъ оставялъ поля свои, купецъ пришедши, чтобы бранный мечъ поднять на

врага; они должны были слѣдовать за начальниками, коихъ повелѣнія не могли исполнить; должны были дѣйствовать противъ Испанцевъ, кои были лучшіе и неуспрашиваемѣйшіе воины тогдашнихъ Государствъ. Но презрѣніемъ Испанцевъ противъ Голландцевъ дарована побѣда и мужество симъ послѣднимъ. Ненависть къ тирану и фанатическія мысли о свободѣ воодушевляли Нидерландское войско. Ими управляло не золото, какъ сіе было въ Испанскихъ войскахъ, но фанатическое стремленіе къ независимости своихъ земель. Мы усматриваемъ, что въ сей войнѣ все влыви Военнаго Искусства равно усовершенствовались, и Артиллерія вступила, трудами *Лудовика Колладо, Уфано, Буска, Дамбаха, Буле* и проч., въ область ученыхъ Наукъ.

Уже въ первой половинѣ XVI столѣтія, артиллерійскія орудія получили правильнѣйшее устройство. Орудія (чрезвычайно большого калибра и порожнія) были поставлены въ арсеналы и сохраняемы для памяти попомнѣва. Вся Артиллерія состояла изъ трехъ родовъ орудій: 1) *шланги* — *canoniques*; 2) *картауны* — *сапос* и 3) каморныя орудія, состоявшія изъ *мортиръ* и *гаубицъ*. — Шланги были необыкновенной



Не должно смѣшивать сіи при послѣдніи орудія съ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое отличалось отъ нихъ и величиною и употребленіемъ.

Второй главный родъ артиллерійскихъ орудій были каршауны, коихъ заряжаніе шучьлою было шрудно и медленно; они были слѣдующія:

Тяжессть Зарядъ. Длина. Вѣсь. Дал. в по  
ядра. вел. возв.

- |                            |         |       |            |        |      |
|----------------------------|---------|-------|------------|--------|------|
| 1) Каршаунъ . . .          | 48 фун. | 21 ф. | 18 кал.    | 72 ц.  | 5968 |
| 2) Полукаршаунъ            | 24      | —     | 12 — 19-10 | 43 —   | 5070 |
| 3) Четверть каршаунъ . . . | 12      | —     | 8 — 24     | — 27 — | 4480 |

Каменобросцы и морширы оспались въ прежнемъ своемъ положеніи.

И во Франціи, Карлъ IX далъ Артиллеріи лучшее и сообразнѣйшее усиліе своимъ Указомъ 1572 года. — Орудія были слѣдующія:

Тяжессть  
снаряда. Длина. Вѣсь.

- |   |         |           |             |
|---|---------|-----------|-------------|
| 1) Двойной каршаунъ<br>(à double canon) | 42 фун. | 21 калиб. | 9000        |
| 2) Каршаунъ (le canon)                  | 33      | — 18      | — 6000      |
| 3) Большая шланга . . .                 | 16      | — 29-31   | — 4000      |
| 4) Баешардъ . . . . .                   | 7½      | — 27-30   | — 1500-1600 |
| 5) Фалконетъ . . . . .                  | 2       | — 29-33   | — 1000-1200 |

Изъ сего видно, что размѣры Французской Артиллеріи значительно не были согласны съ размѣромъ Испанской и Герман-

ской Артиллеріи. Скажемъ, что Германская Артиллерія была лучшая въ Европѣ; за нею слѣдовала Венеціанская, Ломбардская и Неаполишанская; сія послѣдняя уступала однако жъ въ красоте шой, которая выдѣлена была въ Малагѣ, въ концѣ XVI столѣтія Испанскимъ Фельдцейгмейстеромъ Донъ-Жуемъ Манригетъ де Лара. Самыя невѣрныя орудія были у Генуэзцевъ, гдѣ накалъ никогда въ серединѣ орудія не находилсѣ. Во всѣхъ Государствахъ съ сего времени начинали обращать вниманіе на усовершенствованіе Артиллеріи. Такъ Генрихъ IV, Король Французскій, передалъ всю сію важную военную часть своему незабвенному Министру Сюлли, въ 1599 году. Сей великій мужъ преобразовалъ во Франціи всю Артиллерію, распустилъ 500 артиллерійскихъ офицеровъ, за то, что не имѣли надлежащихъ познаній по сей наукѣ. Особенно обращалъ онъ свое вниманіе на линейную часть, и вскорѣ Артиллерія Французская достигла совершенства шого вѣка.

Къ сему періоду относятся изобрѣшеніе разныхъ полезныхъ снарядовъ, такъ напр. карпечъ; еще прежде употребляли родъ снаряда, называемаго: *градъ*; онъ состоялъ изъ рубленого желѣза, камня, цѣпей и проч., его обыкновенно клали безъ всякой

внѣшней связи въ орудіе; но въ семь періодъ оплещали его проволокою, или клали его въ деревянный или мѣталлическій сосудъ. — При осадѣ же Остенды, въ 1602 году, Голландцы бросали изъ малыхъ пушекъ прошивъ праншей Испанцевъ, фуншовой каршечи, состоявшія изъ малыхъ мушкетныхъ пуль, лишихъ въ холщпинный мѣшокъ. Для спрѣльбы сихъ каршечей употребляли порохъ въ *картузахъ*, а *Бонаюто Лорино* первый предложилъ прикрѣплять каршузъ къ снаряду для удобнѣйшаго заряжанія. — Къ изобрѣщенію новыхъ снарядовъ опносясь и *раскаленные ядра*, кои въ сей войнѣ, по причинѣ множества осадъ, часто были употребляемы, и при помѣ съ пользою; при осадѣ Спеевика въ 1580 году, 70 домовъ были преданы пламени семи раскаленными ядрами. Но чаще сихъ ядеръ были употребляемы бомбы и брандскугели. — Сіи послѣдніе обыкновенно состояли изъ смолы, селистры, сѣры; смѣсь сія была помѣщена въ холщпинной мѣшокъ и оплещена бичевою. Бомбы же были сдѣланы изъ чугуна и наполнены частію огнеспрѣльнымъ порохомъ, частію же горючимъ веществомъ. — До сего времени гранаты, сдѣланныя изъ кирпичной глины, обыкновенно были бросаемы артиллеристами изъ рукъ, но Комен-

дантъ Жемапскаго замка, въ присущствіи Фельдцейгмейстера *Дона Лудовика Веласко*, пробовалъ ихъ бросать изъ пушекъ; но опыты были неудачны: гранаты, не долетѣвъ до дула, лопались въ самомъ орудіи. Счастливіе были опыты, сдѣланные въ Антверпенѣ; заряжали здѣсь бо-пши фуншовую пушку: двѣ гранаты не долетѣвъ до дула, лопнули, прѣшья же попала въ предначертанную цѣль, но лопнувъ шустъ, бросила куски обратно къ мѣстну орудія, кои едва не ранили артиллеристовъ. Съ симъ осталось употребленіе гранатъ; его почитали невозможнымъ, хотя артиллеристы явно видѣли, что худое успроеніе орудій, слабое прикрѣпленіе трубокъ и заряжаніе гранатъ, были причиною сей неудачи. Въ сіе же время вошли въ употребленіе *свѣпящія ядра*, состоявшія изъ свѣшло-горючаго вещества; ихъ бросали обыкновенно во время ночи при осадахъ крѣпостей, для вѣрнѣйшаго дѣйствія орудій. Но такъ какъ они весьма легко могли быть потушены землею или водою, то Нидерландцы, при осадѣ Остенды, помѣщали въ сихъ свѣпящихъ ядрахъ по малой гранатъ, кои дѣлали ихъ опасными и вредными.

Съ увеличеніемъ количества артиллерійскихъ орудій, естественнo должно было

увеличились и число артиллеристовъ, кои по бѣльшей части состояли изъ Нѣмцевъ. Но Колладо говоритъ о нихъ, что они въ опредѣленіи зарядовъ, нахожденіи зазора и употребленіи прицѣльныхъ инструментовъ; были совершенно невѣжественны, и что они вообще все преданы крѣпкимъ книжкамъ. Чтобы помочь сему недосытку и образовашъ хорошихъ и опытныхъ артиллеристовъ, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, многія Государства имѣли у себя *Артиллерійскія Училища*, изъ коихъ Венеціанскія были древнѣйшія. Обучали здѣсь молодыхъ людей Арифметикѣ и Геометріи, чертежу геометрическихъ фигуръ, орудій и крѣпостей, нивелированію, расположенію мѣстъ, сравненію орудій, употребленію прицѣльныхъ инструментовъ, расположенію башенъ и наконецъ усвоенію артиллерійскаго обоза. Но главнѣйшее ихъ занятіе состояло въ вѣрной и точной стрѣльбѣ. По образцу сихъ Артиллерійскихъ Училищъ, и Карлъ V завелъ въ Бургосъ и Сициліи таковыя Училища.

Все, что принадлежало къ Артиллеріи, находилось подъ непосредственнымъ начальствомъ Фельдцейгмейстера. Пржегіе пушкарри, представлявшіе во вѣроромъ періодѣ

офицеровъ, были раздѣлены на роты и ввѣрены особенному начальнику.

Турки первые припрятали къ своимъ орудіямъ невольниковъ; жестокій Пизарро и свирѣпый Фердинандъ Корсецъ употребляли также въ Мексикѣ людей вмѣсто лошадей; также часто и въ Нидерландской войнѣ были употребляемы люди для возки орудій. — Порядокъ марша артиллерійскаго парка въ семь періодъ былъ слѣдующій: ходъ колонны всегда былъ открываемъ авангардомъ, состоявшимъ изъ легкой конницы. За авангардомъ слѣдовали пионеры въ четырехъ отдѣленіяхъ: первое съ топорами и пилами; второе съ инструментами для приговаренія фашины; третье съ молотами и гвоздями; четвертое съ ломомъ и лопатами. Послѣ пионеровъ слѣдовали повозки съ рычагами, гагншингами, и другими инструментами, для подниманія орудій служащими. Послѣ нихъ слѣдовала легкая артиллерія, тяжелая и осадная артиллерія; за ними зарядные ящики, за которыми слѣдовали понтоны съ ихъ прислугою, другіе ремесленники съ ихъ повозками, и наконецъ обозъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ отношеніи усвоенія орудій уже многое было сдѣлано, и что послѣдующимъ спо-

льшіямъ мало оспалось дѣйствовать на счетъ усовершенствованія орудій. На всѣ послѣдующія изобрѣшенія можемъ мы смолить съ двухъ почекъ зрѣнія: или они относились къ облегченію орудій, для быспрѣйшаго ихъ дѣйствования въ полѣ; или къ прислугѣ и сообразнѣйшему употребленію артиллеріи въ позиціи и въ нападеніи.

#### Періодъ четвертый.

*Тридцатилѣтняя война отъ 1616 до 1648.*

Еще не была окончена ужасная Нидерландская война, какъ вдругъ въ Германіи возпала другая брань, тридцать лѣтъ опустошавшая сію цвѣтущую страну.

Война сія имѣла великое вліяніе на усовершенствованіе Военнаго Искусства; являлись Полководцы, знаменитые изобрѣтательнымъ гениемъ и глубокимъ знаніемъ военнаго дѣла. — Уже Спинола и Морицъ Оранскій усовершенствовали и перемѣнили видъ Военнаго Искусства; но въ семь періодъ, безсмертный Валленштейнъ и великій Густавъ Адольфъ довели высшую Тактику почти до нынѣшняго ея состоянія.

Уже къ концу XVI столѣтія, многіе артиллеристы замѣтили неудобства длины и тяжести огнеспрѣльныхъ орудій; уже *Ривій* и *Лудовикъ Калладо* писали въ своихъ сочиненіяхъ, что несообразная длина орудій уменьшаетъ дальность выстрѣла. Густавъ Адольфъ, знаменитый возстановитель Военнаго Искусства, первый укоротилъ въ своей Артиллеріи длину орудій. *Линаръ* дѣлалъ, въ 1572 году, опыты съ короткимъ и длиннымъ орудіями, и нашелъ, что короткое не только не уступало длинному въ дальности выстрѣловъ, но еще превосходило его. Въ скоромъ времени Графъ Филиппъ Мансфельдскій укоротилъ длину Нидерландской Артиллеріи. Припомъ же замѣтимъ, что хотя снаряды были и шѣ самыя, но заряды были значительно уменьшены: они обыкновенно равнялись одной трети вѣса ядра. Въ отношеніи къ усовершенствованію Артиллеріи въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, должно сказать, что большихъ перемѣнъ не было, но что вообще спарались давать артиллерійскимъ орудіямъ прѣспѣйшій и прочѣйшій видъ. Въ Германіи, хотя придерживались еще стариннаго раздѣленія орудій на каршауны, планги и калиберныя орудія, но уже примѣтно опшупали отъ прежней длины и тяжести

орудій. Французы все еще слѣдовали эдикту Карла IX въ 1572 году; они въ семь періодъ имѣли только шесть различныхъ калибровъ орудій, кои были слѣдующіе:

	Тяжесть		Длина	Вѣсъ
	яра	ф.		
Canon . . . . .	33	ф.	10 фуш.	6,200 фунш.
Coulevrine ou demi-canon . . . . .	16	—	11 —	4,100 —
Batarde . . . . .	7½	—	9½ —	1,950 —
Moyenne . . . . .	2½	—	8½ —	1,500 —
Fauson . . . . .	1½	—	7½ —	800 —
Fausonneau . . . . .	¾	—	7½ —	200 - 400 —

Въ 1620 году были введены во Французскую Армилерію еще два калибра; это были 24-фуншова и 12-фуншова пушки. Первые обыкновенно назывались demi-canon d'Espagne, имѣли длины 10 фушовъ 10 вершковъ, вѣсили 5,100 фуншовъ; другія назывались quart de canon d'Espagne, длины имѣли 10 фуш. 9 верш., вѣсили 3,400 фунш. — Онѣ единственно были употребляемы въ батальной Армилеріи, между тѣмъ, какъ тяжелыя каршауны были оставлены и употребляемы только въ морской Армилеріи.

Но какъ ни облегчены были огнестрѣльные орудія, все таки были они неудобны слѣдовать за быстрыми движеніями кавалеріи. Для сего нѣкто Баронъ Мельхіоръ Вурмбрандъ (Австрійскій уроженецъ, слу-

жившій прежде у Императора, но въ семь періодъ находившійся Подполковникомъ въ Шведской пѣхотѣ), изобрѣлъ въ 1626, кожаныя пушки; онѣ состояли изъ мѣдныхъ стволровъ, окованныхъ желѣзными обручами, обвитыхъ веревками и клеємъ, и наконецъ, оббитыхъ полотномъ и кожей. Длина ихъ простиралась до 15 калибровъ, а вѣсъ, со включеніемъ лафетовъ, простирался до 90 фуншовъ; хоня зарядъ ихъ равнялся ¼ вѣса каршечи, но все таки онѣ послѣ 12 выстрѣловъ шакъ разгорячались, что должно было остановить стрѣльбу. Ихъ употреблялъ Густавъ Адольфъ только при года, и по прекращеніи Польскихъ войнъ, совершенно уничтожилъ въ своей арміи. Въ замѣнь сихъ кожаныхъ пушекъ, Густавъ Адольфъ ввелъ въ свою армию чешырехъ-фуншова желѣзныя пушки. Маркграфъ Гамильсонъ, извѣстный предводитель Англійскаго сикурса, усовершенствовалъ сіи желѣзныя пушки; упряжь ихъ состояла изъ двухъ лошадей; Густавъ Адольфъ снабдилъ каждый полкъ двумя такими пушками; онѣ не причислялись къ артиллерійскому шпаху, но состояли въ вѣдѣніи полковаго командира.

Естественно, что при такомъ учрежденіи, должно было увеличиться количество орудій при войскахъ. Подъ Франкфур-

помь на Одеръ, Густавъ Адольфъ имѣлъ при своемъ войскѣ 200 орудій различнаго калибра; при переходѣ его чрезъ ледь, 72 пушки были подведены къ берегу для спрѣльбы по шапцамъ Императорскихъ войскъ. Императорскія войска имѣли при себѣ 116 огнеспрѣльныхъ орудій; пороховъ сихъ орудій находилса въ 300 пороховыхъ ящикахъ, черною кожею обшпануемыхъ, опличенныхъ красною буквою F. (Ferdinand) и номеромъ. Органнныя орудія находилса въ семь періодѣ болѣе у мелкихъ армій союзныхъ Германскихъ Князей.

Снаряды осшавались въ помь же видѣ, въ каковомъ были въ прешьемъ періодѣ.

Замѣшимъ, что въ семь періодѣ, Аршиллерію упошребляли уже сообразнѣе съ ея цѣлю; хошя въ Италіи и Испаніи единшвенно находилса Аршиллерійскія Школы, но не смощря на шо, знаніе аршиллеристовъ прочихъ Государствъ не было ограничено. Ученикъ долженъ былъ плашнѣе своему фейерверкеру двухмѣсячное жалованье, за что сей обязанъ былъ обучашъ его упошребленію всякаго рода орудій, пригошвленію снарядовъ и зарядовъ, и часшо заложенію минь. Пушкаръ, желавшій обучашъ учениковъ, долженъ былъ произвесши шри выспрѣла, изъ конхъ

цѣль перваго ошешояла ошъ орудія на 500, втораго на 1000, прешьяго на 1500 шаговъ.

Упошребленіе бомбъ не ограничивалось въ семь періодѣ однимъ зажигаемъ осажденныхъ городовъ, но ими дефилировали и фасы укрѣпленій, какъ сіе было при осадѣ Риги въ 1620 году; квадраншомъ означали направление бомбъ: первый выспрѣлъ опредѣлялъ, великъ ли или корошкъ полешъ, и должно ли прибавишь нѣсколько градусовъ возвышенія, или убавишь, (предполагая, что 45° ешъ предѣлъ возвышенія); шакимъ образомъ мешалъ бомбы знаменишый Англичанинъ *Мальтусъ*, Генераль-Коммисаръ Аршиллеріи и Начальникъ минернаго корпуса Лудовика XIII. Примѣчательнѣйшее явленіе въ семь періодѣ, ешъ упошребленіе каршечъ въ полевыхъ сраженіяхъ; прежде ихъ упошребляли шолько при осадахъ крѣпостей для очищенія бреша, и во флотшъ, для согнанія экипажа съ палубы; но при заведеніи полковыхъ орудій, и каршечи вошли въ упошребленіе; полевыя гаубицы Маркграфъа Баденскаго и кожаныя пушки Густава Адольфа единшвенно спрѣляли каршечью. На счешъ прислуги аршиллерійской, замѣшимъ, что она болѣею часшю осшавалса въ шакомъ же видѣ, въ каковомъ была въ прешьемъ періодѣ; пѣхоша охраняла ее

у Авспрійцевъ; шакъ мы видимъ, что въ сраженіи подъ *Виллермоу*, въ 1622 году, кавалерійскій Герберштейновъ полкъ защищалъ артиллерию безмернаго Тилли.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

### Ш.

## Ф И Л О С О Ф И Я.

Письмо къ другу о постепенномъ усовершенствованіи человѣческихъ познаній.

Почтенный другъ! Много разъ говорила я съ собою о судьбѣ челоѣческаго рода. Мы спрашивали другъ друга: достигнешь ли челоѣкъ когда либо до истиннаго обо всемъ познанія, или определено ему образованья до нѣкоторой ограниченной степени совершенства, и попомъ шерянешь въ мелочныхъ познаніяхъ, или блуждашь во мракѣ невѣжества до новаго возрожденія? Ошѣшны наши были нерѣшимельны. Да и можно ли рѣшишь не шолько въ разговорѣ, часто неимѣющемъ связи въ мысляхъ, но и въ обдуманномъ сочиненіи, шакъ кой вопросъ, кошорый объяснишь можешь

шолько при концѣ міра? Впрочемъ, разшаривая прошедшую жизнь рода челоѣческаго и соображаясь съ идеаломъ совершенства, ешь надежда и въ настоящемъ періодѣ замѣнишь, въ чемъ оышность ошнала ошь умозрѣній, и напрошивъ умозрѣнія ошь оышновъ; какія причины ошанавливають разшиіе умшвенныхъ способностей, и въ какихъ наукахъ можно улучшить наши познанія.

Для сего починаю нужнымъ изложишь прежде всего идеаль ума челоѣческаго, по ешь, определяишь, въ чемъ должно состояишь совершенство мысленной способности. Сіе определение ошкрышо намъ въ книгахъ Священнаго Бишописателя Моисея. Тамъ сказано, что челоѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію. По соображеніи сего определения съ природою челоѣческою, выходишь, что Богъ ешь Творецъ всего существующаго, все знаешь, все видишь, всемъ управляешь и шоль всемогущь, что единымъ словомъ можешь, какъ создалъ, шакъ и разрушишь швореніе Свое. Челоѣкъ напрошивъ шого, будучи шолько образъ и подобіе Божіе, самъ ничего не шворишь, ничего незнаешь; но по дарованной ему ошь Бога мысленной способности, все разшариваетъ, изображаетъ, описываетъ, по-

стигаешь часпю причины и, мало по малу, образуешь въ умъ своемъ идеаль или ясное понятіе о Богѣ и швореніи Его.

Если бы человекъ не нарушилъ первой заповѣди, и осмался жить на землѣ непосредственно подѣ руководствомъ Творца своего, тогда познанія наши приводились бы къ идеалу совершенства безъ всякой примѣси заблужденій. Можно полагать, что всѣ спраспи, обращенныя въ нынѣшнемъ соснояніи нашемъ къ низкимъ живошнымъ склонностямъ, возбуждали бы въ насъ тогда великодушныя чувствованія. Но паденіе праотца нашего дало природѣ человѣческой другое образованіе. Намъ опредѣлено испытать, какъ непослушнымъ дѣшямъ, всѣ роды злосчастій, и подобно какъ золото, заключенное въ рудахъ или разсыянное въ пескахъ, извлекаешь ясныя понятія изъ многотрудной опышности и заблужденій.

Можно видѣшь изъ Исторіи рода человѣческаго и изъ образа нашихъ понятій, какія несчастныя послѣдствія произошли ошъ перваго грѣхопаденія; сколько ошдалились мы ошъ идеала совершенства; къ какимъ низкимъ склонностямъ обратили дарованную намъ ошъ Бога способность мысленную, и сколько помраченъ вообще умъ человѣческой, что многія племена на землѣ

не знаютъ другихъ занятій, другихъ побужденій, кромѣ жалкаго понятія о поддержаніи жизни; а нѣкошорыя породы дошли до такого дикаго сосноянія, что не ошличаются почти ошъ безсловесныхъ живошныхъ.

Впрочемъ сіе униженное соснояніе должно приписать предуснопришельности и благоспи Божией. Когда родъ человѣческой, по нарушеніи заповѣди, преданъ былъ на волю спраспей своихъ, тогда полезіе было малому числу людей подвергаться опышности; а прочимъ племенамъ, какъ запасамъ будущаго образованія, научаться примѣрами другихъ, или оснаваться даже въ совершенной безчувственности, доколѣ спраспи на землѣ не войдутъ въ надлежащія предѣлы, и доколѣ разумъ не образуешся до шой степеніи совершенства, какая ошъ Бога начально ему предоснавлена.

Такимъ образомъ мы видимъ изъ Исторіи, что люди, послѣ разсыянія ихъ, начали образовать мысленную способность, не всѣ вдругъ, но ошдѣльными племенами. Египтяне, Вавилоняне, Финикяне, Персы, особливо Греки, а наконецъ Римляне ошличились въ усовершенствованіи какой либо часпи Науки, Законодательства, Искусствъ и умозришельныхъ познаній; но по немѣтню швердаго

основанія, истинной Религіи, ихъ понятія о природѣ человѣческой были неясны, несвязны, сбивчивы; а наконецъ къ рожденію Искупишеля, можно сказать, что не опасалось въ языческихъ просвѣщенныхъ народахъ никакого понятія о Религіи; ибо древнему идолослуженію, какъ совершенно безсмысленному, не вѣрили, истиннаго Бога не постигали, и опасались на духъ, равно пагубныхъ крайностяхъ: суевѣрїи и невѣрїи.

Замѣчательно, что въ сіе время, просвѣщенные племена, исключая Индійцевъ и Кипайцевъ, невошедшихъ въ составъ общаго образованія народовъ, подвергнулись единоначалію Августа и послѣдовавшихъ за нимъ Императоровъ. На всемъ пространствѣ единственной на землѣ Римской Имперїи, всѣ народы въ Европѣ, Азїи и Африкѣ, въ предѣлахъ Имперїи заключенные, понимали другъ друга, или, по крайней мѣрѣ, могли имѣть свободное сообщеніе.

Сполнъ необыкновенное соединеніе народовъ подъ единую власшь послѣдовало, какъ видно изъ Исторїи, не по расчетамъ человѣческимъ, но единственно по промыслу Божію, чпобъ удобнѣе было Апостоламъ распространить ученіе Христово.

Размышляя о семъ важнѣйшемъ на землѣ происшествїи, мы безмолвно удивляемся

и благости Божіей и великопни Искупишеля. Надобно было освятить природу человѣческую, простишь ее въ пресупленїи и носшавишь человѣка на шопъ пунь, по кошорому онъ, изъ бездны злосчасїи, ко Творцу своему слѣдовалъ долженъ. Но какою жершвою можно было искупить пресупленїя человѣка и примирить его съ Богомъ? Много было на землѣ людей праведныхъ, которые честноспїю и добродѣтелию нѣсколько возвысили природу человѣческую и склонили на милость Творца своего; но чпобъ уничтожить проклятіе съ земли въ пресупныхъ дѣлахъ людей, надлежало показать господство Божественнаго ума надъ физическою природою — и Сынъ Божій, Спасишель нашъ, умершвилъ въ плоти человѣческой всѣ спрасши, всѣ гомышленїя земныя; равнодушно перенесъ всю злость и неправосудїе людей, и будучи осужденъ ими какъ пресупникъ на позорную смерть, не изъявилъ ни гнѣва, ни скорби, ни презрѣнїя къ людямъ, и на самомъ крестѣ, обратясь къ Отцу Своему, въ словахъ: *Боже мой! Боже мой! почто меня оставилъ?* заповѣдалъ намъ примѣромъ Своимъ, имѣть пвердую надежду на Бога и повинываться вошь Его до послѣдняго издыханїя.

Сею необыкновенною крошестію, вѣрою и долгошерпѣиємъ, Спасишель нашъ показалъ, къ какимъ пожертвованіямъ способна природа человѣческая; и послѣ такого удивившаго и самихъ Ангеловъ постушка, всякое дѣяніе безразсудности человѣческой не сильно было раздражишь Всесошворившаго, до такой степени, чшобъ ошврашилъ Онъ взоръ Свой ошъ лица земли и осудилъ людей на новое проклятіе.

Нельзя ошавишь безъ замѣчанія и того, чшо Спасишель нашъ, къ распространенію ученія Своего, избралъ проповѣдниковъ изъ самаго простаго народа, чшобъ показашъ, чшо для власши Божіей ненужна въ пособіе мудрость человѣческая. Также замѣши, чшо Апостолы, просвѣщенные Духомъ Святымъ, не упошребляли къ обращенію людей ни силы, ни оружія: новое доказательство, сколько всемогуща власшь Божія, и сколько прошивны Богу всякаго рода насилія.

Въ послѣдствіи времени, когда пашва Хришова размножилась на землѣ, люди, по природной слабости ума и по склонности къ высокоумію, не ясно понимали смыслъ ученія Хришова, ошъ чего возникли ереси, гоненія и суевѣрія. Прейдемъ въ молчаніи нѣсколько вѣковъ помраченія ума человѣч-

скаго, и замѣшимъ, когда племена западной Европы начали вновь просвѣщаться Науками, по нѣкоторыя ученые, надмись своею мудростію и обращая слабости и заблужденія человѣческія на свяность ученія Хришова, старались обратишь людей къ другой крайности, къ невѣрію. Ошъ сего ложнаго ученія пострадали нѣсколько и самыя Науки, ибо подумали, чшо свободное разсужденіе о природѣ вредишь Религіи.

Соображая все сіи измѣненія въ понятіяхъ нашихъ о Религіи, и расширявая по Ишторіи порядокъ просвѣщенія народовъ, можемъ заключишь, чшо жизнь рода человѣческаго вообще подобна жизни частнаго человѣка. Въкъ младенчества народовъ, подобно дѣтскому возрасту, ишпребился изъ памяти, исключая Священнаго Писанія. Въкъ юности положиль основаніе гражданскимъ обществамъ, столько же непрочное въ коренныхъ началахъ, какъ и разсудокъ, основанный на воображеніи безъ надлежащей опытности. Въкъ молодости, подверженный самымъ бурнымъ спрасшамъ, произвелъ на землѣ шѣ ужасныя перевороты и кровопролитія, ошъ которыхъ и по сіе время спрадаешъ родъ человѣческій. Но когда разсудокъ, наученный несчастною опытностію, начнешъ входишь въ свою силу и

подчинить бурныя спраси зрѣлому разсужденію, тогда человекъ, размошрѣвъ по Историі прошедшую жизнь свою, узнаешь всю важность пресшуплений и мѣру заслуженнаго наказанія. Но когда явились на земль Судь Божій, о томъ извѣстно Единому Богу, намъ же ни по какимъ соображеніямъ предсказать сего не можно.

Такое же заключеніе можно сдѣлать и о Наукахъ Естественныхъ. Мы теперь судимъ объ нихъ только по двумъ періодамъ просвѣщенія, древнему и нынѣшнему. Однакожь и по симъ періодамъ открывается, что образованіе ума человеческого основано на однихъ и тѣхъ же непреложныхъ законахъ. Періодъ древняго просвѣщенія подобенъ вѣку юности, а нынѣшній можно назвать вѣкомъ бурныхъ спрасей и ошважныхъ изслѣдованій. Но когда наступитъ вѣкъ зрѣлаго возраста, тогда можно надѣяться, что и Естественныя Науки гораздо болѣе усовершенствуются. Въ доказательство, что сіи Науки въ древности были слабы, нынѣ несовершенны, и есть виды къ дальнѣйшему улучшенію, можно предсказать слѣдующія соображенія.

Напримѣръ, не говоря о Поэзій, которая, облекая въ формы и красивыя выраженія извѣстныя только преданія и вымыслы,

можешь образоваться до превосходной степени у всякаго просвѣщеннаго народа, прочія Науки, особливо Естественныя, не иначе, какъ поспешенно приводятся къ совершенству; ибо онѣ основаны на опытахъ и наблюденіяхъ, и къ соображенію всего съ природою преобладаютъ мысленной способности въ высочайшей степени. Возьмемъ въ примѣръ Астрономію. Наблюденія древнихъ по сей Наукѣ были довольно значительны. Но не открывъ умозрѣнемъ ни системы Коперниковой въ расположеніи планетъ, ни законовъ Кеплеровыхъ и Невтоновыхъ въ движеніи ихъ, они не могли составить о солнечной системѣ вѣрнаго понятія. Новѣйшіе, по изобрѣшеніи телескоповъ и прочихъ необходимыхъ для наблюденія инструментовъ, открыли пять новыхъ планетъ и семнадцать спутниковъ; сверхъ того, по замѣченнымъ на солнцѣ и планетахъ пятнамъ и возвышеніямъ, опредѣляли время супочныхъ обращеній и вообще открыли сходство ихъ съ нашею планетою. За всѣмъ тѣмъ, сколько и теперь недостаточны познанія наши по части умозрительной, можно судить по тому, что многіе врантъ, будто бы кометы могутъ заходить въ нашу солнечную систему изъ другихъ системъ, и будто бы супочное обращеніе

солнца не имѣеть никакого вліянія на годовое движеніе планетъ, равно какъ и суточное обращеніе планетъ на обращеніе спутниковъ. Такая невѣрность въ мысляхъ происходитъ отъ слабости умозрѣній и вообще отъ недоспапчного познанія свойствъ припягашельной силы. Посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что сія часть Естествовѣной Науки со временемъ усовершенствуется, опкроетъ важныя ошибки въ измѣреніи разстояній, и даже поправитъ ошибки въ измѣреніи поперечниковъ.

Равнымъ образомъ познанія наши о составѣ земнаго шара, относително къ возможному совершенству, сполько же недоспапчны, или еще и болѣе. Древніе ни о фигурѣ земли, ни о величинѣ ея не имѣли спчнаго познанія. Новѣйшіе къ симъ свѣдѣніямъ присовокупили множество наблюдений и умозрѣній о самомъ составѣ планетъ. Но сколько еще слабы умозрѣнія, можно судитъ по тому, что для познанія расположенія слоевъ и вообще внутрѣнности земной, копаютъ колодцы, непроникающіе въ глубину и на сто сажень; между тѣмъ не хотѣвъ видѣть, что сама природа изрыла ямы, нынѣшнее вмѣстѣлице океановъ, глубиною до штысячи сажень, и по самое вещество, которое находилось въ сихъ ямахъ,

составляетъ теперь машерки земные, что ясно доказывається положою и исковерканною во многихъ мѣстахъ наспилкою слоевъ и находимыми даже на высочайшихъ горахъ морскими произведеніями. Слѣдовашельно средства къ познанію природы опкрыты намъ отъ Самого Бога, но слабость ума въ соображеніяхъ не позволяеть ими пользоваться.

Такая же слабость примѣтна въ мысляхъ и о составленіи вещества земнаго. Не говоря о многихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ системахъ, нынѣшніе Естествоиспытатели раздѣляются надъ двѣ главныя партіи, на Вулканистовъ и Непшунистовъ. Первые происхождение слоистаго вещества земнаго приписываютъ дѣйствию огня, а вторые дѣйствию воды. Но внимашельное разсмотрѣніе слоевъ земныхъ и свойствъ огня и воды опвергаетъ объ сіи системы, и заставляеть вѣрнѣе, что слои вещества образовались на землѣ не отъ огня, ни отъ воды, но просто паденіемъ, во время шворенія, изъ окружающаго планету пространства, и осадкою подобно снѣгу и дождю, кошорые, если бъ не имѣли плающаго и текущаго свойства, но могли бы составитъ по сіе время на полярныхъ земляхъ сполько же новыхъ слоевъ, сколько годовъ земли су-

ществуешь, и наростимъ количествомъ своимъ сравняли бы ось земную съ поперечникомъ экватора. По сему можемъ судить, что и сія часть Естественной Науки, почти неизвѣстная древнимъ, нѣсколько постигнушая новѣйшими, со временемъ образуется до гораздо большаго совершенства.

Подобное заключеніе можно сдѣлать и о Землеописаніи. Составленное древнимъ описаніе поверхности земной ни въ какое сравненіе не можетъ идти съ нынѣшнимъ Землеописаніемъ. За всѣмъ тѣмъ, не зная причины происхожденія материковъ, мы и теперь еще ищемъ новыхъ земель у полюсовъ. Но если бы и по сей Наукѣ умозрашительная часть равнялась съ наблюденіями, то можно было бы, подобно Невтону, не выходя изъ кабинета открывшему сжатіе земли у полюсовъ, доказавъ вычисленіями, что материкъ не могли выдвинуться на другія мѣста, кромѣ тѣхъ, на кошорыхъ нынѣ находятся, и не могутъ переходить съ одного мѣста на другое, какъ нѣкошорые думаютъ, по необходимому на материкахъ и во внутренности оныхъ морскимъ произведеніямъ. По сему собственно такъ называемая Географія или Землеописаніе, хотя можетъ еще нѣсколько улучшиться путешествіями по зем-

лямъ, мало извѣстнымъ; но соображеніе всѣхъ возвышеній съ причиною происхожденія ихъ, предоспадено совершить въкамъ грядущимъ.

Если съ сей почки разсмашивать и прочія Науки, то можно почти въ каждой найти чувствительныя недоспаки; но я оставляю ихъ безъ замѣчанія, чтобы не обременить вдругъ вашей памяти. Впрочемъ и изъ предложенныхъ замѣчаній вы удостовѣришь, что много есть видовъ и надеждъ къ усовершенствованію нашихъ познаній. Съ сею надеждою мы можемъ умеренъ спокойно, оставляя будущимъ поколѣніямъ довершить образованіе мысленной способности, чтобы они не сказали, подобно Александру завоевателю, что имъ ничего дѣлать не оспалось. — Прощи.

## К Р И Т И К А

КРИТИКА НА КНИГУ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:  
*Ordo bibliothecae Universitatis Caesareae Mos-*  
*quensis, conditus a bibliothecario Ferdinando*  
*Friderico Reuss. Расположеніе Библиотеки*  
*И. Московскаго Университета, сдѣланное*  
*Библиотекаремъ Ф. Ф. Рейссомъ. Москва.*  
 1826 года.

Сіе сочиненіе издано въ одной книгѣ на двухъ языкахъ: Латинскомъ и Русскомъ, и содержишь въ себѣ одно только расположеніе книгъ безъ показанія, какія изъ нихъ хранятся въ Библиотекѣ. Въ предисловіи къ сочиненію говорится о пользѣ Библиотекъ, о размѣщеніи оныхъ, о кашалодахъ, о томъ, какъ Г. Сочинитель вносилъ заглавія книгъ въ свои реессы, о подкахъ, на которыхъ онъ спавилъ ихъ и впредь будешь спавишь, о мѣрѣ словъ, въ которыхъ помѣщены реессы, попомъ слѣдуешь разсужденіе, какъ раздѣляются всѣ знанія и ш. д.; но въ цѣломъ предисловіи не показана цѣль сочиненія. Если бы Г. Авторъ имѣлъ намѣреніе доставишь намъ свѣдѣніе о самыхъ книгахъ, находящихся въ Библиотекѣ И. М. Универ-

ситета, по его сочиненіе было бы очень любопытно для Московской публики и для всѣхъ любителей просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, Г. Сочинитель не имѣлъ сего въ виду. Изъ нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ въ предисловіи (на стр. XXII, XXIII), можно догадываться, что сочиненіе сіе издано съ шюю цѣлью, чтобы показашь *новый* систематическій порядокъ для расположенія Библиотекъ. И шакъ въ семь опношеніи разсмотримъ доспоишешво сочиненія.

Книги раздѣлены, по ихъ содержанію, на два главные разряда: 1-е, на книги *пантологическія* и *полилогическія*, ш. е. все — и многопредметныя, и 2 *монологическія*, ш. е. однопредметныя. Первый разрядъ содержишь одинъ только порядокъ, а второй девять порядковъ; изъ нихъ первые пять опнесены къ Наукамъ, а послѣдующіе четыре къ Искусствамъ. Отсюда вышло десять порядковъ. Въ *первомъ* помѣщены книги всепредметныя и многопредметныя, во *второмъ* Богословскія, въ *третьемъ* основныя, Философскія, миссическія. Въ *четвертомъ* путешествія, кн. физиономическія, математическія, физическія, въ *пятомъ* историческія, въ *шестомъ* юридическія, въ *седьмомъ* дішешическія, гимна-

спическихъ, медицинскія, въ *осьмомъ* экономическія, технологическія, въ *девятomъ* филологическія, грамматическія, риторическія, поэтическія, кн. о музыкѣ и пластическихъ Искусствахъ, въ *десятомъ* книги педагогическія и полишическія.

При самомъ обзорѣнн вычисленныхъ порядковъ, можно въ нихъ замѣтити большой безпорядокъ, который еще болѣе обнаружился при подробныхъ раздѣленіяхъ.

Къ полилогіямъ и панпологиямъ отнесены всѣ древніе Писатели, кромѣ медицинскихъ и математическихъ. Неизвѣстно, почему Баснописецъ Федръ разлученъ съ Лафоншеномъ и другими Баснописцами новѣйшими? Почему творенія Гомера, Виргилія не вмѣстѣ съ Поэтами нашихъ временъ, хотя и сдѣлано главное расположеніе книгъ по предметамъ, а не по времени? Почему—далее — сдѣлано такое оплччіе для Врачей и Математиковъ? Правда, въ предисловіи на стр. XV, какая-то причина и высказана; тамъ сказано: „Нѣкоторыя творенія древнихъ должно отнести къ полилогіямъ, нѣкоторыя же къ монологіямъ, припомъ древнія сочиненія имѣющіе многихъ любителей, которыхъ раздѣленіе древнихъ Авторовъ по многимъ оплччіямъ книгъ не, пріятно бы было: по, кажется, весьма

„прилично соединишь съ древними полилогіями всѣ прочія древнія творенія и отнести вмѣстѣ съ полкованіями на нихъ къ полилогіямъ и п. д.“ Изъ того, что нѣкоторыя древнія сочиненія относятся къ полилогіямъ, слѣдуетъ ли дѣлать заключеніе, что сюда же относятся и всѣ прочія? Кипо шакіе любители древнихъ Писателей, которые вмѣшиваются въ расположеніе Библиотекъ? И наконецъ, не могутъ ли бытъ и шакіе, которые захотятъ, чтобы Авторы, писавшіе подобнымъ образомъ о подобныхъ предметахъ, находились вмѣстѣ, не смотря на различіе времени, въ которое они писали?

Однопредметныя книги раздѣлены на Науки и Искусства, см. стр. 2 и 3. — Но можно ли оплччіать Науки отъ Искусствъ? Не доказано ли нынѣ, что всякая Наука имѣетъ свое практическое употребленіе, и что всякое Искусство имѣетъ, или по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть свою теорію? Если же такое дѣленіе принято уже за правило: то слѣдовало бы Христіанское правоученіе оплччіать отъ Богословскихъ писаній, Анатомію, Физиологію и другія медицинскія Науки отъ Врачебнаго Искусства, Счетоводство, практическую Геометрію отъ Наукъ математическихъ, а Всобщую Грамматику отъ Искусствъ. Жаль, что въ

сочиненіи встрѣчаются непрестанныя противорѣчія!

Довольно странно то, что съ Врачебнымъ Искусствомъ рядомъ поставлено Военное, въ томъ предположеніи, будто бы между ими есть большое сродство. Ибо въ предисловіи (на стр. XIX) сказано: „какъ „Діететика и Медицина имѣють цѣлю сохрaненіе здравія людей порознь, такъ Врачебная Полиція и Судебная Медицина занимаются сохрaненіемъ здравія гражданъ и общества, Военное же Искусство употребляетъ его въ непріятель.“ Дѣйствительно сравненіе смѣлое и оригинальное! Но если Военное Искусство находится въ тѣсной связи съ Медициною, то для чего же присоединять его къ Экономіи?

Неизвѣстно, какая польза можетъ произойти отъ того, что Право Естественное, къ которому впрочемъ отнесены сочиненія о войнѣ и мирѣ и вредномъ перепечатаніи книгъ, — совсѣмъ отдѣлено отъ Наукъ юридическихъ и между ими вставлены Исторія, Географія и Науки физическія? Для чего также между физическими Науками и медицинскими помѣщены юридическія? Почему книги политическія, будучи отдѣлены отъ юридическихъ, непосредственно слѣдуютъ за дѣшкою Техно-

логіей? Почему Естественное Богословіе поставлено въ двухъ мѣстахъ? Почему основанія метафизическія Математики отнесены къ тѣмъ книгамъ, въ которыхъ говорится о предметахъ явныхъ? Все это сдѣлано по какой-то неизвѣстной причинѣ, можетъ быть по той дивинаціи, о которой говорится въ предисловіи (на стр. XVII).

Далѣе — Естественная Философія отнесена къ Философіи (смотри стр. 32, 33). Можно согласиться, что познаніе природы есть часть Философіи, принятой въ обширномъ ея значеніи: но для Наукъ Естественныхъ сдѣлана особая спашья. И такъ, если принять различіе между Естествою Философіею и Науками физическими, то куда же отнести большую часть физическихъ сочиненій, гдѣ опытность или историческое познаніе природы соединяется съ умозрѣніемъ? Для нихъ и мѣста нѣтъ въ цѣлой системѣ.

Въ прешлемъ порядкѣ помѣщены три рода книгъ: А. *Основныя*, куда относятся: Исторія и изслѣдованіе ума человѣческаго, Логика, или Наука о употребленіи разума. В. *Философскія* съ подраздѣленіями. С. Мистическія. Какъ можно Историю, изслѣдованіе ума человѣческаго, отдѣлять отъ На-

уки объ упошребленіи онаго, и все эшо опъ Философіи, и ей прошивополагашь? Невъвшно, что разумѣли здѣсь подъ именемъ Философіи.

Исторія Наукъ и Искусствъ соединена съ Общюю Исторією (см. стр. 89). Всякій согласился, что Исторію Церковную, а особенно Исторію догматовъ и обрядовъ лучше опнесши къ Богословскимъ книгамъ, равно какъ Исторію Философіи къ самой Философіи, Исторію Математики къ Математикѣ и ш. д., нежели спавили ихъ рядомъ съ Исторією Грековъ, Римлянъ, Французовъ и ш. д., Г. Сочинилъ и самъ эшо чувствовалъ, и Исторію Законовъ опнесъ уже не къ Общей Исторіи, но къ Законовѣднію.

Книги, до Законодательства и Правъ касающіяся, всего удобнѣе раздѣлишь на *общія*, гдѣ излагаются общія основанія правъ и законовъ, и на права *извѣстныхъ Государствъ*. Въ такомъ случаѣ всѣ книги, касающіяся до Россійскаго Законовѣднія, находились бы вмѣстѣ — шо же бы было и съ законами и учрежденіями другихъ Державъ и народовъ. Но въ новомъ систематическомъ порядкѣ поснушено совсѣмъ иначе. Россійскіе законы по сему порядку надбно будещъ опъискивашъ между книгами

политическими, другіе между книгами юридическими и пришошь между многими и въ разныхъ мѣстахъ помѣщенными спашьями.

Кажешя, всѣ такіа несообразности произошли опъ того, что опвергнушь общепринятый способъ дѣленія Наукъ въ Россійскихъ Университетахъ, а на мѣсто его придуманъ какой-шо новый, будшо бы систематической порядокъ, кошорому и самъ изобрѣшатель часпо не слѣдовалъ.

Что касается до дальѣйшихъ подраздѣленій, шо они во многихъ мѣстахъ, кажешя, набросаны по произволу. Чшобы не упоминъ чиншателя; покажемъ только нѣкоторыя изъ нихъ.

На стран. 35.

2. Нравственные наспавленія, опносящіяся къ извѣстнымъ сословіямъ и обществамъ людей,

а. къ браку . . . . . 3. D. f.

б. къ несчастіямъ философскія

упѣшенія . . . . . 3. D. g.

с. къ женщинамъ . . . . . 3. D. h.

д. къ начальникамъ, придворнымъ, дворянамъ, судьямъ, ученымъ 3. D. i.

е. къ купцамъ, крестьянамъ, слугамъ . . . . . 3. D. k.

и ш. д.

Здѣсь несчастія поспавлены между бракомъ и женщинами, а женщины между несчастіями и начальниками.

На сгран. 57.

Живописныя раздѣлены на слѣдующіе классы:

1. Млекопитающія,
2. Птицы,
3. Земноводныя,
4. Рыбы,
5. Беспозвоночныя живописныя. — Сіи послѣдніе раздѣлены на насѣкомыхъ, червей.

Кажется, лучше бы приняты дѣленіе поновѣе, вмѣсто обветшалаго.

На сгран. 219. О Риторическомъ Искусствѣ.

3. Монологіи.

α. о періодахъ, прохожденіяхъ, пропахъ, изобиліи словъ и предметовъ . . . . . 9. К. б.

β. о хриі, изусешномъ краснорѣчїи, оспрыхъ словахъ . . . . . 9. К. с.

γ. Объ извѣстныхъ родахъ прозаическаго слога, съ подраздѣленіями.

На сгран. 227. подъ знаками γο. D. v.

Дѣтская Гигіена: Исторія ядовитыхъ растений, дѣтская Медицина, Исторія ко-

ровсей оспы. Дѣтская экономія. Правила для предохраненія ошъ пожара. Дѣтская Технологія.

То же можно найши на сгран 49, 51 и слѣд., 104 и слѣд., 135 и слѣд. и ш. д.

На сгран. 45. Вычисленіе всѣхъ главъ Физики и Химїи годится для преподаванія ученикамъ сихъ Наукъ, а не для расположенія Библіотеки. Напримѣръ, для книгъ о воздухообразныхъ веществвахъ назначена цѣлая спашья, но много ли можно ошпискати сочиненій особенныхъ о семъ предметѣ? Но что касается до солей, металловъ и ш. д. по спашьи, для нихъ назначенныя, будущъ уже очень обширны.

Во многихъ мѣстахъ, нѣкоторыя предметы оспавлены безъ подраздѣленія, напримѣръ Эшеника. Другія же дѣленія слишкомъ мелочны и зашемняютъ смыслъ сисшемы, и безъ того не очень ясныя.

Вспрѣчаются также нѣкоторыя сгранныя погрѣшности. Напримѣръ на сгран. 25 поспавлено только чешыре церковныхъ Таинствъ: а) Крещеніе, б) Покаяніе, разрѣшеніе, юбилей, с) Причащеніе, д) Бракъ и Мвропомазаніе.

На сгран. 29, подъ опдѣленіемъ о совершенїи Таинъ, ихъ показано только два: 1) Покаяніе, 2) Причастіе.

Забыты книги о защищеніи Греко-Россійской Церкви пропивъ нашихъ раскольниковъ.

На спран. 37, Сибирь опнесена къ Европѣ.

На спран. 31, подъ ошдѣленіемъ о нравахъ, поставлены двѣ спашы: одна о характерахъ людей. . . . . 3. А. g.  
другая о характерахъ женщинъ 3. А. h.

Также и на спран. 61, женщины исключены изъ числа людей.

На спран. 31, подъ знакомъ 3. А. g., поставлена спашья о развитіи человеческихъ способностей и смерши (extinctione). По содержанію цѣлаго ошдѣленія, здѣсь разумьются духовныя способности челоѵка. Кажется, не слѣдовало бы упоминать о такихъ книгахъ, хотя бы онѣ и были въ Библіотекѣ.

На спран. 105, показаны только двѣ губерніи Россійскія, соснощія на особыхъ правахъ: Лифляндія и Финляндія.

На спран. 51 и слѣд., въ Естешвенной Исторіи, помѣщена спашья для книгъ о химическомъ разложеніи распеній, между шьмъ какъ ишь особой спашью для книгъ о разложеніи минераловъ. Предметъ Естешвенной Исторіи есть познаніе шѣль въ ихъ естешвенномъ, неизмѣнномъ состояніи; по-

сему разложеніе распеній не принадлежить къ Ботаникѣ, шьмъ болѣе, что оно не употребляется для распознаванія распеній. Напрошивъ шого въ Минералогіи или Ориктогнозиі многія системы основаны на составныхъ частяхъ минераловъ: поему, кажется, слѣдовало бы послушншь совсѣмъ обратнымъ образомъ.

На спран. 57, подъ знакомъ 4. L. 1. упоминается о Фаунѣ Москвы. Трудно повѣришь, чтобы въ Русской столицѣ водились особія какія нибудь живонныя, и что бы гдѣ нибудь была Фауна города Москвы.

На спран. 99, для Исторіи Россійскихъ Университетовъ назначено восемь ошдѣльныхъ спашей, а для Исторіи всѣхъ иностранныхъ Университетовъ ошведена одна полько спашейка. Пришомъ неизвѣстно, почему Московскій Благородный Пансіонъ (который впрочемъ слѣдовало бы назвать Благороднымъ Пансіономъ Московскаго Университета) и Демидовское Училище названы Университетами.

Можно, кажется, въ заключеніе сказать, что едва ли это новое систематическое расположеніе принесетъ пользу господамъ Библіотекарямъ; они даже по сей самой системѣ не будутъ знать, гдѣ ее помѣстншь въ Библіотекѣ. Что же касается

до ея достоинства въ ученое отношеніи,  
по въ немъ сомнѣвающимся и самыя при-  
спрасныя почитатели этой книги, чпо  
можно видѣть въ 96 № Московскихъ Вѣдо-  
мостей на стр. 3852.

С — чь.

## V.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

## I.

Картина изъ времени завоеванія Сибири.

## I.

Ужь пошемило; лучъ зари  
Померкъ за дальнею горою;  
Въ утесахъ скрылись дикари;  
Умолкъ призывный голосъ къ бою.  
Глядишь задумчиво луна  
На дикій берегъ Енисея.  
Увы! пустынная страна,  
Пробилъ твой часъ: во мглѣ чернѣя,  
Какъ привидѣнья, вдоль рѣки  
Ошаторились казаки.  
Разсплавъ ковры на полѣ чистомъ  
Вокругъ пылающихъ огней,  
Одни шревожашъ дикарей  
Пронзительнымъ, ужаснымъ свисомъ;

Другіе шумною толпой  
Сшъсясь въ кружокъ, въ восторгѣ дикомъ  
Добычу дѣлятъ межъ собой,  
И даль гремитъ побѣднымъ кликомъ;  
Межъ тѣмъ зеленое вино  
Сшруей шиучей въ чары льется,  
Гошовашъ въ пищу молоко  
И удалцевъ пѣсь раздается.  
Они поюшъ про Ермака:  
Его Сибирскіе походы —  
Предметъ любимый казака.

Въ странѣ, гдѣ выюги на полгода  
Мершвашъ весенній злакъ полей,  
И вновь воскресшая природа  
Сильнѣе властвуешь душой,  
Однообразенъ, какъ мотыль  
Торжественная пишина,  
И шабле мраченъ какъ она,  
Наивъ утрюмый и унылый.  
Но онъ пишашеленъ сердцамъ  
Къ суровой жизни приученнымъ —  
Какъ снѣгъ распахельнымъ полямъ,  
Веселнимъ солнцемъ озареннымъ...

## II.

Глухая полночь. Станъ умолкъ;  
Младой Хорлу дозоромъ ходишь.  
Но страхъ все на него наводишь:  
То въ дебри воешь хищный волкъ,  
То чья-шо пѣнь близъ шана бродишь,

То чей-то шорох слышишь онъ;  
 Потомъ — безмолвіе ночное.  
 Встревожень, въ думу погружень,  
 Хватаешь онъ концы спальной,  
 Глядишь окрестъ... и все молчишь,  
 Лишь въспрѣ шправую шелестишь.

„Ахъ, гдѣ вы, гдѣ минуны мира?“  
 Стѣснилась грудь его: съ тоской  
 Онъ вспоминалъ брега Салгира,  
 Гдѣ, чистѣ и шѣломъ и душой,  
 Въ объятыхъ дружбы и покоя,  
 Онъ юнымъ сердцемъ расцвѣталъ,  
 И одаленный пламень бол  
 Еще въ груди не возникалъ;  
 Онъ вспоминалъ поля Тавриды,  
 Гдѣ ласкамъ страшной Ореиды  
 Любовью ибжной ошвѣчалъ  
 На лонѣ сладкихъ уповай,  
 Гдѣ прелестъ жизни вѣдалъ онъ,  
 Увы! все было только сонъ —  
 И огнь любви и огнь желаній.  
 Подруги сердца ибшь! Она  
 Далеко въ Гаремъ похищена...  
 Съ тѣхъ поръ, родимый брося кровь,  
 Онъ мрачный бродитъ по пущинамъ  
 Съ станицей смѣлыхъ казаковъ.  
 Принявъ ихъ брашскіе уставы,  
 Онъ къ нимъ приверженъ, любить ихъ  
 Ошвагой возвышенны нравы;  
 Ему пріятно видѣшь въ нихъ  
 Цѣль всѣхъ страстей — желанье славы.

Но слава чистая чужда  
 Порочныхъ мыслей изувѣрства,  
 А онъ — безумецъ! — иногда  
 Въ душѣ питаешь пламень звѣрства;  
 Про долю вспомнивши свою,  
 Себя и свѣтъ весь ненавидишь  
 И гибель чуждыхъ и свою,  
 Съ улыбкой демонскою видишь.  
 Такъ часто въ бурю валъ рѣчной,  
 Крушимый сильнымъ ураганомъ,  
 Распелъ — и вдругъ въ набѣгъ рьяномъ  
 Выходишь на берегъ крушой.

## III.

Но что?... Какое намъ свѣсило  
 На дальнихъ всходишь берегахъ?  
 Что ночи шину смутило?  
 И въ глубинѣ и на скалахъ  
 Опять раздался кликъ военный!  
 Глядишь Хорлу... бѣгушь, шумяшь  
 И волнъ несется стонъ смященный,  
 Плывушь лады, брега горяшь!  
 И вопъ весь спанъ въ ночномъ шуманѣ —  
 Какъ шквалъ незапный въ Океанѣ  
 Распоргнувъ, къ бишвѣ полетѣлъ!  
 И засвистали пучи спрѣлъ  
 Въ дружину смѣлую казаковъ,  
 И имъ въ ошвѣпъ съ ночныхъ биваковъ:  
 „За Русь свяую! за Царя!“  
 Вдругъ градомъ пули заужжала...

Свѣшила ночи догорали;  
 Взопла съ улыбкою заря.  
 Туманъ россою подымался,  
 Рѣка сіяла, какъ стекло;  
 Все было весело, свѣшло,  
 И бой давно ужъ миновался,  
 И громко вшоримось: ура!

## Э п и л о г ъ.

Хвала поборникамъ добра!  
 Пиная въ сердцѣ къ благу ревность,  
 Париль въ минувшемъ думой я  
 И созерцалъ съдую древность,  
 Временъ далекихъ бытія.  
 Тамъ Ермака мнѣ пѣнь являлась  
 И сладко, сладко улыбалась,  
 Глядя на плодъ своихъ побѣдъ:  
 Въ спранѣ, невѣдомой дошолъ,  
 Взлелѣялъ Русскій нивой поле —  
 Геройскихъ дѣлъ достойный слѣдъ.

Иванъ Петровъ.

Сибирь.

Красноярскъ на Енисей.

Цвѣтокъ възъ запаха.

(Басня.)

Между увядшими, садовыми цвѣтами,  
 Цвѣшокъ безъ запаха вѣспился полевой.  
 Увядшіе швердяшь: „росши, голубчикъ, съ нами!  
 „Мы рады прославляшь, что запахъ чудень пшой!  
 „Не будь душисть, — ты будешь намъ любезень.“  
 Имъ полевой цвѣшокъ *бездушіемъ* полезень:  
 Онъ ихъ любовь своимъ ничпожешствомъ купилъ.

Въ иныхъ писателяхъ любовь мы видимъ шу же:  
 Какъ рѣдокъ въ нихъ шакой, кто бъ равнаго хвалилъ!  
 Худому кладъ, когда другой съ нимъ есть — похуже.  
 В. Филимоновъ.

Москва. 1827.

## VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ  
 И ПОЛИТИКА.

Джефферсонъ.

Одно изъ самыхъ спранныхъ стеченій  
 обстоятельство нашего времени было безъ  
 сомнѣнія то, что два основные сполпа, оба  
 бывшіе Президентша Соединенныхъ Шта-

повь, Джефферсонъ и Адамсъ, достигнувъ глубокой старости, скончались 4 Юля 1826 года, въ день пятидесятилѣтня независимости земли сей, въ пошъ день, съ кошораго быше народовъ ея ведешь новое свое льшосчисленіе. Необыкновенный случай, что оба сіи Государственныя мужа умерли въ одинъ, и именно въ упомянутый день, можешъ быше объяснитьшь только изъ физическихъ причинъ: оба не были подвержены ни болъзни, ни особенной дряхлости. Адамсу было гораздо болъе 90, а Джефферсону болъе 80 лѣтъ. Адамсъ былъ первый изъ великихъ послѣдователей Вашингтона въ Президентствѣ, за нимъ слѣдовалъ Джефферсонъ, потомъ Маддисонъ, за нимъ Монро, и наконецъ нынѣшній Президентъ Адамсъ (сынъ вышеупомянушаго.) — Сіе происшествіе становящя еще примѣчательнѣе по особенному отношенію, въ кошоромъ они находились одинъ къ другому. Обоимъ имъ вмѣстѣ первый Конгрессъ поручилъ написать *объявленіе самостоятельности*, и сей актъ, сочиненный Джефферсономъ, какъ отличнѣйшимъ Писателемъ, въ общемъ собраніи прочтенный и защищенный Адамсомъ (кошорый прежде былъ адвокатомъ), какъ опыннѣйшимъ Ораторомъ, былъ принятъ и подписанъ всѣмъ Конгрессомъ, 4

Юля 1776 года, въ пошъ день, въ кошорый оба, спусти пнѣдесять лѣтъ, скончались. Но сколь оба ни были согласны въ главной цѣли своихъ дѣйсвѣй — независимости земли своей — они почти діаметрально отклонялись одинъ отъ другаго въ образѣ мыслей своихъ о способахъ достиженія сей цѣли. Спороны Адамса, какъ начальника, придерживалась паршя Федералистовъ или Аристократовъ, къ кошорой, какъ полагали, вшайнѣ склонялся и самъ Вашингтонъ, между шѣмъ какъ Джефферсонъ, другъ и ученикъ Франклина, какъ Государственный мужъ и Законодатель, неоспунувшійся отъ правилъ своего наставника, починался главою Демократической паршии, въ шо время, когда сіи двѣ паршии произвели двойное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ, и шѣмъ почти раздѣлили гражданъ оныхъ на двѣ особенныя націи. Оба сіи мужа насладились шѣмъ рѣдкимъ счастиемъ, что за долго еще предъ ихъ смершю умогло сіе разногласіе между Федералистами и Демократами, и обѣ сіи паршии споль совершенно исчезли, что одни имена ихъ сохранились въ историческомъ смыслѣ, означая минувшія распри. Въ Европѣ невозможно предснавить себѣ ревности и обширности сихъ существовавшихъ некогда паршій. И не смотря на

шо, хотя Американское Правительство не имѣло ни большаго регулярнаго войска, ни полиціи, ниже сильныхъ вспомогаельныхъ средствъ въ богатой казнѣ, для попушенія ненависти паршій, она никогда не доходила до насильствъ, не нарушала почнаго исполненія законовъ и не разрывала связи, соединяющей различныя Штаты.

Изъ числа знаменитыхъ мужей, родившихся въ Америкѣ, и отличившихъ собою періодъ ея младенчества, Вашингтону принадлежить первое мѣсто. На полѣ брани утвердивъ воинскую славу свою, онъ, въ качествѣ перваго Президента, основалъ союзъ Соединенныхъ Штатовъ и учредилъ политическую ея систему *во всѣхъ отношеніяхъ къ иностраннымъ Державамъ*. Что Вашингтонъ, какъ полководецъ и Государственный мужъ, учинилъ для *вышней* самостоятельности новаго Союза Штатовъ, шо Джефферсонъ сдѣлалъ для *внутренней* его безопасности, въ качествѣ законодателя. Законы, клонящіеся къ сохраненію порядка и тишины въ Государствѣ, обязаны преимущественно существованіемъ своимъ Джефферсону.

Вотъ нѣсколько спрокъ, писанныхъ самимъ Джефферсономъ и содержащихъ въ се-

бѣ красное описаніе достопамятнѣйшихъ происшествій его публичной жизни.

„Въ 1764, году достигнута совершеннолѣтія и вскорѣ попомъ былъ избранъ мирнымъ Судією въ Албемарльскомъ Графствѣ, что въ Виргиніи. При слѣдующемъ выборѣ назначенъ я былъ предсавителемъ въ Законодательномъ сословіи въ Виргиніи. Попомъ, при началѣ войны, я, въ качествѣ Члена, участвовалъ въ дѣлахъ перваго Конгреса, и въ соединеніи съ Гг. Пенделтономъ и Вейтомъ, извлекъ въ два года (1777—1779) изъ всѣхъ Британскихъ спашушювъ, изъ законовъ нашего законодательнаго общества (въ Виргиніи) и изъ нѣкоторой части общихъ законовъ (the common law), родъ Уложенія или свода законовъ. Въ 1779 году, я былъ избранъ Губернаторомъ Виргиніи, попомъ снова Членомъ Законодательнаго Сословія и Членомъ Конгреса (1782); попомъ, въ 1784 году, отправился съ Франклиномъ и Адамсомъ, въ званіи Посланника, въ Европу, опредѣленъ Спашсь-Секретаремъ новаго правленія (1789), попомъ Вице-Президентомъ, засимъ Президентомъ, наконецъ Инспекторомъ и Ректоромъ новаго Виргинскаго Университета. Въ сихъ различныхъ должностяхъ непрерывно служилъ я отечеству 61 годъ, и большую часть се-

го времени прожилъ въ чужихъ краяхъ или въ другихъ областяхъ Америки. Если заслуги по Законодательству достойны были упомянутыми, и если духъ, который при усроеніи образа правленія народа нашего, необходимо долженъ былъ отличить законы наши, имѣешь инокпорую цѣну, но безпри-спрашный судія найдеть, что я предуготовилъ и съ помощію искусныхъ и ревностныхъ соудниковъ успѣлъ поспановить многіе изъ первѣйшихъ и важнѣйшихъ нашихъ законовъ. Первою предпринимаю мною мѣрою сего рода было запрещеніе дальнѣйшаго ввоза невольниковъ. За симъ послѣдовало опимѣненіе всякихъ маіоратовъ (fideicomis), чѣмъ уничтожилась наследственная и могущественная Аристократія, которая совокупленіемъ большаго имущества въ инокпорыхъ семействахъ раздѣлила было всю нашу землю на два отдѣльные класса. Пошомъ, для вяцшаго утвержденія равенства всѣхъ гражданъ предъ законами, нужно было уничтожить всякое неравенство въ правахъ наследія, и для того я составилъ проектъ закона о наследствѣ, по которому сыновьямъ и дочерямъ опредѣляются равныя доли; онъ принятъ былъ въ составъ нашего новаго Уложенія. Я также былъ причиною тому, что новые брашя наши воспроши-

вились назначенію въ нашей землѣ главнаго вѣроисповѣданія. Тутъ должно было дѣйствовать медленно, пока понятія народа сдѣлались зрѣлыми для дарованія неограниченной терпимости Религіи; для сей цѣли я изготавилъ проектъ, который въ свое время долженствовалъ войти въ составъ Уложенія. Къ приведенію въ дѣйство сего проекта, по которому Епископская Церковь перестала быть главною въ политическомъ отношеніи, и коимъ предупреждено было введеніе въ послѣдствіи какой либо исключительной Религіи въ Государствѣ, способствовалъ преимущественно Г. Маддисонъ (бывшій пошомъ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ), ибо я въ то время находился въ Европѣ. Къ сему смѣю еще присовокупить учрежденіе нашего новаго Университета въ Виргиніи. Жительство мое вблизи онаго (въ Monticello) было пошму причиною, что мнѣ поручено было главное попеченіе о цѣломъ предпріятіи, объ усроеніи и всеобщемъ учрежденіи, равно какъ и надзоръ надъ ученіемъ. Оцѣнишь вліяніе сего заведенія на будущую славу и благосостояніе нашего ошечества могутъ только пошомки.“

Пер. М.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

1827.

1. *Новый и легчайший способ узнать родъ существительныхъ именъ во Французскомъ языкѣ, изложенный въ шести ба- сняхъ.* Перевелъ съ Англійскаго, съ при- ложеніемъ избранныхъ примѣровъ, Карлъ Свенске. С. П. б. въ шип. Генеральнаго Штаба. 1827. 89 стр. въ 16 д. л., съ 6-ю раскраш. каршинк. (См. Съв. Пч. No 9).
2. *Новый Памятникъ изъ Законовъ Им- періи Россійской, или Всеобщій Словарь Законовъ по Правамъ Государствен- ному, Церковному, Военному, Граж- данскому и Судопроизводному,* вышед- шихъ ошъ изданія Уложенія Царя Але- ксандра Михайловича до нашихъ временъ. С. П. б. 1825 и 1826, въ шип. Прав. Сенаша, въ 4. въ 1 томъ 372 стр. (См. С. Пч. No 11).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. No IV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

В Е Ч Е Р Ъ В Ъ Д.

(Окончаніе.)

*Офицеръ.* Въ 1815 году, во время пре- быванія войскъ нашихъ во Франціи, былъ я командированъ съ Поручикомъ Пблевымъ за нѣсколько миль, для исполненія одного пору- ченія. Окончивъ дѣла свои, возвращались мы уже домой, какъ застигла насъ на до- рогу шемная ночь. Это было въ Ноябрь; погода холодная и сырая, время ошъ времени перепадалъ дождикъ. Мы промокли и передрогли. Какова же была наша ра- досшь, когда, въѣзжая въ деревеньку Logis- neuf, увидѣли мы сквозь сумракъ ночи, на бѣлой стѣнѣ вывѣску, съ надписью: Michel Perraud loge à peid et à cheval. Разсуждашь долго было нѣчего. Мы поворожили на дворъ,

соскочили съ лошадей и начали спучать въ двери. На спукъ нашъ выбѣжалъ хозяинъ и хозяйка, garçon et fille, со свѣчами, чшобы встрѣшити насъ. Не успѣли мы опдаться лошадей и войши въ сѣни, какъ maître d'hôtel съ обыкновенною Французскою болшливостію, накидалъ намъ около сопни вопросовъ, на кошорые самъ же и отвѣчалъ вмѣсто насъ. Между шѣмъ онъ свѣспилъ намъ вверху по деревянной лѣспницѣ, попомъ вдоль по узкому, но длинному кирридору, и наконецъ въ назначенную намъ комнашу. На вопросъ, чего намъ угодно, въ одинъ голось отвѣчали мы: дровъ! огня! попому чшо мы прозябли не на шушку, и намъ хотѣлось опогрѣться. Ужинъ заказали мы черезъ часъ.

Спустиа нѣсколько минушь, явилась къ намъ служанка съ двумя вязанками шонкаго хворосту и шрема или чешырѣмъ польшками, опскрыла дверцы камина, и скоро запылаа въ немъ огонь.

„О дорогое ошечество!“ сказала Полевъ: „Если бы въ шевъ не было и ничего другаго хорошаго, кромъ печей, и тогда бы я предпочель шевя богашой каминами Франціи. Кшо, какъ я, провелъ въ ней болѣе двухъ мѣсяцевъ, и во все это время не опогрѣлъ ни разу, какъ надобно, шѣла и души

своей, шопъ повѣршишь мнѣ, чшо, увидѣвъ снова первую печку, я голшовъ бросишья обнимаешь и цѣловаешь ее, если бѣ она была и шакъ горяча, чшо я могъ бы обжечь себя губы. Правда, Французы говоряшь: le feu parle, но опъ разговоровъ не согрѣешься, а ужъ о шомъ ни слова, чшо надобно безпреспанно спояшь, какъ кухаркѣ, шю съ кошергой, шю со щипцами, чшобы шю сгребашъ въ кучу жаръ, шю подбиграшь выскакивающіе уголья. И опъ всего этого какая польза? ша, чшо руки и платье вѣчно вошняюшь дымомъ; чшо спереди жаришься, а сзади мерзнешъ, и чшо если хочешь защишишь лице свое опъ жару и дыма, шю должень сидѣшь передъ каминномъ съ дамскимъ опахаломъ.“

Я не мѣшала товарищу моему оранорспвовашъ, а между шѣмъ снимала съ себя мокрое платье и голшовилася къ ночлегу.

Все убранспиво комнашы нашей соспавляали двѣ кровани, одна съ запавѣсками, а другая опскрышая. Товарищъ мой выбрала для себя первую и шѣмъ сдѣлалъ мнѣ болѣе одолженіе: я никакъ не могу лежашъ подъ пологамъ, хоня подъ ними нѣсколько и шеплѣе. Далѣе, коммодъ со штекляннымъ надъ нимъ шкафомъ, зеркало надъ каминномъ, пянь, шесшь шшаринныхъ, полосанымъ аш-

ласомъ крышыхъ кресель, вешное каначе и нѣсколько каршинъ по сѣвнамъ.

Мы взяли свѣчи, чпобъ разсмортъ послѣднѣя. На одной изъ нихъ изображенъ былъ порпретъ какого нибудь героя революціи. Онъ шакъ грозно выглядывалъ изъ подъ густыхъ бровей своихъ, чпо испинно, взглянувъ на него невзначай, можно было испугаться. Къ шому же на носу его была придѣлана шишка, право не меньше, какъ съ Грецкѣй орѣхъ. Товарищъ мой захохоталъ во все горло, и я не могъ удержаться ошъ смѣха. „Этому бы лучше не пишашъ себя!“ сказала Полевъ и началъ оппускашъ одну оспрошу за другою. Но въ самое шо время, какъ онъ выкапывалъ свои *bons mots* на счетъ шишки и оба мы ошъ души хохотали, вдругъ порпретъ сорвался со сѣны и шяжекою своею рамою упалъ прямо на ногу моему шоварищу, шакъ чпо онъ вскрикнулъ и принужденъ былъ съ громкими ругательшвами проскакать на одной ногѣ черезъ всю комнашу.

„И дѣло — за насѣшки!“ примолвила Юлія, бросивъ лукавый взглядъ на меня. Офицеръ продолжалъ:

Полевъ все еще бранился, когда служанка принесла намъ ужинъ. Она спросила о причинѣ, и когда мы рассказали происшесш-

віе, шо все лице ея сморщилось, и она съ важностію сказала намъ, чпо эшо не хорошей знакъ, чпо каждый разъ, когда порпретъ почшенного шарика съ шишкою на носу падаешъ — безъ какой нибудь видимой шому причины — случается навѣрное въ домѣ несчастіе, и чпо если бъ она была на мѣсшѣ хозяина, шо давно бы эшотъ зловѣщій порпретъ бросила въ каминъ. Съ сими словами подняла она его со слезами, повѣсила на прежнее мѣспо, и ушла.

Проводивъ ее глазами, я и шоварищъ мой подвинулись къ столу и принялись за ужинъ. Намъ хотѣлось еще посмѣяться надъ эшою забавною исторіею, но все чпо-шо ужъ не клелось. Товарищъ мой какъ ни шарался, не могъ придумашъ ни одной сноной оспрошы, и разговоръ нашъ, нѣсколько разъ перерывался, пошомъ мало по малу ошъ шущочнаго перешелъ къ чудесному. Мы штали рассказывать другъ другу разные ужасные и неизьясимые анекдоты.

Наконецъ оба мы стихли. Усталостъ ошъ шрудной дороги начала всшунать въ свои права, и глаза мои прошивъ воли слипались: я замѣнилъ шолько, чпо другъ мой Полевъ, барабая вилкою по шарелкѣ, все искося поглядывалъ на мешшительный порпретъ, кошорый шеперь, въ шѣни, въ са-

момъ дѣлъ казался ужаснымъ и какъ будто имѣлъ въ себѣ что-то необыкновенное.

Сонъ сильно началъ клонить насъ, и мы вспали изъ-за спюла. Я заперъ дверь, раздѣлся и легъ въ открытую кровать; Полевъ подѣ завѣски.

Глаза мои скоро сомкнулись, и я задремалъ; но не прошло четверти часа, какъ вздохи или оханье моего друга разбудили меня. Вслушиваюсь — тихо: это онъ что-то бормочетъ про себя. „Что съ тобою?“ спросилъ я у него. — „Истинно не знаю,“ отвѣчалъ онъ: — „сонъ это, или въ самомъ дѣлѣ, что со мною случилось. Едва только закрылъ я глаза, какъ что-то сѣло ко мнѣ на носъ, холодное какъ ледъ. Я опмахнулъ рукою, и оно пропало. Но едва я улегся, какъ оно опять уже сидѣло у меня на носу. И вошь это ужъ въ пресей или четвертый разъ.“ — „Это вѣрно духъ того спарика, надъ шишкою котораго ты вчера сполько хохоталъ. Смотри, чибобъ въ наказаніе и у тебя на носу не выросла такая же!“ сказалъ я, помирая со смѣху. „Шушки въ спорону!“ началъ опять Полевъ — „меня въ самомъ дѣлѣ пронимаетъ какой-то страхъ, и если мнѣ еще хоть разъ сядетъ что либудъ на носъ, то я не останусь въ

этой проклятой постели ни за какое благополучіе въ свѣтъ!“

Онъ умолкъ и уже добрый Морфей снова принималъ меня въ свои объятія, какъ Полевъ вдругъ съ ужаснымъ крикомъ выскочилъ изъ постели. — „Нѣтъ! брагъ, я не могу больше сносить этого!“ сказалъ онъ мнѣ: „шущъ естъ что-то странное, непонятное. Опять эща шишка сидѣла у меня на носу. Я хотѣлъ схватить, она исчезла, и чрезъ минушу явилась снова.

Я вспалъ, выскѣкъ огня и подошелъ къ его кровати. Полевъ остался въ опдаленіи, и боязливо смотрѣлъ за мною. Опдергиваю завѣскъ, и вижу... вижу... Ну, милостивые государи и государыни! прошу опгидашъ, что я увидѣлъ?...“

Синь хозяйки хотѣлъ опвѣчать, но Александрина перебила его.

„И! какъ тебѣ не спыдно! Перерывашъ на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Оканчивайше скорѣе!...“

*Офицеръ.* Виновашъ, проситише! Мнѣ хотѣлось только доказать шѣмъ, что и я могу бытъ не послѣднимъ Авторомъ Повѣстей и Романовъ. Это обыкновенная ихъ уловка. И такъ слушайше:

Сверху балдахина висѣлъ шнуръ, которымъ сдергивались завѣски, а на концѣ его,

для красы, алебаспровой шарикъ. Эшошь-шо шарикъ садился на носъ моему пріятелю. Когда онъ опмахивалъ рукою или ударялъ по немъ, шо шарикъ начиналъ качаться, иногда даже завершывался на шнуръ, и такимъ образомъ давалъ повариху моему нѣсколько минушь покою: но когда оспанавливался, шо садился ему на носъ, кошорый прямо приходился подъ опвѣснымъ пункшомъ шнура. Вошь и все! Вы можете представитъ себѣ, какъ мы хохотали надъ эшимъ открытіемъ.

„Я почти угадывалъ эшу развязку,“ сказалъ сынъ.

— „Только-шо?“ началъ спарикъ опецъ; — „а я ожидаю, Богъ знаетъ чего.“

„Ни больше, ни меньше!“ продолжалъ офицеръ — я рассказывалъ вамъ быль, а не сказку; а пошому примите ее, какова естъ. Впрочемъ, я извлекъ немаловажную пользу изъ эшого происшествія. Въ послѣдствіи, какъ скоро я замѣчалъ, что Полевъ чѣмъ нибудь озабоченъ или грушенъ, шо сполно шолько сказашъ: у тебя опять что-шо на носу! и лице его въ минушу прояснялось. “

„Нѣтъ ли и у васъ чего нибудь на носу?“ сказала мнѣ Александрина: — „вы что-шо очень призадумались!“

— „Тсъ! вы забыли, какъ строго наказываюшя всякія насмѣшки, даже надъ поршпрешами“ — опвѣчала я.

„Съ чего вы взяли, что я насмѣхаюсь?“ возразила Александрина. „Я хотѣла шолько знать: о чемъ вы думаете?“

Я. Мнѣ пришло въ голову еще одно довольно забавное происшествіе; но поберегу его до другаго времени.

Мать. И дѣло! Теперь ваша очередь, Г. Докшоръ! Вы вѣрно не опкажетесь сообщитъ намъ шоже какой нибудь анекдотъ изъ вашей жизни?

Г. Съ удовольствіемъ, если согласитесь выслушать одно происшествіе изъ моихъ студентскихъ лѣтъ.

„Вы знаете, что я ученіе свое началъ въ Бернѣ, и шамъ еще приспирасился къ Анапоміи. И шогда, какъ и шеперь, разложение шѣлъ было однимъ изъ пріяпнѣйшихъ моихъ занятій, кошорому я всего чаще посвящалаъ свое время, шѣмъ болѣе, что извлекалъ изъ шого двоякую пользу: въ опношеніи къ пріобрѣтенію свѣдѣній, и въ нравшвенномъ. Когда можно лучше наблюдать чудесную, неизьясную, божешвенную природу, какъ не при разсмаприваніи собшвеннаго нашего, превосходно усшроеннаго шѣла? Чшо представляетъ богатѣйшій, до-

спойнѣйшій предметъ размышленія, яснѣйшій, неопровержимѣйшій доказательства бытія всѣмъ управляющаго Творца, какъ не чудесно-мудрое спроеіе собсвеннаго нашего существа, въ кошоромъ находимъ, въ маломъ видѣ, опраженіе всего безконечно разнообразнаго шворенія? . . .“

(Г. останоился на минушу. Спарикъ опець въ молчаніи снялъ колпакъ, и поднялъ глаза къ небу. На лицахъ всѣхъ изобразилось умиленіе. Г. продолжалъ:)

„Лекціи мои не оставляли мнѣ днемъ сполько времени, сколько бы иногда желалъ я для пригошвенія моихъ анатомическихъ препарашовъ; ошъ чего нерѣдко случалось, что я работалъ по ночамъ, до полуночи, а иногда и до ушра проводилъ въ анатомическомъ залѣ, съ товарищемъ, или одинъ.“

„Такимъ образомъ случилось однажды, что послѣ нѣсколькихъ, почти безъ сна проведенныхъ ночей, мнѣ и другу моему Г... посреди заняшій нашихъ, шакъ захошѣлось спать, что мы никакъ не могли ошъ шого удержашься. И пошому рѣшено было около полуночи прилечь ошдохнуть.“

„Товариць мой занимался еще окончаніемъ своей работы, какъ я уже началъ гошовить посшелъ, на споль, изъ нѣсколькихъ халашовъ, надѣваемыхъ при анатомическихъ

работахъ, двухъ или трехъ проспынь, слушающихъ для прикрытія шруповъ, и чурбана, на кошоромъ разсѣкають ихъ, вмѣсто подушки. Пригошовивъ, я легъ и пошчасъ уснулъ. Г. вскорѣ послѣдовалъ за мною: но я эшого уже не слышалъ.“

„Прошло не болѣе получаса, какъ довольно сильный шумъ началъ меня беспокоить въ крѣпкомъ снѣ моемъ. Онъ не разбудилъ меня, но мѣшалъ мнѣ спать покойно, и привелъ меня въ шакое, всякому извѣстное сосшояніе, въ кошоромъ, находясь между сномъ и дѣвнѣемъ, не можешь еще какъ должно размыслишь о причинахъ шума или спуга, но безпрестанно занимаешься имъ и пришомъ чувствуешь какую-шо непоняшную шоску. Наконецъ я совершенно пробудился и удосновѣрился, что дѣйсшвительшо слышалъ что-шо на яву, а не во снѣ.“

„Я посшѣшно приподнялся, чтообы вслушашься, ошкуда и ошъ чего происходишь эшотъ спгранный шумъ, пошому, что онъ казался мнѣ весьма въ близкомъ ошъ меня разсшояніи, между шрупами и скелешами. Но въ шу же минушу насшала мершвая шшшка. Лунная ночь и лежащій на крышахъ окружныхъ домовъ снѣгъ досташочно освѣщали богашую окошками залу, шакъ, что я съ возвышенія своего могъ ошошрѣшь ее

всю. Ничего посторонняго или необыкновеннаго я не замѣнилъ. Другъ мой спалъ подлѣ меня, какъ убитый, и храпѣлъ изо всѣхъ силъ; цѣльные и разсѣченные пруты лежали спокойно на своихъ мѣстахъ; все было въ шомъ самое порядкѣ, какъ я съ вечера оставилъ.

„Мысли мои перялись въ заключеніяхъ: я не зналъ, что подумать. Хотѣлъ переувѣришь себя, что все это чудилось во снѣ и легъ опять, но не могъ уже заснуть. Вдругъ шумъ начался снова, и гораздо сильнѣе, нежели прежде. Казалось, какъ будто нѣсколько человекъ желѣзными ложками скребли въ кофры или на сковородахъ. Кроме того, въ небольшихъ и весьма рѣдкихъ перерывахъ, слышны были глубокіе вздохи, сопровождаемые жалобнымъ, но очень тихимъ стономъ, который въ скоромъ времени снова прерывался прежнимъ сильнымъ шумомъ. Я опять вскочилъ и смотрѣлъ во всѣ стороны, особенно же въ ту, откуда слышался шумъ. Напрасно! Все было тихо и неподвижно, и при всемъ томъ шумъ продолжался. Выведенный изъ себя, я схватилъ за руку своего друга, попрыскавъ его довольно неучтиво и спросилъ: неужели онъ ничего не слышитъ? Онъ съ просонья отвѣчалъ мнѣ сквозь зубы досадное: нѣтъ! повернулся

на другую сторону и храпѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ шумъ въ эту минуту прекратился и все спало тихо по прежнему.

„Я не прусь и не суевѣренъ, но признаюсь, холодъ началъ пробѣгать по моимъ жиламъ. Долго сидѣлъ я на своемъ сполѣ, озираясь во всѣ стороны, и придумывалъ то и другое. Мнѣ хотѣлось дождаться новаго шума, чтобы узнать истинную его причину; но онъ не начинался, а первѣніе мое кончилось. Я легъ опять и по долгому размышленіи мнѣ пришло въ голову, что эшотъ шумъ вѣроятно происходилъ изъ кухни, находившейся по сосѣдству; ибо въ залѣ не было ни кофры, ни сковорода. Я боролся еще съ собою: разбудишь ли мнѣ своего шоварица, или ошважишься одному сходишь въ кухню и осмотришь ее, какъ прежній шумъ начался снова, также сильно и вблизи подлѣ меня. Испуганный, сдѣлалъ я скорое движеніе, чтобы приподнять голову и вслушаться лучше, какъ въ самое это мгновеніе получаю сильный ударъ сзади по плечу. Совершенно невольно схватываю я за ушибенное мѣсто и — вообразишь мой ужасъ! — ошупываю что-то костяное. Кровь моя застыла. Тренца всѣми членами, я озираюсь, и что жъ? За мною стоитъ человѣче-

скій скелетъ и, смотря на меня, улыбается. Его рука въ моей рукѣ.

„Кое-какъ спарался я собрать свои мысли, и все еще держалъ осьновъ за руку, и все еще смотрѣлъ на него неподвижно. Я очень помнилъ, что когда ложился спать, этого скелета шумъ не было. Между шѣмъ шумъ продолжался часъ опъ часу ужаснѣе. Онъ не только былъ близокъ ко мнѣ, но мнѣ казалось даже, что я нахожусь посреди его, что онъ раздается со всѣхъ сторонъ.“

„Между шѣмъ въ самомъ спрахѣ, вспали мнѣ на умъ два правила, въ юности зашверженные, и глубоко врѣзавшіяся въ моей памяти. Первое: *кто труситъ, тотъ уже въ половину пропалъ*, и второе: *не испытывай, не бойся*. Это ободрило меня. Я схватилъ скелетъ сильнѣе и попрясъ его изъ всей мочи. Мершвецъ не только не защищался — собственныя кости его едва не разлетѣлись. Это удвоило мою храбрость, особливо, когда, вемотрѣвшись хорошенько, я узналъ въ немъ спарый, давно знакомый мнѣ скелетъ. Обыкновенно споялъ онъ въ заднемъ углу залы, но шоварицъ мой — какъ онъ послѣ мнѣ рассказывалъ — имѣя надобность рассмотреть починѣ одну часъь онаго, принесъ его къ свѣчѣ, споявшей на споль и

поставилъ прямо позади меня. Съ шюю же мыслию поднялъ онъ ему руку, шакъ, что она держалась сама собою. Окончивъ свои наблюденія, онъ подвинулся опнестн его назадъ, а оставилъ въ шакомъ положеніи — вмѣсно часовато, какъ говорилъ онъ шущи, — и легъ спать. Приподнимаясь на своей спель, я не могъ его видѣть, пошому, что онъ споялъ прямо позади меня; но опъ часшаго моего движенія на споль, а особливо въ послѣдній разъ, онъ пришелъ въ пошрясеніе, рука его опустилась сама собою и дала мнѣ шощъ ударъ по плечу, опъ котораго я едва опомнился.“

„Ну, слава Богу!“ сказала Юлія: — „я никакъ не могла себѣ придумать, чшобы это шакое было.“

*Александрина.* А опъ чего же шумъ?

*Докторъ.* Такимъ образомъ одна загадка была рѣшена. Это вселило въ меня бодрость. Надобно было рѣшить другую, то есть, опкрыть причину вздоховъ, спона и шума, которые на эту минушу прекратились.

„Я вспалъ и гордою спопою, которой опшывы раздавались подъ сводами залы, прошелъ въ кухню. Тамъ все было шихо какъ въ могилѣ; коспрюли и сковороды въ воз-

можнѣйшемъ порядкѣ, какъ поварь оставилъ ихъ съ вечера.

„Я возвратился опять въ залу. Подойдя къ одному сполу и опершись на него руками, я споялъ въ размысленіи, какъ вдругъ подлѣ самаго шого мѣста, гдѣ я находился, раздался шижелый, продолжительный вздохъ. Чшо за чоршъ! вскричала я и едва храбростъ моя не улетѣла съ эшимъ вздохомъ, потому чшо вокругъ меня не было ничего, чшо бы могло вздыхать. Даже ни одного шпруна не лежало возлѣ меня. Въ эшу самую минушу раздался шумъ сильнѣе прежняго. Рѣшившись на все, я прямо пошелъ къ нему и наконецъ ошкрылъ сію причину.

„Эшо было не чшо иное, какъ большой сурокъ, котораго наканунѣ нашли въ саду покоящагося крѣпкимъ зимнимъ сномъ, и принесли въ комнашу, чшобъ дѣлать надъ нимъ опышы. Я совсѣмъ не зналъ, чшо его положили въ узкую жеспяную клѣшку, закрывшую проволоочноу рѣшешкою, и забыли вынести опять на спужу. Въ залѣ было довольно шепло, и бѣдное живошное слишжомъ скоро и въ необыкновенное время начало пробуждаться ошъ своего зимняго оцѣпенія. Ошъ шого получило оно сильныя судороги, которыя шѣмъ чувствительнѣе для него были, чшо въ узкой клѣшкѣ оно не

имѣло довольно мѣста, чшобъ пропянушь-ся. Въ сихъ судорогахъ скребло оно, время ошъ времени, изо всѣхъ силъ по жеспяной клѣшкѣ и ея рѣшешкѣ, ошъ чего и происходила шощъ шумъ, которому пишина ночи и обширные своды залы придавали еще болѣе силы, и ошъ шого-то и слышны были въ промежуткахъ его болѣзненный спонъ и часто прерываемое глубокое и громкое дыханіе.

Вотъ вся моя исторія. Теперь позволю шнѣ вывести изъ нее какое нибудь нравоченіе. Я думаю, лучшее будетъ слѣдующее: *все, чшо ни кажется тебѣ неизъяснимымъ, испытывай безъ предубѣжденія, и не мертвыхъ бойся, а развѣ только живыхъ.*“

„Покорнѣе благодаримъ васъ,“ сказала машь — „и за расказъ и за нравоченіе. Первый сполько же любопышень, сколько последнее наславительно.“

— „И мы, и мы!“ примолвили дочери.

„Ну, бапюшка! шеперь шобъ расказывашъ. Ты самъ общался“ сказала Юлія.

— „Охошно гошовъ, друзья мои“ ошвѣчалъ ошець, посмашривая на часы — „но не поздно ли? Не лучше ли оставишь до другаго времени?“

Всѣ согласились, и расказъ былъ опложенъ до перваго свиданія.

Между пѣвмъ подали карепу; я простился и отправился домой.

*Съ иностр.*

2.

## ГУСТАВЪ ВАЗА.

*Соч. Келера.*

Близокъ былъ великій Густавъ Ваза къ концу дослославной своей жизни. Изнуришельная лихорадка снѣдала силу, споль долго упорствовавшую бѣдствіямъ, и споль много высочайшихъ даровъ испоргшую у форшуну. Красивъ и спашень даже въ изнеможеніи, сидѣлъ онъ за споломъ съ наслѣдникомъ своего прона Эрикомъ, съ Архіепископомъ Упсальскимъ, со многими вельможами, полководцами и Послами Ганзы. Въ шо время, когда госпи, разгоряченные виномъ, шумѣли и спорили, его пламенный взоръ строга и мрачно успремленъ былъ на Принца, котораго бысприя рѣчи перебѣгали онъ одного къ другому въ кругу ширующихъ.

Архіепископъ Лавреншій Пептри (\*) замѣшпилъ мрачность Государя. „Чшо смощришь шы“ сказалъ онъ: — „пасмурнымъ взоромъ на цвѣшущаго сына, преемника шво его величія?“ — „Думаю о судьбѣ его“ — оншвѣшшвовалъ сѣдовласый Король. Тунъ Эрихъ быспро обратился къ нему: „Живи и царствуй,“ сказалъ онъ: „но если умрешь, чего мнѣ спрашишься? Храброе войско, многочисленное дворянство, цвѣшущая шорговя и мощные союзники будущъ мою опорую; а благочестивое Духовенство воззовешъ на меня милосердіе Божіе своими молитвами, и сохранишь мнѣ любовь подданныхъ своими наспавленіями.“

Всѣ госпи возгласили громкую хвалу благоразумной рѣчи. Но взоръ Короля помрачился еще болѣе. Онъ покачалъ головою и сказалъ: „Я спаръ и гляжу въ гробъ. Дозвольте мнѣ, друзья, говорись въ послѣдній разъ правду. И если она кого либо огорчиль, помыслише, чшо не я въ шомъ виною. Буду расказывать, чшо испышалъ въ жизни, и Богу извѣшно, какъ часто желалъ я, чшобы эшо было иначе.“

(\*) Первый Протестантскій Архіепископъ въ Упсаль.

По вѣроломству Хриспьерна (\*), попалъ я заложникомъ въ его руки. Онъ зналъ, что я душою предаю герюу Спурю, попому, что предаю душою ошечеству, и спарался пріобрѣсти меня по лукавыми ласками, по буйными угрозами. Но ласкамъ его недоспунный, невозмущался я и буйствомъ. Покойно ожидаю я своей учаспи, какую чипалъ уже въ убійственно-коварномъ взорѣ шпрана.

Тогда явился къ Королю Эрикъ Баннеръ, Намѣстникъ Калоскій, и сказалъ: „опдай мнѣ юношу. Онъ благородной породы, и полько благородствомъ съ нимъ сладить.“ Хриспьернъ согласился: „Но шесть тысячъ

---

(\*) Маргарита Датская, знаменитымъ Кольмарскимъ союзомъ, совокупила при Сѣверныхъ Государствахъ вѣстѣ. Не долго вынесли однако Шведы сего чуждаго Короля. Во время Хриспьерна втораго, съ особеннымъ упорствомъ и успѣхами боролись проршву Датскаго владычества Спуря. Подъ предлогомъ личныхъ переговоровъ, выманилъ Король однажды у послѣдняго Спура нѣсколько знатныхъ заложниковъ, и въ помѣ числѣ Гуспава Вазу. Не являсь къ переговорамъ, увезъ онъ ихъ вѣроломно въ Данію. Но Хриспьернъ не прежде покорилъ Швецію, какъ уже по смерти Администрагора Сперна Спура; а попомъ вскорѣ опять пошердалъ ее своими жестокостями.

кронъ заплашишь ты“ сказалъ онъ ему: — „если дашь ему скрышься.“

Я пошелъ съ Баннеромъ, и онъ держалъ меня, какъ своего сына. Биспрѣйшихъ копей давалъ для ѣзды, и опшускалъ безъ слушителя въ лѣса на охоту. Онъ не спрашивалъ куда, когда уходилъ я; не посылалъ искашь меня, когда и въ сумерки не возвращался я домой. Такъ жилъ я съ полгода и любилъ почтеннаго спарца. Однажды просилъ онъ меня дружески опказаться опъ Спура и покориться Хриспьерну. „Требуи моей жизни“ опвѣчалъ я: — „ее опдаю тебѣ съ радостью; ты пріобрѣлъ ее своею доброшою. Но если когда нибудь доспанеши мнѣ располагашъ ею по волю, по не Хриспьерну, а ошечеству посвящу ее.“

Пришла вѣстѣ о кровопролитномъ Спопгольмскомъ шршесствѣ (\*). Шестидесятъ

---

(\*) По признаніи Хриспьерна законнымъ наследникомъ и Королемъ Швеціи, вздумалъ онъ искашь меспи или шпранскаго оптвержденія на своемъ шронѣ посредствомъ убійства знаменитѣйшихъ особъ. Онъ воспользовался предлогомъ правдиваго наказания за мнимо нанесенныя обиды Гуспаву Тролле, Архіепископу Упсальскому — человеку, враждовавшему изъ завящи шршиву Спуровъ, разрушившему пла-

благородныхъ Шведовъ пали подъ съкирою палача жершвою кровожаднаго, ненасыщаемаго пиранства. „Опмешите за невинную кровь!“ были послѣднія слова ихъ къ народу. И до меня донеслось это воззваніе; сердце мое съѣдала мрачная доска объ участи моего народа и опечесства, и непреодолимое желаніе опмешить кровопійць. Но я былъ скованъ — не желѣзными цѣпями, которыми распоргло бы мое бѣшенство — алмазными оковами благодарности.

Однажды, помышляя о томъ, о чемъ и прежде уже помышлялъ тысячу разъ, вдругъ вспомнилъ я, что Баннеръ долженъ заплашишь шесть тысячъ кронъ. Только денегъ, подумалъ я — будешь стоишь побѣгъ мой

ны ихъ къ независимости Швеціи и вспомошествовавшему наиболѣе своимъ вліяніемъ и своими кознями къ возведенію на престолъ Христіерна. Въ одинъ день, шестьдесятъ Государшвенныхъ Совѣтниковъ, два Епископа, множество рыцарей и гражданъ были всенародно обезглавлены. Кшо изъявилъ жалость о павшихъ, или былъ обвиненъ въ томъ, долженъ былъ въ слѣдующіе дни принести покаяніе на висѣлицѣ. И какъ поводомъ къ тому была духовная особа, Архіепископъ, шо всѣ шруды, вмѣстѣ съ вырванными изъ могилы шѣломъ Стерна Спура, были сожжены, чтобы подумалъ народъ, будто они наказаны, какъ еретики.

благородному спарцу; ихъ я возвращаю ему. Опечесство зовешь, его благо превышаетъ законы госпепримства. Покойно испытывалъ и свое сердце; общая нужда, а не своя, побуждала меня искать свободы. Считая себя правымъ, скрылся я безъ шруда. Около Фленсбурга, нанялся я у Саксонскихъ купцевъ погонщикомъ скоша и прибылъ благополучно въ Любекъ.

Тамъ явился я къ Бургомистру, Николаю Геминсу. Это былъ славный человекъ, уже съ седыми волосами, привѣтливъ, уменъ, спрогихъ правилъ. Ласково подаль онъ мнѣ руку и спросилъ, чего желаю. „Я Гусшавъ Эрикзонъ“ былъ мой опвѣшь: „убѣжавъ опъ пирана Христіерна, пришелъ къ тебѣ просишь помощи деньгами и людьми, на спасеніе моего, кровью обогряемаго опечесства.“

Николай покачалъ съдою головою. Кровь бросилась у меня въ сердце и въ лице и бѣглою рѣчью спалъ я доказываешь Бургомистру, что честь и польза Любека того шребуюшь, и что настало время, шеперь или никогда, умѣришь возрастаніе опаснаго, все низвергающаго врага, и воздашь Швеціи за то, что Король Эрикъ за шри шпольнія съѣдалъ для Любека.

„Гусшавъ,“ сказалъ Николай, положи дружески руку на плечо мое: „Гусшавъ, шы

спасешь швое ошечешиво; это чшаю на лицъ швоемъ, и конечно желалъ бы я, чшобъ и Любекъ принялъ участіе въ геройской швоей славъ. Но если шого не будешь, не робѣй: въ шебъ одномъ болѣе Любека.

Почтенный спарець велѣлъ мнѣ ошаваться въ своемъ домѣ, обѣщая пополковать съ Сенашомъ. День спущая, прѣвхалъ Баннеръ, ошкрывшій слѣды мои.

Я пошелъ къ нему на встрѣчу и подалъ ему руку; онъ ошполкнулъ ее спропшиво. Николай былъ при шомъ. „Жалкій кляшвопресшупникъ“ — вскричалъ Баннеръ въ жару: — „неблагодарный не можешь подавать руки человѣку благородному!“

— „Баннеръ!“ сказала я ему: „жизнь моя принадлежала шебъ, и никогда бы я не спшалъ расподагать ею самъ для *своей* швободы. Какъ часто имѣлъ я случай измѣнить швоей довѣренности и бѣжалъ! Но швое благородство держало меня крѣпче, нежели Хршшперновы цѣпи. Ошсался бы я и тогда, если бъ мое ошечешиво носило, хоша и чуждое, но шносное иго. Теперь же, когда шшгръ шерзаешь его по часпямъ, когда мои друзья, мои братья обагрываются кровью, когда необузданныя, ненасышшмыя шайки разбойниковъ свирѣпшвуютъ въ родныхъ долинахъ моихъ всеми ужасами грабежа и раз-

рушенія — шеперь, Баннеръ, шеперь распоргаются узы всякой обязанности, кошора я бы удерживала меня лешѣшь къ спасенію ошчизны, и пусть посрамшся мое имя — лишь бы я успѣлъ спасти ее!“

Однако спарець не могъ укрощить швоего гнѣва, и ругашельшва лились на меня рѣкою изъ устъ его. Я выдерживалъ шерпѣливо, обѣщалъ ему плашу и спарался убѣдшть его, чшо поступилъ справедливо. Онъ все еще ошавался непримиримъ. Николай смосрѣлъ на насъ безмолвно, съ улыбкою размышленія на важномъ лицѣ.

„Какъ“ — вскричалъ я наконецъ съ жаромъ: „эшошь побѣгъ счшпалъ я благороднѣйшшмъ подвигомъ жизни моей, и будшо онъ поносное пресшупленіе? Говори, Николай — правъ я, или нѣшь?“

Онъ покачалъ головою, изьявляя желаніе молчашь. „Ну“ — сказала я: „судью намъ надобно — шакъ сбершше ученѣйшшхъ и мудрѣйшшхъ людей изъ всего Любека и предложшше имъ вопросъ; и если я не правъ, Баннеръ — вопъ моя рука, я возвращаюшь шогда съ шобою.“

Эшо спарикамъ понравилось; однако чшо-шо насмѣшливое видно было на лицѣ Николая. Послали искашь людей ученыхъ и мудрыхъ по всему городу, и пока собира-

лись они въ большой залѣ, мы дружески бесѣдовали въпроемъ за спаканомъ вина.

Наконецъ все собрались, и мы вошли въ залу. Правду сказать, почтенное было общество! Тогда въ Любекѣ жило много людей умныхъ и философовъ. Я не безъ робости явился въ среду ихъ и низко, низко поклонился.

Николай предложилъ имъ дѣло. Баннеръ и я прислушивались внимательно къ ихъ спорамъ, и сначала пошло все ладно. Но черезъ нѣсколько минушъ, господа ученые начали шумѣть и кричать; но вдругъ пригнували ко мнѣ, но къ Баннеру — съ доказательствами ихъ справедливости. Однако я понялъ не болѣе того, что нѣкоторые оправдывали меня, а другіе нѣтъ. Причинъ я никакъ не могъ постигнуть, и наконецъ дошло до того, что они и сами другъ друга не разумѣли.

Николай заспавилъ ихъ напоследокъ умолкнуть и благодарилъ за принятый трудъ. Однако на лѣспницѣ споры возобновились, а на улицѣ шумѣли они едвали не сильнѣе, чѣмъ въ залѣ.

„Ну что?“ спросилъ Николай, смѣясь: „умнѣ ли вы спали?“

— „Теперь вы посовѣшуй“ — вскри-

чалъ я: „потому что я совсѣмъ сбился съ шолку.“

„Баннеръ!“ сказала Николай спарцу, кошорый, оглушенъ и ошуманенъ мудросью ученыхъ, споялъ безмолвно; въ Николая же представлялся мнѣ въ эшѣ минушы не Бургомиспръ, а какъ бы какой величавый Король, изрекающій судъ и правду: „Баннеръ, говори, что бы самъ ты сдѣлалъ для своего отечества? О, не давай досадъ владѣть душею! Въ шести тысячяхъ кромѣ я поручаю тебѣ, если онъ и не въ состоаніи будещъ ихъ заплашить. И шакъ по рукамъ! Не будь я Любекій Бургомиспръ, если ты въ правѣ взять къ себѣ юношу! И следовашъ за шобою онъ не обязанъ, клянусь чешью эшой съдой головы! —

Баннеръ молчалъ, размышляя; попомъ вдругъ схватишь мою руку: „Ты свободенъ, Гуспавъ!“ — сказала онъ. „Хотя швой народъ врагъ моему, но благородные люди и врагами друзья. Спупай и дѣйшуй, какъ велишь Господь.“

Такъ мы разошлись. Между тѣмъ Николай созвалъ знатнѣйшихъ членовъ Совѣта для разсужденія о пособіи, какого просилъ я. Собралось до двадцати богатѣйшихъ купцевъ; въ своихъ мѣховыхъ плащахъ съ золотыми перевязями, засѣли они важно

въ креслахъ и расположились меня слушать. Я высунуль въ дрянномъ полукафшань, которое вымѣняль для своего побѣга, и прѣбаваль денегъ и войска на освобожденіе Швеціи.

Долго и съ жаромъ говорилъ я, какою благодарностию обязанъ Любекъ Швеціи, какъ долженъ бышь ей преданъ. Тогда одинъ изъ членовъ спросилъ меня: „На что полагаешь свою надежду?“

— „На Бога, на свое мужество и на бѣдствіе своего народа“ — отвѣчала я.

Тутъ господя совѣщатели замигали и невольно схватились за свои драгоценныя перевязи, какъ будто желая сказать мнѣ: у насъ больше на плечахъ, чѣмъ все швое могущество. И такъ успремились они на мое полукафшанье, какъ будто о немъ шла рѣчь и сужденіе.

Бургомисטרъ поднялся и спалъ говорить за меня. Того мнѣ было и надобно; кровь кипѣла во мнѣ, лице пылало. Долго ничѣмъ не рѣшались ихъ споры. Наконецъ оспалось при помѣ, что дѣло очень сомнительно. Людей-де нѣкому приняшь въ Швеціи: шамъ нѣтъ войска; а денегъ нельзя поврѣшь на удачу молодого человека, едва вырвавагося изъ плѣна. Однако предложили они мнѣ 10,000 кронъ, если соглашусь

отдашь подъ залогъ все свое имущество и если, въ случаѣ успѣха, упрочу Любчанамъ исключительное право шорговли на берегахъ Швеціи.

„За такія нищенскія деньги“ — вскричала я въ запальчивости — „не пожершную своей головою, не шолько благомъ опечешства!“ — И я вышелъ изъ залы....

— „Извинише, Ваше В—во“ — сказала Посланникъ Любекскій, сидѣвшій шуть же за шоломъ: „Любчане служили вамъ однако въ послѣдствіи вѣрой и правдой.“

„Точно!“ отвѣчала Король. „Я не забыль шого, и въ свое время упомяну. Если же забуду, шю прошу напомнишь о помѣ кстати.“

Посланникъ, успѣдясъ, замолчалъ. Король принялся опять рассказывать.

За мной вышелъ и Николай. „Не робѣй, Гусшавъ!“ сказала онъ: „Здѣсь не найдешь шы геройскаго духа; но помни, что главное въ жизни — умѣшь во-время пользоваться шѣмъ, что есть и каково есть. Слѣдуй швоимъ геройскимъ шущемъ, сынъ мой: шакъ будетъ шягосшнѣе, но славише. И когда возрастетъ шы собственными силами, шогда помощь придетъ сама собою — придетъ и изъ Любека: она облегчитъ дѣло, не унижая славы. Вошь шебъ 2,000 кронъ

опш меня. Надѣйся припомъ на всегдашнее мое доброжелательство.“

Эшо меня пронуло до слезъ. Я обнялъ спарца, какъ опца. На корабль опсправился я, и думалъ, что привду въ Спокгольмъ. Тамъ вопіала кровь благороднѣйшихъ Шведовъ къ опмщенію; шамъ имьль я друзей; шамъ надѣялся привлечь къ себѣ и народъ. Однако Капишанъ корабля расчель, что на другомъ пуши получишь нѣсколько сошенъ кроинъ болѣе, и поплыль къ Кальмару. Напрасно заклнналъ я его, напрасно предлагалъ все вознаградишь ему. Онъ былъ неу-молимъ, и высадилъ меня не вдалекъ опш Кальмара.

Тессонъ Асдалъ, именемъ вдовы Спуре, исправлялъ шамъ должность Намѣшника. Полкъ, шамъ спшовшій, былъ опш самый, подъ знаменами котораго сражался я за Спуря: въ немъ находилось до сша человекъ Шведовъ и Нѣмцевъ, бывшихъ прежде добрыми мнѣ шоварицами. Самъ Господъ посылаешъ шебъ помощь, подумалъ я, когда сказалъ мнѣ о опш одинъ поселянинъ. Скорыми шагами пошелъ я въ крѣпость, кошорая долженсповала служишь сборищемъ моему войску.

Мои шоварици узнали меня опшчасъ, и привѣщсповали шумною радостью. И къ

Намѣшнику ходиль я; онъ принялъ меня хорошо. Нѣсколько дней пропировали мы. Наконецъ воспользовался я однимъ вечеромъ, и спалъ говоришь о своихъ намѣреніяхъ.

Намѣшникъ былъ уже навеселъ, однако успремилъ на меня въ изумленіи глаза свои. Тогда произнесъ я имъ рѣчь.

„Не всѣ вы Шведы,“ сказалъ я: „новсѣ мужи доблесные. Вы сражались за эшу землю подъ знаменами героя Спуре. Какъ величавъ онъ былъ въ бишвѣ, какъ ласковъ со своими! Но шеперь вы рабы врага, кошорый умерщвляетъ благородныхъ нашей родной спороны, и шерзаетъ народъ. Вы всѣ мои бранья; часшо вмѣстѣ съ вами искалъ я опасностей и превозмогалъ ихъ среди густѣйшей непріятельской шолпы. Опшважимся на геройское дѣло, кошорое принесешъ намъ благословеніе добраго народа, награды и почести! Ударимъ по рукамъ, за свободу Швеции и на паденіе врагу!“

Намѣшникъ пайкомъ убрался. Спарики нахмурились, молодые спотрѣли на меня безсмысленно и съ улыбкой. Никшо не принялъ проспершой руки моей.

„Что у шебя за войска, Густавъ, для шакого предпріянія?“ спросилъ наконецъ одинъ спарый Капишанъ.

„Всѣ храбрые люди, которые шеперь здѣсь!“ опивчалъ я съ живостию: „попомство прославишь васъ, какъ первыхъ, привившихъ мечъ за право и свободу.“

Спарикъ молчалъ, покачивая головою. Наконецъ сказалъ другой: „Гусавъ Эрикзонъ, ты храбрый полководецъ, это мы знаемъ. Но можемъ ли переменить свѣтъ? Въ мечъ все солдашское ремесло; держась за рукояшь, выслуживаешь онъ и золото и почести. Глупецъ, кто дерется за гражданъ и мужиковъ. Спуре былъ добръ — вѣчная ему память! Но Христіернъ лучше плащитъ, попому, что мы ему нужнѣе; и многіе получили уже отъ него разныя милости. Пущь народъ осмашеся народомъ, а ты служи пому, кого Богъ далъ. Онъ и себя не осмашитъ. Какъ думаешь, товарищи?“

Шумно возвеличали его хвалою всѣ, кромѣ двоихъ или троихъ. Я скрежещаль зубами. Пошепшавшись между собою, они вышли изъ комнашь; остался одинъ старый Шведъ, которому Спуре спасъ некогда жизнь на сраженіи.

„Гусавъ!“ сказалъ онъ: „да благословишь и сохранишь тебя Богъ. Но на эшихъ людей не надѣйся: ихъ опечество шамъ, гдѣ больше даюшь денегъ на игру и пишье, и

гдѣ лучше украшаюшь ихъ воинскую одежду и шлемы. Часно вспоминаю я о благородномъ Спуре — но что можешь одна эша рука? Двѣ или три быль можешь...“

Тутъ вбѣжалъ юноша, котораго прежде едва замѣчалъ я, и который недавно только возложилъ на себя оружіе. Вспревоженный, наслу переводя духъ, сказалъ онъ поспѣшно: „Гусавъ Эрикзонъ! я незнаю тебя, но люблю и уважаю. Скорѣе спасайся. Асдалъ другъ Христіерна. Онъ ищетъ спражу, чтобы схватить и предать тебя.“

„Кто ты, юноша?“ спросилъ я въ изумленіи. — „Твой другъ, и если Богъ дастъ — швой спасишь.“ Тутъ повелъ онъ меня въ шемношь къ ворошамъ, и я счастливо выбрался за городъ...“

Старый Король умолкъ и быстро смотрѣлъ на масшиаго полководца, не вдалекъ отъ него сидѣвшаго. Сей закрылъ рукою глаза, изъ которыхъ брызнули слезы.

„Иваръ Нельсонъ,“ сказалъ Гусавъ: „швой храбрая рука была доселѣ одною изъ опоръ моего Государства. Но что ты съдалалъ въ шу ночь, было больше, нежели всѣ побѣды швой. Рубишь непріятелей могоушь и негодяи, но опшавивашъ жизнь свою на доброе дѣло, можешь только герой.“

Я былъ одинъ, въ сумракѣ ночи, на опкрышомъ полѣ. Деньги, полученные мною отъ Николая, оспались въ Кальмаръ; со мною было только сто кронъ. Со всѣхъ сторонъ окружали меня Дашчане. Я зашелъ въ крестьянскую избу и вымѣнялъ себя мужицкую одежду. За двадцать кронъ дали мнѣ мѣсно на возу сѣна, и миновавъ такимъ образомъ Дашчанъ, я прибылъ въ замокъ предковъ своихъ въ Зюдерманланди.

Здѣсь-то, въ сердцѣ благородныхъ мужей Швеции, думалъ я, живешь высокій духъ, который разорветъ ширанскія цѣпи. Я написалъ ко всѣмъ друзьямъ своимъ. Гонцы за гонцами скакали отъ меня, чтобы возбудить дворянство къ бунту за свободу опечесства, чтобы вызвали на правое дѣло за пролившую кровь. Многие вовсе не опшвѣчали; другие просили меня, при известной жестокости Хриспьерна, побережь самого себя, или крайней мѣрѣ не подвергаешь ихъ письмами улыкъ въ предательствѣ. Нѣкоторые же писали напрямки, что освобожденіе Швеции можешь испасчь на умъ только глаупцу, незнающему ни силы Хриспьерна, ни свѣща. Иные при шомъ намѣкали: чего не удалось Спурамъ, напрасно зашь-ваешь Гусшавъ Ваза.

То грызло мое сердце, что шамъ, гдѣ надлежало бышь свящилищу благородства, находилъ я низкую робость и расчески своекорыстныя. Я созвалъ на думу поселянъ; напомнилъ имъ о подвигахъ, о благородной гордости и непоколебимой преданности къ свободѣ предковъ своихъ. „И мы не бабы!“ опшвѣчали они — „наши молодцы сражались и падали въ биввахъ за родной край. Но если дворянство изгибается передъ чужимъ Королемъ и пошпшь имя его на щипахъ своихъ, чего же намъ шупшь бунтовать? Мы получаемъ соль и сельди отъ Дашчанъ, а въ Швеции никто намъ шого не даетъ. Оставъ насъ въ покоѣ.“

„Если здѣсь нѣшь Шведовъ,“ воскликнулъ я: „по найду ихъ въ Даларни (Далекарли.) — Одинъ крестьянинъ провелъ меня шуда, неся за мною мой скарбъ. Я увидѣлъ съ вышины горъ Даларнійскія селенія, и сердце мое запрепешало радостною надеждою — найши шамъ, чего искалъ. Солнце свѣшило ярко, я былъ упомяненъ, ближняя роца приманила меня подъ шѣнь свою; я прилежъ и заенулъ. Пробудясь, я не нашель вожашаго: онъ скрылся, не оставя мнѣ ничего, кромѣ бывшаго на мнѣ мужицкаго плашья. Тогда пошелъ я въ близлежащій горный заводъ, и нанялся въ работи-

ники. И когда я въ глубинѣ земли раздроблялъ мѣдную руду силою рукъ своихъ, тогда нерѣдко приходила мнѣ мысль, что гораздо легче разсѣкашь скалы, нежели побудить своекорыстіе и робость къ благородному дѣлу. Однако не забывалъ я Николая, и мнѣ все еще мечталось, будио слышу, какъ онъ говоритъ: въ шебѣ одномъ больше Любека, и больше, чѣмъ солдаты безъ благородства и дворяне безъ мужества.

( *Окончаніе впродъ.* )

## II.

# ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

## ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРІИ.

( *Продолженіе.* )

### ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

*Войны Французовъ въ Нидерландахъ, Германіи и Италіи, 1648 — 1738.*

Пятый періодъ, можно сказать, былъ свидѣтелемъ военной славы и постоянныхъ войскъ Европы: Прусское войско достигло возможной степени совершенства, но выше

всѣхъ спали Французы. Лувуа, Военный Министръ Лудовика XIV, зналъ пылкую спраспъ сего Монарха къ военной славы; для ея удовольстворенія, онъ рѣшился преобразовать военное соснояніе Франціи. Разсмашривая Испорію сего періода, мы увидимъ, что Полководцы обѣихъ споронъ были однихъ паланшовъ: Тюренну, Люксанбуру, Конде происвоспошли Монпекукули, Мальборугъ и Евгений Савойскій. Сіе равное происводѣйствіе должно было произвести великое, распроспранившееся на всѣ часпи Военной Науки.

Хотя въ началѣ XVII столѣтія уже всѣ Государства послѣдовали въ успроеніи своихъ орудій Шведскому Кородю, хотя въ Нидерландахъ и Испаніи не только полевые орудія были укорочены, но и осадныя; не смотря на шо, Аршиллерія осшалась въ Германіи въ прежнемъ своемъ видѣ по двумъ причинамъ: 1) будшо бы длиннѣйшимъ орудіемъ производился дальнѣйшій выспрѣль; 2) ошъ привязанности къ сильнымъ зарядамъ, ошъ коихъ корошкія орудія сильно и скоро разгорячались и большіе имѣли ошбои. Скоро однако жъ увидѣли, что шаковыя шажелыя орудія неспособны къ быспрымъ движеніямъ, и шога уже не стали болѣе упошребляшь *цѣлыхъ и трехъ-чет-*

вертных картежей, и Артиллерія состояла изъ слѣдующихъ орудій:

	пояз.		полсп.		вѣсь
	ядра	длина	нар. ч.	дульн. ч.	
Полукартежъ	24 ф.	22 кал.	1 кал.	1 $\frac{1}{2}$ кал.	45-60 ц.
Четверть - картежъ					
таунъ . . .	12 — 24	—	1 —	$\frac{1}{3}$ —	28 - 36
Фалькаунъ . . .	6 — 27	—	1 —	$\frac{1}{3}$ —	
Цѣлая полевая шланга . . .	18 — 30	—	1 $\frac{3}{8}$ —	$\frac{9}{16}$ —	21
Полушланга . . .	9 — 36	—	1 $\frac{3}{8}$ —	$\frac{9}{16}$ —	
Четверть-шланга . . . . .	5 — 40	—	1 $\frac{4}{16}$ —	$\frac{1}{8}$ —	

До самаго 1690 года, Французы также въ своей Артиллеріи имѣли еще длинныя орудія, и общая ихъ длина равнялась 10 Французскимъ фушамъ. Но замѣшимъ, что Французы оплывали, кромѣ сихъ орудій, еще 8 и 4 фуншов. пушки. Вошь орудія, составившія въ семь періодъ Артиллерію Лудовика XIV:

Калибръ орудій.	Длина въ Фуш.	Фр.	Длина въ калибрахъ.	Вѣсь орудій въ фуш.
33 ф.	10		19 $\frac{7}{8}$	6,200
24 —	10		23 $\frac{1}{3}$	5,100
16 —	10		24 $\frac{1}{3}$	4,100
12 —	10		26 $\frac{3}{8}$	3,400
8 длинн.	10		30 $\frac{3}{4}$	1,950
8 коротк.	8		24 $\frac{1}{3}$	
4 длинн.	10		38	1,300
4 коротк.	8		30	

Такъ называемыя гаубицы (каморныя орудія) были исключительно употребляемы только въ Германіи; ихъ употребляли при осадахъ, для очищенія крыльевъ прикрышаго пуши, и въ сраженіяхъ для картежной стрельбы по непріятелю. — Длина ихъ простиралась отъ 5 до 6 калибровъ, изъ коихъ 3 или 4 приходили на длину кошла, а 1  $\frac{1}{4}$  или 1  $\frac{1}{2}$  на камору. Бросали отъ отъ 12 до 24 фунш. каменные ядра, лежали на обыкновенныхъ полевыхъ лафетахъ, прочнѣйшаго устройства, для выдержанія удара вершикалаго огня. Въмѣсто сихъ гаубицъ Французы употребляли семивершковыя мортиры, кои могли бытъ, подобно гаубицамъ, возвышены на 70°, и фуншовымъ зарядомъ бросали бомбу на 750 шаговъ; только послѣ Нервиндскаго сраженія, нашли Французы между 70 завоеванными орудіями 8 гаубицъ, по образцу коихъ были въ послѣдствіи вылиты и Французскія гаубицы. Къ сему же времени относился изобрѣшеніе *малой мортиры*, имѣвшей вмѣсто лафета, длинный стержень; полагають, будто *Клорпъ*, Голландскій Инженеръ, въ 1702 году изобрѣлъ и ввелъ ее въ употребленіе, и посему-то она извѣстна вездѣ подъ именемъ *Клорповой мортирки*; но извѣстно, что еще прежде *Клорпа*, Артиллеріи Им-

перашорской Полковникъ *Гольетъ*, дѣлалъ ея опыты въ 1669 году.

Усовершенствованіе устройства лафетовъ должно было слѣдовать за усовершенствованіемъ устройства орудій. Тяжелыя и большія орудія и гаубицы Нѣмцевъ требовали прочнѣйшихъ, и слѣдовательно тяжелейшихъ лафетовъ, нежели легкія и короткія орудія Голландцевъ и Шведовъ.

Съ сего періода заряданіе пуфлюю вышло совершенно изъ употребленія; вездѣ включали порохъ въ патронахъ, сдѣланныхъ изъ пергаментна, холста или писчей бумаги; сямъ спрѣльба не сдѣлалась столь опасною. На счетъ снарядовъ много было сдѣлано въ семь періодъ. Картечь была двойкая: или она состояла изъ *градъ*, т. е. изъ рубленнаго желѣза, гвоздей, цѣпей и проч., или состояла изъ *мушкетныхъ пулъ*; запасъ сей былъ или вмѣщенъ въ холстинный мѣшокъ, или въ деревянный и жестиной цилиндръ. До сего времени свѣсны бомбы и гранаты были концентрированы, т. е. вездѣ одной толстошты, и посему часто случалось, что бомба ударила шрубкою въ землю и перяла свое дѣйствіе; въ семь періодъ, бомбовое дно вдвое превышало толстошту бомбы, и удобіе сямъ дномъ пробивали толстые своды пороховыхъ ма-

газиновъ. Въ сіе же время, одинъ Аршиллеристъ, въ 1672 году, изобрѣлъ зажигательный снарядъ, называемый и нынѣ *каркасомъ*; устройство его удержано еще и донынѣ. Французы въ первый разъ употребили его, въ присутствіи своего Короля, при осадѣ Масприхна (въ 1674). Французы кромѣ вышеупомянутыхъ бомбъ и гранатъ, изобрѣли въ семь періодъ еще два рода бомбъ. Первый родъ имѣлъ большое сходство съ круглымъ плоскостоннымъ сосудомъ, и по сей причинѣ названъ *martite*. Другой же родъ имѣлъ 18 вершковъ въ діаметръ, былъ наполненъ 48 фунт. пороху и всѣлиъ 500 фунтовъ; сіи бомбы назывались *коллингесы*. По необычайному его вѣсу, снарядъ сей былъ скоро оспавлень.

Въ сіе же время и порохъ былъ усовершенствованъ; всѣ пороховыя мельницы были во Франціи приведены въ цѣлѣющее состояніе; въ 1692 году, число ихъ простиралось до 26, кои вмѣстѣ, съ Марша по Октябрь, приготавливали 2,310,000 фунт. пороху. Въ сіе время старались усовершенить качество и силу пороха; досель Аршиллеристы, не имѣя еще надлежащихъ свѣдѣній о Физикѣ и Химіи, изыскивали воспламененіе и силу пороха изъ противоположныхъ качествъ селистры и свры, и пропорціи

спрехъ существенныхъ частей пороха была выражена невѣрно. Но теперь многіе знаменитые Машемашики и Физики занялись разложеніемъ пороха. Гюйгенсъ, Левенгукъ де ла Гиръ, Папинъ, Бернулли, значительнo усовершенствовали порошокъ, и съ большею точностію опредѣляли пропорцію пороховыхъ частей.

Заряды до сего времени были обыкновенно огромны, и часто равнялись вѣсу снаряда; послѣ уже зарядъ равнялся  $\frac{2}{3}$  вѣса снаряда; пошомъ и сей зарядъ былъ уменьшенъ, и не превышалъ половины ядра. Французскій Генераль-Лейтенантъ du Metz доказалъ наконецъ опытами, что выстрѣлы при  $\frac{2}{3}$  и при  $\frac{1}{3}$ , при возвышеніи  $45^\circ$ , равны. Белидоръ, славный изобрѣшательный геній (незабвенный мужъ своего вѣка), повѣрялъ сіи опыты съ д'Абувиллемъ, Коменданшомъ артиллерійскаго Лаферскаго баталіона въ 1739 году. Опыты были удачны, и Белидоръ выдалъ свою теорію о пользѣ слабыхъ зарядовъ (\*), основывая ее на томъ, что порошокъ

(\*) Въ благодарность за сіе превосходное сочиненіе, Белидоръ былъ лишенъ Фельдцейгмейстеромъ, Принцемъ де Домбель, своего Профессорскаго мѣста въ Лаферъ. Да и по вѣроятію, что могущественные его непріатели препящствовали ему выдать сочиненія: О дѣйствіи пороха въ пушкахъ, и другое:

воспламеняется не вдругъ, а поспешенно. Кардиналь Флери еще разъ повелѣлъ повторить его опыты, и наконецъ установилъ зарядъ въ  $\frac{1}{3}$  вѣса снаряда. Сей періодъ былъ ознаменованъ чрезвычайнымъ множествомъ изобрѣшеній по части Артиллеріи. Но замѣшимъ еще нѣчто о мешаніи бомбъ.

Прицѣливаніе морширы было обыкновенно производимо квадратномъ; сперва дѣланъ былъ пробный выстрѣлъ, и по немъ возвышали или опускали морширу, смотря по тому, коротокъ ли, или длиненъ онъ былъ. Нѣмецкіе бомбардиры имѣли при себѣ нѣкоторыя таблицы, основанныя на опытѣ. Французскіе же и шхъ не имѣли. Уже Лудовикъ XIV, по учрежденіи бомбардирской роты, повелѣлъ производить опыты и по нимъ составлять таблицы, кошорыя шолько различіемъ числа опличались опы Нѣмецкихъ. Но замѣшимъ, что стрѣльба по симъ таблицамъ была ошибочна, и что она еще была шѣмъ ошибочнѣе, чѣмъ болѣе мешаніе бомбъ зависѣло отъ устройства морширнаго станка, отъ свойства пороха, направленія вѣтра и ш. д. При всѣхъ опытахъ, ни одинъ Артиллеристъ еще не раз-

Объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ. Такъ часто стремленіе благороднаго шаланша угнѣшается мечемъ зависти и мщенія!

мышлялъ о линіи полета брошенной бомбы. Мнѣнія о семъ знаменитаго Тарталія и Уфано были слишкомъ смѣшаны и темны, и не могли открытъ пути къ основательной теоріи. Хотя въ началѣ XVII столѣтія, Галилей и открылъ законы движенія свободно падающихъ тѣлъ, на коихъ дѣйствующая сила удара и сила тяжести, хотя онъ и доказалъ, что полетъ ихъ есть параболическая линія, хотя Галилей и примѣнилъ сіе къ наклонной и возвышенной плоскости, но всѣ сіи драгоценныя мысли остались чуждыми для Артиллеристовъ. Де Шаль былъ первый, который въ 1674 году Артиллерию ввелъ въ область систематическихъ Наукъ. Англичанинъ Андерсонъ, думая, что чрезвычайная плотность и тяжесть чугуна уничтожаетъ прошиводѣйствіе воздуха, примѣнилъ первый въ 1607 году теорію Галилея къ Артиллеріи, и для доказательства точности своей теоріи, приводилъ множество бессмысленныхъ гипотезъ. Блондель послѣдовалъ ему, почти во всемъ. Безсмертному Невтону предназначено было рѣшить сію важную артиллерійскую проблему. Невтонъ первый доказалъ, какъ изъ даннаго полета тѣла найти сопротивленіе воздуха. Иванъ Бернулли сдѣлалъ нѣкоторыя поправ-

ки и облегчилъ рѣшеніе сей проблемы. Англичанинъ Кейль воспользовался имъ за сіе въ 1718 году, и предложилъ ему рѣшить слѣдующую задачу: изъ известнаго сопротивленія воздуха найти полетъ тѣла. Тогда явился ученый споръ. Бернулли скоро рѣшилъ сію задачу, не хотѣлъ ея объявить прежде, нежели Кейль объявитъ свое рѣшеніе, и тогда увидѣли, что Кейль претовалъ того, чего самъ не былъ въ состояніи выполнить. Другой Англичанинъ Тайлоръ, заступилъ его мѣсто, и объявилъ свое рѣшеніе: тогда и Бернулли въ 1719 году опубликовалъ свое рѣшеніе сей важной артиллерійской задачи.

И другіе Математики: Мерсеннъ, Галлей, Кохсъ, Маглоренъ и Варигнонъ занимались рѣшеніемъ баллистической проблемы; всѣ они не брали въ расчетъ сопротивленіе воздуха; только Гюйгенсъ увѣрился своими опытами, что полетъ бомбы довольно много отступаетъ отъ параболы. Между тѣмъ, какъ всѣ занимались рѣшеніемъ сей задачи, нѣкто *Рессонъ*, заслуженный Французскій Артиллерійскій офицеръ, утверждалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (говоренныхъ имъ въ Королевской Академіи), „что теорія метанія бомбъ бесполезна, и что хотя Блондель и опредѣлялъ различныя

полепы въ своихъ таблицахъ чрезъ пропорціи возвышеній морширы, но что онъ съ своей стороны, когда ни прицѣливалъ морширу по вычислениямъ Блонделя, никогда не имѣлъ желаннаго успѣха.“ Сего было довольно, чтобы опровергнуть ученые труды двухъ спольшій, шѣмъ болѣе пошому, что опровергатель былъ человекъ заслуженный, знающій свое дѣло и ученый Членъ Королевской Французской Академіи.

Съ возрастаніемъ количесва Артиллеріи, требовалось естественнo для прислуги болѣе людей. Франгузы первые образовали для прислуги своей многочисленной полевой артиллеріи особый корпусъ Артиллеристовъ; въ 1695 году, вся Артиллерія была включена въ артиллерійскій полкъ, состоявшій изъ шести баталіоновъ. Кроме сего артиллерійскаго полка, Лудовикъ XIV имѣлъ еще два полка бомбардировъ, изъ коихъ одинъ состоялъ изъ 12 ротъ, а другой изъ 13. Вся Французская Артиллерія состояла подъ начальствомъ Генералъ Фельдцейгмейстера (Grand Maître d'Artillerie.)

Еще выше мы замѣнили, что арміи возили вообще при себѣ много огнеспрѣльныхъ орудій. Сень-Реми (въ своихъ Mémoires d'Artillerie) полагаетъ на 50,000 арміи 50 орудій, между кошорыми:

4 двадцати-четырехъ-фунт. пушки, у каждой . . . . . 8 лошаад.  
 6 легкихъ двѣнадцати-фунт. пушекъ, у каждой . . . . . 6 — —  
 20 длинныхъ осьми-фунт. пушекъ, у каждой . . . . . 6 — —  
 20 длинныхъ четырехъ фунт. пушекъ, у каждой . . . . . 4 — —  
 Къ сему причисляетъ онъ еще 198 повозокъ (у каждой по 4 лошади) и 20 поншоновъ. Но ужъ Кине (Quiney) требуетъ для шакой же арміи 62 орудій.

(Продолженіе впрѣдъ.)

### III.

## К Р И Т И К А

Мимोगрафія, или опытъ мимическаго письма, посредствомъ коего можно подвести подъ правила языкъ глухо-нѣмыхъ, сочин. Г. Бевіана, бывшаго Цензора Института глухонѣмыхъ.

(Статья сочин. Доктора Балли.)

Всѣ народы на земномъ шарѣ употребляютъ даръ слова; оно всеобщій способъ сообщенія между людьми: говоришь и выра-

жашь мысли — сдѣлались синонимами; одинъ глаголь *говорить* значить у насъ изъясняшь свои мысли.

Рѣдко случается, чтобы неясность въ выраженіяхъ не влекла за собою неясности въ понятіяхъ; многіе даже предполагали, что слово, сообщающее другимъ наши мысли, одно можетъ родить ихъ въ разумѣніи. Не станемъ полкованіями опровергать заблужденія, котораго нелѣпость ясно доказывается событіями. Софистъ опвергалъ движеніе — предъ нимъ начали ходить; пѣмъ, которыя почитаютъ слово необходимымъ орудіемъ дѣйствія нашихъ душевныхъ способностей, мы противопологаемъ примѣръ глухо-нѣмыхъ. Они, безъ помощи сего орудія, не зная даже ни одного изъ языковъ нашихъ, образуютъ въ умѣ своемъ понятія, сравниваютъ, соединяютъ ихъ и ясно другимъ сообщаютъ.

И такъ есть способъ сношенія и сообщенія, независимый отъ слова, предшествовавшій всѣмъ языкамъ, способствовавшій образованію оныхъ во младенчествѣ обществъ, какъ и нынѣ, предъ нашими глазами, всегда способствуешь отъ, въ колыбели жизни, къ изученію языка природнаго. Отъ вездѣ понятень, потому, что пѣсно соединень съ нашею организаціею, которая, за

исключеніемъ нѣсколькихъ легкихъ опшѣнокъ, вездѣ одинакова. Мы о немъ не заботимся, не признаемъ его только потому, что можемъ располагать сокровищами нашихъ языковъ условныхъ, которыя, вообще, кажутся намъ доспащочными. Но въ случаѣ нужды, мы къ нему прибѣгаемъ, радуемся ему, какъ другу, покинутому въ дни счастья и опвергающему намъ свои объясненія въ годину скорби. Блаудая въ справахъ опдаленныхъ и неизвѣстныхъ, пушникъ, посредникомъ его, просить помощи, пребываетъ гостепримства, перваго дара образованности. Слово становится недоспащочнымъ — языкъ дѣйствія всупаешь въ права свои и дѣлается краснорѣчивымъ исполковашелемъ мысли. Мысль, по существу своему, спремишься къ сообщенію. Если сила хочешь подавить ее — она проявляется во взорахъ, въ чертахъ лица, въ положеніи пѣла; прекрасный, но трудный предметъ для Физиолога — изыскашь тайныя соотношенія, связывающія наши ощущенія съ видимыми знаками, сообщающими ихъ намъ подобнымъ. Не менѣе занимательно было бы для Филолога — узнать дѣйствіе нашихъ душевныхъ способностей въ его первобытныхъ формахъ и сквозь прозрачный покровъ языка мимическаго.

Г. Бебіанъ, показавшій рѣдкія познанія въ искусствѣ учить глухо-нѣмыхъ, справедливо предположилъ, что настало время обрашиться наибольшее вниманіе на языкъ мимическій. Такимъ образомъ къ сокровищамъ нашимъ прибавился новое средство совершенствованія; человекъ сдѣлается всею, чѣмъ бышь можешь; получишь возможность приобрести все, чѣмъ Творецъ чудесъ природы дозволилъ обладать намъ, дабы достигнуть высочайшей степени разума, мудрости и благополучія. Не все, можешь бышь, согласяся съ мнѣніемъ моимъ объ усовершенности языка мимическаго; но спобьшь только послушашъ Автора *Мимографи*, что бы убѣдишься въ важности сего способа сообщенія и передачи мыслей. Припомъ языкъ сей, сіе средство, сіе орудіе, соединено съ пользою споль великою, споль священною, что прудно защищяшься отъ нѣкопорого энтузіазма. И плакъ, не будемъ упрекать Г. Бебіана въ томъ, что онъ приписываетъ слишкомъ много важности неизмѣнному предмету его любимыхъ занятій: высокомѣрное презрѣніе, которое оказываемъ мы къ языку дѣйствія, доказываетъ болѣе неосновательность нашихъ сужденій и недоспашокъ размышленія, нежели здравость ума нашего и разборчи-

вость вкуса. Вспомнимъ, до какого совершенства dospитъ языкъ сей на Театрѣ Римлянъ. Если и не дадимъ мы полнаго вѣроятія чудесамъ, которые производило искусство Мимики, по не можемъ совершенно опровергнушь свидѣтельсва Испориковъ, оныя описывающихъ. Жесты Росціа спорили въ почности, въ выразительности, въ гибкости, съ гармоническими періодами Цицерона; а Пиладъ и Бапиль превзошли Росціа! Конечно, въ наше время, языкъ мимическій недостойнъ подобной славы; но онъ занимательнъ для насъ по другимъ причинамъ. Дѣйствія его нынѣ не споль обольстительны, не споль дивны, но они несравненно прогашельнѣе. Посредствомъ его, пышачи несчастныхъ, которыхъ скорбная немощь ошдѣляла отъ міра правственнаго и невещественнаго, возвращены наслажденіямъ общесва, упованію вѣры, прелести любви родственной.

Всякому извѣстно, что глухо-нѣмые имбуютъ особенные знаки, которыми они сообщаютъ другимъ свои мысли. Знаки сіи, ограничивающіеся сначала означеніемъ первыхъ потребностей, развивающя вмѣстѣ съ ихъ понятиливостію и образуютъ языкъ, разумѣмый глухо-нѣмыми всѣхъ народовъ. Посему, хотя языкъ сей, разсмаприваемый

въ отношеніи къ разнообразію, полноствѣ и богатству его, заключаеся еще въ границахъ нѣсныхъ, но онъ, по всей точности, ясности и по одинаковости его знаковъ, распространяеся по всѣмъ частямъ свѣта и на всѣхъ несчастныхъ, одержимыхъ одинакою немощію. Онъ для нихъ языкъ всеобщій, потому что происходитъ онъ одинаковости образованія. Для насъ, онъ средство изясняеся съ ними, проникаеъ въ ихъ разуміе, дабы оплодотворишь его и даеъ надлежащее направленіе развитію онаго. Если только такимъ образомъ можно просвѣтити ихъ, то чѣмъ совершеннѣе будетъ средство сообщенія съ ними, тѣмъ удобнѣе, быстрѣе и вѣрнѣе будемъ мы достигати своей цѣли. Посему, установивъ, подведи подъ правила и обогати языкъ мимическій, окажемъ важную услугу обществу и человечеству. Счастливыиъ пошъ, кому его познанія, гений, благочестіе даюшъ возможность посвятити себя споль полезнымъ занятіямъ, и достигнушь результатовъ, споль благотѣльныхъ.

Г. Бебіанъ приобрѣлъ новыя права на благодарность несчастныхъ глухо-нѣмыхъ изданіемъ того, что онъ скромно называетъ *Опытномъ Мимографіи*. Сей искусный наставникъ, копорый съ давняго времени по-

свящаетъ имъ свои дарованія, свои размншенія и плоды своихъ бдѣній, сдѣлалъ весьма многія и — по мнѣнію людей просвѣщеннѣйшихъ — весьма важныя усовершенствованія въ искусствѣ знаменитыхъ де л'Эпе и Сикара; результаты своихъ занятій изложилъ онъ въ практическомъ учебномъ курсѣ, о которомъ люди знающіе отзывались съ большою похвалою. Совѣтъ Института глухо-нѣмыхъ, принявъ сочиненіе сіе въ руководство наставникамъ, изъявилъ желаніе, чтобы Авшоръ изложилъ въ другомъ сочиненіи правила языка мимического, коего въ шайны ему, кажется, извѣсны. Спѣша исполнити требованіе, споль для него почешное, Г. Бебіанъ издалъ новое свое швореніе.

Сочинитель думалъ, что, не присупая еще къ изложенію правилъ языка, должно показати знаки онаго, сообщити письмена его; но какъ написати жесты? Какъ изобразишь сіе безчисленное множество знаковъ? Какъ выразишь всѣ опшѣнки, копорые въ каждомъ изъ нихъ находяся? При первомъ взглядѣ, 80,000 буквъ языка Кипайскаго покажутся для того недоспашочными.

Предпріятіе было смѣло; оно казалось даже неудобноисполнимымъ и, разсмашривая

книгу Г. Бебiana, удивляешься, какъ счастливо рѣшилъ онъ задачу, которая казалась неразрѣшимою. Авшору удалось довести сию систему письма до такой степени простоты, что небольшимъ числомъ знаковъ можно изобразить на письмѣ всевозможныя шлодвиженія также вѣрно, также легко, какъ и слова; посредствомъ сего новаго изобрѣненія, можно будешь изложитъ на бумагѣ цѣлую паншому, такъ какъ пишешь рѣчь.

Знакъ состоить изъ одного или многихъ жесовъ; жесъ есть общее или частное движеніе шла. Для показанія движенія, Сочинитель употребляетъ дугу круга; радіусъ показываетъ направленіе онаго; нѣсколько черпочекъ (accens) измѣняютъ его, показывая, должно ли оно быть скоро или медленно, сильно или слабо, и проч.

Жестирующий органъ означается фигурою, которая есть не что иное, какъ рисунокъ сего органа, состоящій изъ одной главной черты онаго.

Оснается выразить игру лица, которая довершаетъ и оживляетъ мимическій знакъ. Г. Бебианъ изобрѣлъ для сего особенныя физиономическія почки, похожія на наши вопросительныя и удивительныя. Знаки сіи состоятъ изъ чертъ, различнымъ обра-

зомъ изогнутыхъ, и одной, двухъ или трехъ почекъ, смотря по степени выразительности игры лица. Число сихъ знаковъ необременяетъ памяти, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ особенную, отличительную форму, которая есть родъ памятной замѣтки (note), пошчасъ напоминающей назначеніе онаго. Соотношеніе сихъ знаковъ съ предметами изображаемыми, вообще такъ ясно, что увидя ихъ одинъ разъ, никогда уже не забудешь.

Надобно ли изобразить жесъ? Первый значекъ показываешь дѣйствующій органъ; второй движеніе; а прешій, если нужно, выраженіе лица, которое должно сопровождать жесъ. Такимъ образомъ, самымъ небольшимъ числомъ знаковъ, которыми все простое буквъ нашей азбуки, можно написать жесъ, коего описаніе заняло бы, можешь быть, полспраницы и не показало бы его столь ясно и шочно. Легко можно увидѣть, какъ много эшо оспроумное изобрѣненіе можешь способствовать усовершенствованію обученія глухонѣмыхъ. Впредь, знаки языка шлодвиженій, установленныя письмомъ, не будутъ уже подвержены неопытности и ложнымъ системамъ, прихотямъ и невѣжеству воспитанниковъ; а извѣстно, какое вліаніе имѣешь, въ каж-

домъ языкѣ, точность знаковъ на точность идей.

Глухо-нѣмые только при концѣ учебнаго своего курса, могутъ пользоваться словаремъ; ибо слова объясняющія въ немъ другими словами, которыхъ понять не легче. Авторъ Мимографiи утверждаетъ даже, что изъ двадцати воспитанниковъ, выходящихъ ежегодно изъ Парижскаго Института Глухо-нѣмыхъ, едва ли бываетъ и одинъ, который бы могъ самъ употреблять словарь; наставникъ всегда имъ долженъ замѣнять оный. А они совершенно лишаются сего пособія, какъ скоро возвращаются къ своимъ семействамъ или входятъ въ сношенія съ обществомъ. Но если бы подлѣ Французскаго слова, глухо-нѣмой находилъ мимическiй знакъ, ему извѣстный, то послѣднiй объяснилъ бы ему слово, котораго онъ не знаетъ, такъ какъ въ Лексиконѣ, слова природнаго языка объясняютъ слова языка иностраннаго.

Подобный словарь былъ бы не менѣе полезенъ учителямъ, какъ и ученикамъ: первые находили бы въ немъ естественные знаки идей, вторые значенiе словъ. Въ наставники, коихъ совѣтовъ проситъ Г. Бибанъ, конечно должно почтнуть вспомошествовавшъ ему при составленiи сочиненiя

этого важнаго, котораго полезность они легко могутъ видѣть и которое поспѣшатъ приобрести всѣ, имѣющiе частныя сношенiя съ глухо-нѣмыми.

Чистая сiе творенiе, въ которомъ сочинитель разлилъ прiятность, къ коей предъметъ казался со всѣмъ неспособнымъ, мнѣ пришла въ голову одна мысль. Я думалъ, что если рожденiе дитяти обиженнаго природою, есть большое несчастiе въ семействѣ; то какъ удивительно видѣть, что люди ошличныхъ достоинствъ, посвящаютъ себя многотруднымъ занятiямъ, которыхъ могутъ улучшить жребiй сихъ несчастныхъ. Счастливы глухо-нѣмые, которые найдутъ такого наставника, какъ авторъ Мимографiи! Мы часто имѣли случай сноситься письменно съ нѣкоторыми изъ его учениковъ: мы поражены были точностию ихъ идей, оригинальными и замысловатыми оборотами, которые они умѣютъ придавать симъ идеямъ. Мы захопѣли проникнуть въ глубину души ихъ и были пронужены благочестивою ихъ покорностию судьбѣ своей, Христiанскою философiею, которыхъ умѣли внушить имъ, и которыхъ, заславляя ихъ безъ ропота предавались волю Провидѣнiя, разливаютъ въ ихъ сердцахъ и въ выраженiи лица ихъ, кропкую ясность счастья.

Привязанность къ важнымъ Наукамъ и къ занятію Искусствами не позволяешь имъ сожальшь о вихрь свѣта, а удовольствія ума, находимыя въ чтеніи, вполне вознаграждаютъ ихъ за пустошу обыкновенныхъ разговоровъ.

Проспашъ ли мнѣ сіи подробности? Я почель долгомъ войти въ оныя, говоря о дѣлѣ несчастныхъ, въ пользу коихъ душа моя электризуется мыслию добра, которое можно имъ сдѣлать. Въ первый разъ уславлены, усовершенствованы средства общенія между ними и людьми, болѣе облагодѣшествованными природою. Мнѣ кажется, что новая заря для нихъ воссияетъ и что дѣло великодушнаго Аббата де'Эпе, который нашель споль достойнаго послѣдователя въ Аббатѣ Сикарѣ, будетъ довершено швореніемъ Мимографіи.

*Изъ К. Е — нъ.*

## IV.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТВАЖНЫЙ ПЛОВЕЦЪ НА ЧУЖБИИ.

*Аллегорія (\*).*

*(Посвящается Н. И. В.)*

Обновлю челнокъ надеждой,  
 Въ Океанъ пушусь безбрежный...  
 Тѣсный прудъ насушилъ мнѣ:  
 Полечу къ родной странѣ!  
 Мраченъ берегъ чужаго края;  
 Сердце рвется на Воспокъ;  
 Тамъ страна моя родная!  
 Открылся мой челнокъ!  
 Ночь на бездну водъ наляжетъ;  
 Кшо мнѣ вѣрный путь укажетъ?  
 Для весла достанешь силъ,  
 Много на небѣ свѣшилъ!  
 Всѣ они горятъ, сверкають,  
 Волны моря осребряють,  
 Маняшь насъ лучемъ своимъ,  
 Я не буду вѣришь имъ!  
 Соврашашъ съ души прамого,  
 Заведушь къ чужимъ брегамъ:  
 Слаще воздуха роднаго  
 Есть ли что на свѣтѣ намъ?

(\*) Аллегорическое изображеніе поприща Поэзии.

Возсія на небѣ чистомъ  
 Мнѣ знакома звезда,  
 При швоемъ лучѣ сребришомъ,  
 Я браздилъ стекло пруда!  
 Лежа въ лодкѣ, я качался,  
 Звѣзднымъ небомъ любовался,  
 На равнинѣ голубой  
 Ты играла предо мной!  
 Будь вожаемымъ, лучъ опрадной,  
 Озаряй мой спези,  
 По стеклу пучины хладной  
 Нишью шоякою скользяи.  
 Развернулся парусъ бѣлый  
 Волны плещущъ о челнокъ;  
 Полечу съ душою смѣлой  
 Прямо, прямо на Восшокъ!

*Пл. Ободовскій.*

## V.

# СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрѣніе про-  
 шшествій 1826 года.

Сей годъ, въ кошоромъ появленіе шеспи кометь не считалось уже чрезвычайнымъ явленіемъ, въ опношеніи къ климашу имѣлъ сильное вліяніе на судьбу рода чело-

вѣческаго. Послѣ холодной и сухой весны, наступили въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ шакіе жары и засухи, какихъ не было уже 44 года: въ нѣкошорыхъ сѣверныхъ спранахъ жаръ доходилъ до 30 градусовъ. Слѣдствіемъ сего почши повсюду была посредственная или худая жашва; она была причиною шому, что въ Англіи позволенъ былъ ввозъ хлѣба, и что, по вновѣ наступившему сбышу накопившихся хлѣбныхъ запасовъ и по возвысившимся цѣнамъ на хлѣбъ, улучшилось состояніе земледѣльцевъ въ хлѣбныхъ земляхъ Европы. Западная Индія и Южная Америка, напрошивъ шого, послѣ долговременной засухи, обрадованы были освѣжительными дождями и благословенными жашвами. Другимъ слѣдствіемъ жара и засухи въ Европѣ были заразительныя болѣзни, преимущественно на сѣверозападныхъ берегахъ; въ Голландіи приняли онѣ весьма опасный видъ, и казалось, имѣли сходство съ гибельною болѣзнію, извѣшною подъ названіемъ cholera morbus. Сія ужасная моровая язва, опъ кошорой въ два года умерло 6 миллионовъ челошкъ, нынѣ доспигла до Месопотаміи, Египта и береговъ Каспійскаго моря.

Во всѣхъ спранахъ образованнаго шѣша, оказываемы были непрерывныя успѣхи въ проведеніи каналовъ, спроектіи чугунныхъ

пушей и большихъ дорогъ, и плаваніи, посредствомъ паровыхъ машинъ, какъ важнѣйшихъ средствъ распространенія образованности. Новозобрѣтенное паровое орудіе вскорѣ будетъ играть важную ролю во исторіи войны. Состояніе шорговли и ремеслъ не только показывается въ точности нынѣшнее положеніе рода человѣческаго, но заключаетъ въ себѣ и причину полишическихъ происшествій. Такъ, напримѣръ, доспойно замѣчана значительное усиленіе ремеслъ въ Россіи: въ одной Москвѣ уже находится до 4,000 станковъ для разработчи шелку. Во многихъ Нѣмецкихъ странахъ также весьма поднялись фабрики, преимущественно въ Рейнскихъ областяхъ Пруссіи. Англія спарается сохранить сбытъ своихъ фабрикъ усовершенствованіемъ машинъ и дешевизною, хоша и съ ущербомъ для прочности, преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ Америка изобилуетъ издѣліями фабрикъ, и другимъ народамъ открытъ входъ въ оную; по сей причинѣ весьма важны были для Англіи открытія новыхъ шорговыхъ пушей въ восточную часть Индіи и внутреннюю Азію, и умножающаяся образованность Австраліи. Нѣмецкія ярманки вредятъ одна другой; однако же купцы надѣются, что наступятъ лучшія времена, когда

Востокъ будетъ успокоенъ и Америка отдохнетъ послѣ войны.

Происшествія, коихъ зрѣлищемъ была въ семь году *Португалія*, сославявъ эпоху не только въ Португальской, но и въ Всемирной Исторіи; ибо здѣсь закононою властію возстановлены были Кортесы во двухъ Палатахъ и съ нѣкоплыми прошиву прежняго перемѣнами, и изъ Америки новая система правленія перенесена въ Европу; шакъ измѣнились обшоятельства въ послѣднее двадцатилѣтіе! Сначала столица Португальской Монархіи перенесена была въ Бразильскую колонію, кошорая просвѣщенному міру едва ли была знакома болѣе, нежели внутренность Африки; пошомъ сія самая колонія пріобрѣла одинаковыя права съ Королевствомъ, ошъ кошорого она зависѣла; засимъ она ошдѣлилась ошъ него, какъ независимое Государство, и была признана Португаліею; наконецъ Португалія получила ошъ Императора Бразиліи, ошказавшагося ошъ верховной власти надъ первою, новый образъ правленія и назначеніе будущаго своего Короля.

Отець перваго Бразильскаго Императора, крошкій и добродушный Король Іоаннь IV, род. 13 Мая 1767 года, припявшій званіе Регента въ 1792 году, Короля Порту-

гальскаго и Бразильскаго въ 1807 году, уже въ началѣ сего года спрдадалъ опасною болѣзнію и скончался незадолго спустя послѣ смерти 67-лѣтняго Пашриарха Лиссабонскаго (игравшаго важную роль въ новѣйшей Исторіи Португаліи), 10 Марша сего года. Онъ, какъ частный человекъ, владѣлъ несмѣнными сокровищами; оставилъ 50 милліоновъ крузатовъ золотомъ, изъ коихъ половина досталась Королевѣ, вдовѣ его, а другая дѣлясь, и сверхъ того, какъ говоришь, имѣлъ значительныя капиталы въ Англійскомъ банкѣ. Правда, по дѣ концъ его правленія состояніе финансовъ Португаліи весьма поправилось; имѣніе Инквизиціи было продано въ пользу казны; торговля, со времени признанія независимости, приобрѣла новую дѣятельность; однако же распри, раздиравшія сосѣдственную землю, господствовали и въ Португаліи, гдѣ при паршіи, Англійская, паршія Королевы или Духовенства, и занимающая мѣсто между обѣими, умѣренная, съ нешерпѣніемъ ожидали развязки происшествій, спаралель направивъ ходъ оныхъ по своему желанію. Вліяніе Англійскаго Посланника Сиръ-Виліама Акурша, подкрѣпленное близостию Брипанской флотилліи, одержало въ сію кришическую минушу верхъ надъ против-

ными паршіями. Дочь Короля Иоанна IV, любезная и умная Инфаншина Изабелла, род. 4 Юля 1801 года, была самою Королевою признана въ званіи Правительницы; Регенство спало издавать постановленія свои отъ имени Императора Дона-Педро. Хотя Испанія запруднилась признаніемъ онаго, но оно немедленно предприняло сильныя исправительныя мѣры, преимущественно въ управленіи финансами, распустило полпу агенство Полиціи, и опредѣлило послать депушацию въ Рио-Жанейро, чшобы убѣдишь Императора къ возвращенію въ Европу. Донъ-Педро, конечно уже пригото- вившійся къ шаковому случаю, не сомнѣвался, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ему оставался лишь выборъ между Королевскою Португальскою и Императорскою Бразильскою коронами, оирекся 2 Мая сего года отъ первой, и передалъ оную малолѣтней дочери своей Доннь-Маріи-да-Глорія, род. 4 Апрелья 1819 года, обязавъ ее при томъ сочешаться бракомъ съ дядею ея, Донномъ-Мигуэлемъ. Однако же, до сего опреченія отъ престола Португальскаго, Императоръ издалъ нѣсколько важныхъ постановленій, которыми ушвердилъ существовавшее Регенство, объявилъ всепрощеніе и 23 Апрелья даровалъ Португальскому Коро-

левству такъ называемую Carta-de-ley, ко-  
торая во многихъ пунктахъ сходствуе-  
тъ съ Французскою хартиєю. Онъ наименовалъ  
Герцога Кадоваля Президентомъ Палаты 68  
Перовъ.

Сиръ Карль Спуаршъ, которому по  
справедливости приписывали важное участіе  
въ сихъ послановленіяхъ, принявъ былъ въ  
Лиссабонъ съ неописанною радостію, но  
пѣмъ явнѣе оказалось ожесточеніе против-  
ной партіи; въ столицѣ доходило до крово-  
пролитныхъ явленій, въ коихъ участвовали  
возмущившіеся егери, и Англія нашлась  
принужденною усилить флотиллію свою у  
береговъ Португальскихъ. Правительница,  
присягнувшая новому образу Правленія 31  
Юля, старалась великодушными и благо-  
разумными поступками обезоружить вра-  
говъ своихъ, но какая сила, кромѣ времени,  
можеть укротить слѣпую ярость против-  
ныхъ парсій? Во многихъ Португальскихъ  
полкахъ возгорѣлся мятежъ, и солдаты пол-  
ками уходили въ Испанію, гдѣ ихъ охотно  
принимали шамоніе абсолутисты. Въ  
Аленшехо и нѣкоторыхъ другихъ областяхъ  
произошли немаловажныя безпокойства по  
поводу двухъ заговоровъ: члены одного хо-  
тели возвести на престолъ вдовствующую  
Королеву, а приверженцы другаго, Инфанша

Дона Мигуэля. Между пѣмъ, Правитель-  
ство успѣло преодоливъ мятежниковъ, обез-  
оружило гарнизонъ въ Эльвасъ, гдѣ учреди-  
лась Юнша, и укротило, съ помощію гарни-  
зона, бунтъ конной полицейской стражи  
въ Лиссабонѣ; но все еще не получено было  
доспащочнаго отвѣта на весьма важный  
вопросъ: признаесть ли пребывавшій тогда  
въ Вѣнѣ, Инфаншъ Донъ-Мигуэль настоящей  
порядокъ вещей? Маркизы Абраншесъ и Ха-  
весъ воспользовались симъ предлогомъ къ  
начатию новыхъ безпокойствъ, которыми  
однако же вскорѣ были укротены, и Ан-  
глійская флотиллія высадила небольшой от-  
рядъ морскихъ войскъ на берегъ, въ видѣ  
охранителей Королевы. При сихъ сомнитель-  
ныхъ обстоятельствяхъ, Правительница  
открыла, 30 Октябрия, собраніе Государ-  
ственныхъ Чиновъ, и въ шу минушу, когда  
она готовилась произнести рѣчь, была об-  
радована извѣстіемъ, что Донъ-Мигуэль  
(который 29 Октябрия торжественно обру-  
чился съ Донною Марією-да-Глорія) при-  
зналъ 4 Октябрия въ Вѣнѣ, новое Порту-  
гальское Правленіе, и присягнулъ въ вѣр-  
ности оному. Хотя Испанія все еще не со-  
глашалась признасть нынѣшняго порядка ве-  
щей въ Португаліи, но видя, что многіе  
недовольные изъ полковъ ея такими же

большими полпами переходяшь въ Португалію, какъ и недовольные Португалцы въ Испанію, заключила съ Португалією договоръ, по кошорому оба Королевства, не преляшсвуя пребыванію шаковыхъ перемешчиковъ въ своихъ владѣніяхъ, обязались прошивишься всякому насильственному впаденію въ опечество свое изъ сосѣдней земли. И шакъ, казалось, что спокойствіе было воспановлено, финансы находились въ хорошемъ состояніи, и опъ возвращенія извѣснаго Маршала Бересфорда, [ожидали утверженія внушренняго мира. Члены Сейма занялись сочиненіемъ разныхъ законовъ. Въ Палашъ Перовъ вскорѣ опкрылись различныя паршіи, изъ коихъ извѣснѣйшія были: Испанская, Англійская и шрешія, оказывавшаяся непріязненною Браганцскому Королевскому Дому. Между шѣмъ начались новыя безпокойства въ сѣверныхъ областяхъ, и мяшежники, подкрѣпляемые Испанскими абсолушисшами, а именно Генераль-Капшанами Старой Касшліи и Эшремадуры, 1 Декабря ворвались съ оружіемъ въ рукахъ, въ обласшь Трасъ-осъ-Моншесъ. Ими начальсшвуетъ Маркизь Хавесъ, кошорый намѣренъ учредишь въ Браганцъ Регенсштво именемъ Корола Мигуэля I; войско его состоишь изъ 2000 человекъ пѣхо-

шты и 800 конницы. Двѣ другія колонны должны были учинишь впаденіе въ обласши Энпре-Миньо-е-Дуро и Аленшехо. 24 Ноября, послѣ небольшого сраженія, мяшежники заняли и два дни грабили Браганцу; 26 крѣпосшь сдалась на капитуляцію. 24 Ноября, другіе Португалскіе бѣглецы ворвались въ обласшь Бейру. 22 Ноября укрощень былъ буншь въ Лиссабонѣ войсками, въ числѣ коихъ находилася опрядъ войскъ Англійскихъ.

*Испанія* находилася въ прежнемъ же состояніи внушренняго разсшройсшва и яросшныхъ порывовъ взаимной ненависти паршіи, кошорыя шерзали сію землю и въ шеченіе 1825 года. Къ симъ внушреннымъ бурямъ присоединились въ концѣ прошлаго года опустошенія физическія: сильныя вихри причинили величайшія опустошенія въ Кадиксѣ и въ Гибралшарскомъ проливѣ, и шакъ какъ Испанія не хошѣла давать помощи погибавшимъ опъ кораблекрушенія, (по шой причинѣ, что въ числѣ ихъ были и мяшежные Колумбійскіе каперы), то Англичане нашлись принужденными изъ Гибралшара вооруженною силою перейши чрезъ Испанскую линію, для исполненія сего долга челоувколюбія. Алжирскіе и Колумбійскіе каперы ишшребили береговое кораблеплаваніе; раз-

бойники превозили большія дороги, Гверильясы разныхъ партій нарушали спокойствіе въ Сьеррахъ или лѣсиспыхъ горахъ, а необузданные волонтеры въ городахъ. Кордова была преимущественно позорищемъ безпокойныхъ явленій, коихъ нѣсколько разъ опасались и въ Мадридѣ; а закоренѣлая народная ненависть причинила раздоры съ Французскимъ гарнизономъ въ Санъ-Себастьянъ и Барцелонъ. Учрежденъ былъ новый Государственный Совѣтъ; но двѣ партіи въ Министерствѣ продолжали вооружаться одна противъ другой. Кастильскій Совѣтъ, пошерявшій однако же, въ новѣйшія времена, большую часть своего вліянія, пламенно возсѣлъ прошиву поощренія, оказываемаго ученому образованію въ ущербъ духовному. Вообще сохранила перевѣсъ свой партія ультра-роялистовъ, коигорою предводительствовалъ Генераль монашескаго ордена Пашеръ Сирилло; она не прешакала прошивишься признанію независимости Америки; она-шо исходатайствовала оправданіе Генерала Капале, приверженца Бесьерова. Сидь самымъ Карлисы поощрены были въ Аррагоніи, Галиціи и Сеговіи. Въ Севильѣ открытъ былъ опасный заговоръ, въ Валенціи и Мурціи составились новыя шайки; марпизанъ Мерино обезпокоивалъ окрест-

ности Бургоса, и въ самомъ Мадридѣ, гдѣ произошла ссора между Швейцарцами и Королевскими волонтерами, Инспекторомъ коихъ избранъ былъ Генераль Карвахаль, сдѣланы были ужасные замыслы, имѣвшіе цѣлю умерщвленіе всѣхъ ненавистныхъ заговорщикамъ особъ, можешь быть даже и смѣненіе Короля и возведеніе на престолъ Инфанта Донъ-Карлоса. Съ другой стороны, приверженцы шлой мятежной партіи также возобновили свои покушенія. Полковникъ Базанъ вышелъ съ инсургентскимъ войскомъ изъ Гибралтара, всушилъ въ кровопролитное сраженіе съ Королевскими волонтерами, но былъ разбишь, взятъ въ плѣнъ и преданъ казни. Не взирая на сіе внутреннее разстройство, положено было нарядишь новую экспедицію въ 10,000 человекъ, для защищенія острова Кубы отъ замысловъ Колумби и Мексики. Должно было упошребишь силу и хитрость, чшобъ сіи войска посадишь на корабли въ Кадиксъ, и шупъ еще многіе машросы бѣжали съ ливйнаго корабля Гверреро. Отъ времени до времени, когда поспулки ультра-роялистской партіи становились слишкомъ смѣлыми и опасными, ободрялась нѣсколько и партія умѣренныхъ роялистовъ, называемая de l'apocor; шакимъ образомъ не было

обращено вниманія на просьбу Кадикскаго Капишуда о возстановленіи Инквизиціи, опринушо предложеніе Государственнаго Совѣща объ уничтоженіи Полицейскаго правленія Г. Реахо, и самъ Король осудилъ Пашера Капане на шести-лѣшнюю каторгу. Въ Валенціи доходило до кровопролитныхъ сраженій съ Карлистами; а шайка Короны, копорая въ Андалузїи весьма увеличилась и угрожала сдѣлаться опасною, разсѣялась, когда ашаманъ ея, ожесточивъ противъ себя Андалузскихъ крестьянъ, былъ раненъ однимъ изъ нихъ, и ошъ того умеръ. Бдишельный Реахо открылъ также новый заговоръ Карлистовъ, имѣвшій цѣлю провозглашеніе Королемъ Дона-Карлоса, и въ слѣдствіе сего, положено было учредить регулярное войско въ 50,000 человекъ. Герцогъ Инфаншадо, при выборѣ коего въ Министры, апостолическая паршїа весьма ошиблась, ушомленный безпрерывными пренїями, отсказался ошъ званїа Министра, и на время замѣщенъ былъ Г. Сальмономъ. Королевскіе волоншеры, въ Мадришѣ, насильно въпребовали прощеніе одному убійцѣ, и съ шѣхъ поръ еще меньше полагали предѣловъ своему нахальству, шѣхъ болѣе, что промеществїа въ Поршугалии ожесточали ихъ, и что къ нимъ присоединились Поршугаль-

скіе перемешчики; между шѣхъ и сильныя опряды Испанскихъ солдатъ счлалы переходить въ Поршугалию, что и побудило оба Правительсшва заключить вышешепомянутый договоръ. Въ сіе время, Англїйскїй Генераль Донъ издалъ въ Гибралшарѣ объявленіе, что онъ намѣренъ соблюдать спрощайшїй нейспралишешъ, и шѣхъ преградилъ входъ въ Гибралшарѣ кознямъ обѣихъ паршїй. Извѣсшнїй Трапшисшъ умеръ, къ прискорбію апостольской паршїи, 9 Окшября въ монастырѣ, въ кошоромъ онъ вновь поселился съ 1824 года. Здравіе Короля нѣсколько разъ было въ сомнительномъ положенїи, а Королева подъ конецъ сего года, спрадала опасною болѣзнію, копорая однако же, какъ говоряшъ, совершенно прекращена. Гренада была опустошена сильнымъ землешприсенїемъ; саранча и засуха испребили жашву. Къ числу послѣдшвїй опшорженїа Америки, уже нынѣ ошущаемыхъ Испанїю, принадлежшъ успѣшная обрабощка кофейнаго дерева, хлопчато-бумажныхъ куштарниковъ, сахарнаго шроспшника, индїго и кошенилеваго какша въ Андалузїи и Гренадѣ, и разрабощка спарыхъ рудниковъ. Предсшавленїа, сдѣланныя Испанїи Францією и Англїєю о признанїи независимосши новыхъ областей, еще доселѣ

остаются безъ успѣха, хотя и морская сила Испаніи близъ Кубы почти вся истреблена бурями. Несомнѣнно то, что нынѣ Испанія находится въ бѣдственномъ состояніи. На богатѣйшей почвѣ земли и въ благораспоряженнѣйшемъ климатѣ, Испанія, на 15,000 кв. миль, имѣетъ только 11,500,000 жителей, едва составляющихъ шрещь народонаселенія, которое въ ней помѣститься можешь; но это объясняется тѣмъ, что четверть всего недвижимаго имущества въ Испаніи принадлежитъ Духовенству, состоящему изъ 156,000 чело-вѣкъ, коихъ годовой доходъ простирается до 793 милліоновъ реаловъ.

За нѣсколько дней до открытія Бри-танскаго Парламента, 31 Января, начаты были засѣданія Палаты во *Франціи* рѣчью Короля, въ которой онъ упомянулъ о смерти Императора Александра, о торговомъ договорѣ съ Англіею, объ освобожденіи Сень-Доминга и слѣдующей изъ того необходимости послановити законъ вознагражденія, о благопріятномъ положеніи финансовъ, допускающемъ новое уменьшеніе налоговъ на 19 милліоновъ, и о необходимости предупредительныхъ средствъ противу раздробленія недвижимыхъ имуществъ, несогласнаго съ правилами монархическаго правленія.

Въ сіе засѣданіе, Министерство имѣло поль-ко пренія съ роялистами или шакъ назы-ваемой конпръ-оппозиціею, а спорными пунктами была финансовая система Г. Вил-деля, который все еще пользуется Коро-левскою милостию, освобожденіе Гаипи, процессъ Уврара и полишика, наблюдаемая противу Испаніи и Южной Америки. Въ засѣданіи Палаты Перовъ 10 Февраля, Вели-кій Хранишель печати представилъ важный законъ о наследствахъ и субсидиціяхъ, который въ послѣдствіи подалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ; а 11 Февраля, Министръ Вилдель предложилъ въ Палатѣ Депута-товъ законы о вознагражденіи бывшихъ Сень-Домингскихъ колонистовъ и о фи-нансахъ. 1 Марша подана была жалоба на Издашеля Коммерческаго Журнала за оскор-бительныя выраженія противу Палаты, и хотя онъ былъ объявленъ виновнымъ, но присужденъ только къ мѣсячному шюремно-му содержанію и къ уплатѣ 100 франковъ пени. Между тѣмъ, какъ въ Палатѣ Депу-татовъ сильно спорили о вознагражденіи прежнихъ колонистовъ, въ Палатѣ Перовъ, 8 Апрѣля, отвергнувъ былъ проектъ зако-на о правѣ первородства, противъ коего непрерывно поступало множество просьбъ, потому что многіе въ ономъ видѣли осно-

ваніе новой Аристокраші и уничтоженіе права равенства всѣхъ Французовъ, въ отношеніи къ законамъ; за шо приняты были законъ о субсидіяхъ большинствомъ 160 голосовъ прошиву 53. Большое впечатлѣніе сдѣлало краснорѣчиво изложенное мнѣніе Шамобріана, чтобы всякое участіе, принимаемое Французскими подданными или кораблями въ торгъ невольниками на Востокъ, подводимо было подъ законъ отъ 15 Апрѣля 1818 года прошиву шорга невольниками. Великій Хранишель печатилъ сильнѣйшимъ образомъ прошивилъ сему предложенію, однако же Графъ Лене опровергнулъ его возраженія, оппозиція воспротивовала, и мнѣніе Г. Шамобріана принято было въ Палатѣ Перовъ большинствомъ 85 голосовъ прошиву 64. Въ Палатѣ Депушатовъ происходили такія же жаркія пренія о необходимости усилить законы прошиву шорга невольниками, и при семъ случаѣ Генераль Себастиани сдѣлалъ упрекъ Министерству, что въ морскомъ спискѣ находящія офицеры, которые образовали войска Ибрагима. Г. Виллель сильно защищался прошивъ сего упрека и въ доказательство предъявилъ письма Адмирала Риньи, по которымъ нѣтъ ни одного Французскаго судна въ Турецко-Египет-

скомъ флотѣ, а напрошивъ того Французскій флагъ, съ начала революціи, послужилъ убжищемъ для 7000 Грековъ. Пошомъ Палата Перовъ занималась непріятнымъ процесомъ Уврара и приняла законъ о вознаграденіи Сень-Домингскихъ Колонистовъ большинствомъ 135 голосовъ прошиву 16, а въ Палатѣ Депушатовъ происходили жаркіе споры о финансовомъ законѣ, не безъ сильныхъ нападеній на Г. Виллеля. 2½ милліона назначены были для поправленія состоянія Духовенства, еще милліонъ на крепости, и еще милліонъ на флотъ. По одобреніи бюджета, Палата занималась еще нѣсколькими предметами, имѣвшими только мѣстную важность, до заключенія заведеній, воспослѣдовавшаго 6 Юля. Оныя снова должны были открыться 12 Декабря; главными предметами преній, какъ думаютъ, будутъ: проектъ закона шисненія, бюджетъ, установленіе военныхъ и лѣсныхъ Уставовъ, и законъ о Присяжныхъ.

Между шѣмъ Римско-Каполическое Духовенство во Франціи безпрестанно усиливалось и угрожало даже одержать верхъ надъ Министерствомъ, но въ такой же соразмѣрности возрастала и оппозиція всей націи прошивъ Папскихъ привязаній. Не смотря на приглашеніе Двора и Архіепис-

скопа, присущивенныя мѣста не участвовали въ торжественной процессіи во время празднованія Юбилея. Предметомъ величайшей ненависти были Іезуиты, въ существованіи коихъ во Франціи, признанъ въ засѣданіяхъ Палаты Министровъ Духовныхъ дѣлъ. Графъ Монлозье донесъ о нихъ, какъ о непопозволенномъ обществѣ, но Королевскій Судъ объявилъ, что онъ не власень рѣшилъ сіе дѣло. Въ Руанѣ безпокойства по сему предмету дошли до того, что народъ влачилъ по улицамъ Миссіонера Аббаша Левенбрука, и насильно хотѣлъ ворваться во дворецъ Архіепископа. Королевская гвардія дважды сирѣяла по народу и должна была штыками пробиться въ средину онаго, при чемъ ранено нѣсколько офицеровъ, между прочими одинъ гвардейскій Полковникъ. Сочиненія Энциклопедистовъ, Вольпера и Руссо, все болѣе и болѣе были распространяемы въ дѣйствительныхъ изданіяхъ и читаемы съ болѣею жадностію; чтобы прекратить распространеніе оныхъ и предупредить дальнѣйшія нападки на Іезуитовъ, Духовенство ревностно старается объ ограниченіи свободы писанія, котораго тщетно требовала, въ послѣднее свое засѣданіе, Палата Депутатовъ. Также учреждено было нѣсколько новыхъ женскихъ монастырей.

Хотя Франція еще не признала формально новыхъ Американскихъ Обласей, однако же всупала съ ними все въ тѣснѣйшія связи; въ Мексикѣ опредѣлены были важнѣйшіе торговые агенствы, и въ день Св. Карла, въ первый разъ развились Мексиканскіе и Колумбійскіе флаги въ гаваняхъ Французскихъ. Бразилія была признана формально, и съ нею заключенъ былъ важный торговый договоръ; нынѣ она, вмѣстѣ съ Египтомъ и островомъ Гаити, вблизи коего стоить сильная Французская флотилія, составляетъ важнѣйшую почку зрѣнія Французской торговой полиптики. — Франція скорѣе и счастливѣе Англіи перенесла крипическую минушу торговли въ началѣ года: благосостояніе ея увеличивается; жителей въ началѣ года считалось въ ней до 31,600,000 душъ, а число обитателей Парижа просиралось до 900,000 душъ; и такъ въ послѣднія пять лѣтъ народонаселеніе сей столицы приумножилось 17,163 душами. Парижъ, украшенный нынѣ новою великолѣпною биржею, безпрерывно распространяется. Въ семь году онъ увеличился цѣлымъ новымъ кварталомъ, наподобіе Лондонскихъ *скееровъ*. Чугунный муть усроенъ былъ ошъ Сеншъ-Эпиенна до Ліона, опустошеннаго большимъ пожаромъ. Герцогъ Рагузскій опшправился въ зва-

ни Чрезвычайнаго Посла въ Пешербургъ. Герцогъ Бордоскій поручень былъ воспита- шелямъ мужскаго пола. Для Грековъ учи- нены были значительные сборы; однако же Марсель, куда въ концъ года прибылъ Ко- кренъ, не переславала бытъ мѣшомъ дѣ- льнаго сношенія съ Пашею Египетскимъ; онъ самъ спроеилъ военные корабли и при- нималъ въ службу свою Французскихъ офи- церовъ, кошорые, выслушавъ рассказы возвра- щившихся изъ Египта, конечно пошеряють къ тому охоту. Къ числу знаменимыхъ особъ, скончавшихся въ семь году, принад- лежатъ Живописецъ и террористъ Давидъ, умершій въ изгнаніи въ Брюссель, 54-лѣт- ній Маршалъ Сюшешъ, Герцогъ Альбуфер- ской; Герцогъ Маше Монморанси, нѣкогда бывшій другомъ Вашингтона и Адьютан- томъ Лукнера; знаменимый актеръ Тальма и Графъ Буасси д'Англасъ, кошорый, буду- чи Президентомъ Конвенша, во время воз- мущенія Якобинцевъ 21 Мая 1795 года, ока- залъ геройское презрѣніе къ смерши.

(Продолженіе впрелъ.)

VI.  
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

1827.

Богословіе.

3. *Очевидность Божественнаго происхо- жденія Христіанской Религіи*, соч. Г. Женинга, бывшаго Члена Англійскаго Нижняго Парламенша. Перев. В. Влади- славлевъ. С. П. б., въ шип. Іоаннесова. 1827. 105 стр. въ 8.

(См. Но 22 Съв. Пчелы.)

Законовъдѣніе.

4. *Новѣйшее Руководство къ познанію Россійскихъ Законовъ*, изданное для вос- питанниковъ Московскаго Коммерче- скаго Училища, Иларіономъ Василье- вымъ, Магиспромъ Нравственныхъ и Полишическихъ Наукъ, Соревноване- лемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Секретаремъ Училищнаго при Императорскомъ Московскомъ Уни- верситетѣ Комишеша, Учителемъ Рос- сійскаго Законовъдѣнія и Секретаремъ Учительской Конференціи при Москов-

скомъ Коммерческомъ Училищѣ. Часть I. М. 1826, въ Унив. шип. — XV и 213 стр. въ 8.

(Весьма полезная книга, не только для учащихся, но и вообще для всѣхъ, кои полагають приобрести историческое и систематическое познаніе о Россійскомъ Законодательствѣ. Полное сочиненіе будетъ состоять изъ 2-хъ частей. См. Сѣв. Пч. No 23, гдѣ помѣщено достаточное нечисленіе предметовъ, содержащихся въ сей книгѣ.)

*Топографія и Статистика.*

5. *Описание Тульского оружейнаго завода, въ Историческомъ и Техническомъ отношеніи*, сочиненіе Юсіфа Гамеля, Коллежскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны вш. ст. съ алм. зн. Кавалера, Доктора Медицины, и разныхъ Ученыхъ Обществъ Члена. Съ планами и изображениями оружія и машинъ, на 42 листахъ. Издано по Высочайшему повелѣнію. М. въ шип. Августа Семена, 1826, въ 4. XX, 263 и 69 стр.

(Книга сія посвящена Сочинителемъ Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу. Въ ней Г. Гамель, въ свѣдѣніе Высочайшаго повелѣнія въ Божѣ почивающаго Императора Александра I, весьма подробно описалъ одно изъ любо-

пытвѣншихъ и превосходвѣншихъ въ Европѣ заведеній. Извѣстіе о сей книгѣ распространѣе сообщено въ 20 No Сѣв. Пчелы нынѣшняго года.)

6. *Записки о польздѣ на Нижегородскую ярмарку* Московской Коммерческой Практической Академіи Воспитанника Николая Тярна. Изданы иждивеніемъ М. Коммерческой Практической Академіи Д. Члена П. О. Верешенникова. М. 1827, въ шип. А. Семена. 57 стр. въ 8.

(См. 21 No Сѣв. Пчелы.)

КОНЕЦЪ СТО ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

**О Г Л А В Л Е Н І Е**  
СТО ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
<b>I. Изящная Словесность.</b>	
1. Каршины, Повесть . . . . .	3
	(Прод.) . 105
	(Оконч.) . 213
2. Вечеръ въ Д. . . . .	258
	(Оконч.) . 329
3. Гусшавъ Ваза . . . . .	346
<b>II. Исторія XVIII столѣтія.</b>	
Опытки изъ Записокъ Гр. Сегюра . . . .	46
	(Прод.) . 152

<b>III. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.</b>	
Письма на Кавказъ . . . . .	57
	(Прод.) . . . 186
<b>IV. ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.</b>	
Исторія Артиллеріи . . . . .	173
	(Прод.) . . . 274
	(Прод.) . . . 364
<b>V. ФИЛОСОФІЯ.</b>	
Письмо къ другу . . . . .	290
<b>VI. КРИТИКА.</b>	
1. Расположеніе Библиотеки И. Московскаго Университета . . . . .	304
2. Мимографія . . . . .	375
<b>VII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.</b>	
1. Осада Миссолонги . . . . .	77
2. Джонъ Адамсъ . . . . .	201
3. Джефферсонъ . . . . .	321
4. Обзоръніе происшествій 1826 года . . . . .	388
<b>VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.</b>	
1. Ижорскій . . . . .	91
2. Рожденіе Мессіи . . . . .	205
3. На игру В. П. Г—вой . . . . .	207
4. Спихотворная коляска . . . . .	—
5. Картина изъ временъ завоеванія Сибири	316
6. Цвѣшокъ безъ запаха, Басня . . . . .	321
7. Ошважный пловецъ . . . . .	387
<b>IX. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ</b>	
	102
	212
	318
	409